

ЮРИЙ
ВАЛИН

Дезертир
Фрота

Заключенный мир

Юрий Валин
Дезертир флота

«Автор»

2009

Валин Ю. П.

Дезертир флота / Ю. П. Валин — «Автор», 2009

В этом мире на равных сосуществуют эльфы, орки, вампиры, оборотни, люди, рожденные в нем, – и люди, занесенные в него из далекого будущего. Здесь воюют беспрерывно, а ненавидят с наслаждением и со вкусом – северные земли напирают на южные, люди и оборотни грызутся, как одержимые, а представители Старших народов плетут хитрые интриги, намереваясь поставить, наконец, на место представителей народов Младших. Здесь начинается история лихого парня по прозвищу Квазимодо – бродяги, авантюриста, непревзойденного бойца и ловкого вора. Он вместе со своим отрядом дезертировал из Объединенного флота – и хорошо знает, что за это и ему, и его бойцам светит петля. Будущего у него нет. Планов тоже нет – да и не может быть. Есть только бесконечные, смертельно опасные приключения – да слабая надежда выжить...

© Валин Ю. П., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	42
Глава 4	58
Глава 5	72
Глава 6	94
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Юрий Валин

Дезертир Флота

Пролог

Прилив только начинался, когда к борту флагманского дромона¹ «Эридан»² подошла лодка. Гребцы придержали веревочный трап, и два человека вскарабкались на высокий борт корабля. Вахтенный помог гостям перебраться на палубу. Одним из вновь прибывших оказался офицер «Эридана», вторым – оборванный мужчина средних лет. Вахтенный не удивился – к лорду-командору частенько являлись бродяги и почуднее нынешнего оборванца.

Лорд Найти, командор флотилии «Юг», сидел в кресле, положив ноги в мягких сапогах на край стола, и без особого интереса слушал рассказ пришельца. Командор был темноволос, относительно молод, имел отличное гуманитарное образование, подтвержденное дипломом Кембриджского университета, и амбиции человека, призванного создать новую цивилизацию. И как обычно, лорда Найти переполняли грандиозные планы. В ближайшие время флотская группа «Юг» должна двинуться вдоль побережья на запад. Хватит скучать в Скара. Бухта здесь преудобнейшая, но сам апатичный, набитый наркотиками город действует на войска разлагающе. Азарт первых дней высадки на побережье неведомой страны давно миновал. Пусть король Баден со своими неуравновешенными подданными остается хозяйничать в здешнем захолустье, а флотилия «Юг» найдет себе что-нибудь поинтереснее.

Город Скара – столица Желтого берега – был взят штурмом почти полгода назад. Собственно, и штурмом ту ночную высадку назвать было сложно, так, короткий бой с нерешительной городской стражей. Десант Объединенного Флота численностью чуть ли не вчетверо превосходил защитников Скара. Горожане благоразумно в схватку не ввязывались. Сотня убитых, два десятка сгоревших домов, разгромленный и сожженный центральный храм – вот и весь ущерб. Лорд Найти искренне сожалел об уничтожении местного святилища – там могли оказаться любопытные вещи. Впрочем, считанные жрецы, уцелевшие после развлечений празднующих победу головорезов короля Бадена и лорда Эшенба, ничего интересного поведать не смогли. Желтый берег оказался глуповатой расслабленной страной. Серебра мало, рабы из аборигенов дурны и ленивы. Культура и техника удручающе неразвиты. Нет, судя по донесениям разведки, земли дальше на запад выглядят куда заманчивее.

Лорду Найти не терпелось двинуться в путь. Командору флотилии «Юг» нравилось открывать и завоевывать. Что говорить – с детства об этом мечтал. И ведь далеко не каждому смертному удастся воплотить в реальность детские грезы. Двигать сотни кораблей, тысячи людей, устанавливать законы и основывать новые государства. Главное – не останавливаться.

Лорд Найти покосился на соседний письменный стол – там под прикрытием кожаного тисненого чехла ждал ноутбук. Пока есть время, нужно привести в порядок дневник. До того как флот будет полностью готов к следующему броску, пройдет не меньше двух месяцев. Лорд Найти не собирался посвящать все это время рутинному контролю над пополнением запасов сушеного мяса, ремонту кораблей и прочим незначительным проблемам.

Хозяин каюты кинул взгляд на диван. Лео, верный друг и телохранитель, коротко улыбнулся, показав белые ровные зубы. Хоть кто-то здесь следит за зубами. Лорд Найти улыбнулся в ответ. На Лео всегда приятно взглянуть – стройный и гибкий красавчик, спрятанные на бедрах

¹ Дромон – военный корабль раннего средневековья, имеющий гребцов и 1–2 мачты.

² «Эридан» – в греческой мифологии река в стране гипербореев.

кинжалы совершенно незаметны, складки просторной рубашки изящно обрисовывают неширокие, но крепкие плечи.

– ...Он рычал и кружил. Над озером и городом. Женщины и дети вопили, многие мужчины тоже испугались. Я сам с трудом мог заставить себя смотреть в небо. Временами крылья затмевали половину небосвода... – Оборванный гость с Севера слегка привык к обществу всевластного лорда-командора и старался рассказывать живописнее.

Лорд Найти уже все понял, к тому же от гостя несло застарелым потом и долгой дорогой. Лорд-командор не был брезглив, но и особенного удовольствия от близости немых мужчин не испытывал. Дотянулся до стола, взял лист бумаги и толстый угольный карандаш. Несколько точными движениями набросал рисунок.

– Похоже?

Гость пораженно кивнул:

– Вы уже видели подобное... чудо, мой лорд?

Лорд Найти посмотрел на гостя с легким укором:

– Милейший, по-моему, вы и сами давно догадались, что это был механизм. Я не люблю игр с недоговоренностями и прочей пустой траты времени. Вы способны это хорошенько запомнить?

– Да, мой лорд, – хрипло сказал гость. Он хорошо помнил, что перед лордом-командором не следует преклонять колени. И еще лучше помнил, что следует быть чрезвычайно догадливым. Там, над пирсом, морской ветерок раскачивал вздернутые за одну ногу тела казненных. Птицы, солнце и недавний шторм сильно изменили то, что в недавнем прошлом было человеческой плотью. Лорд-командор не терпел проявления тупости даже в собственных морях.

– Отлично. – Лорд Найти задумчиво посмотрел на сделанный собственной рукой рисунок двухмоторного самолета. – Судя по тому, что дело происходило ночью, вы не успели рассмотреть знаки, начертанные на этой «птице»?

– Нет, мой лорд. Было темно. Звук, тень и один желтый глаз. Наверное, фонарь.

– Весьма логичное предположение, милейший. Значит, это чудо плюхнулось в воду? Никто не выплыл?

Гость сглотнул:

– Никто, мой лорд. Я был там, на лодке, сразу как рассвело. Только пятно, вроде как жир, но пахнет по-другому. Глубина – примерно пять человеческих ростов. Измерили веревкой с камнем. На берегу оставлены вешки. Можем найти место падения в любое время.

– Прекрасно. – Лорд Найти улыбнулся. – С удовольствием приму вас на службу. У вас там, на Севере, все такие ловкие? На местных лентяев вы не похожи.

– Благодарю, мой лорд. На Севере живет разный народ, но почти никто не жует нутт.

Командор поморщился:

– Да, преме́рзкое растение. Ну, хорошо, милейший, – сведения небезынтересные, сотню монет вы, бесспорно, заработали. Кроме того, был бы рад видеть такого толкового человека на своих кораблях. Вас не пугают длинные морские переходы?

– Буду счастлив служить лорду-командору.

– Отлично. Сколько, говорите, вы добирались сюда? До Скара, я имею в виду?

– Сорок восемь дней, мой лорд.

Лорд Найти покачал головой и улыбнулся.

– На этот раз вам придется прогуляться туда и обратно вдвое быстрее.

У гостя чуть заметно дернулся подбородок. Очевидно, мужчине не так уж хотелось отправляться обратно на Север. Под пристальным взглядом командора он кивнул и сказал:

– Я выполню любой приказ моего лорда. Но путь долог и опасен. Может случиться разное.

– С любым из нас может случиться что угодно. – Лорд Найти снова улыбнулся. – У вас будет надежная охрана. С вами пойдут умелый механик и ныряльщики. В припасах и снаряжении ограничений не возникнет. Но на весь маршрут будет только шестьдесят дней. Командовать отрядом будет мой офицер. Ваша задача – быстро довести людей до места. Вопросы?

– Приложу все усилия. – Гость коротко поклонился.

– Идите и хорошенько отдохните, – благосклонно кивнул командор. – Деньги получите сейчас же. Помните – у вас только шестьдесят дней.

Дверь за гостем закрылась. Лорд Найти встал, с хрустом потянулся.

– Они не успеют, – заметил Леон.

Лорд Найти плюхнулся на диван рядом с телохранителем. Рядом с Лионом воздух был свеж и наполнен апельсиновым ароматом.

– Если постараются, то успеют. Вот только кого из инженеров с ними не жалко отправить? Маршрут сложный, могут действительно не дойти. Впрочем, невелика потеря – больше трех десятков бойцов отправлять не будем. Командиром пойдет Глири. Он сотник исполнительный, но тупой как чугунная болванка. В серьезном деле толку с него все равно не дождешься, а подгонять этих «туристов» будет на совесть. Должен пригнать к нашему отходу. На случай если не будут успевать, я дам другие указания. Лучше этому таинственному самолетику не валяться бесхозному, если о нем уже знают местные обитатели.

– Они все равно не поймут, что это такое, – пожал плечами Леон.

– Что мы знаем о здешнем севере? Вдруг там найдется кто-то сообразительный с моей старушки-родины? Лучше обойтись без сюрпризов. Спонтанные переходы между нашими с тобой «домами» вещь редкая, но отнюдь не исключительная. Когда-нибудь мы обязательно напоремся на какой-нибудь крейсер или корвет, болтающийся у нас по курсу.

– Ты уверяешь – оружие Оттуда не сможет правильно работать здесь.

– Да, но ты не представляешь, что могут натворить тысяча образованных беспринципных и лишенных морали людей, если их лишить кока-колы, телевизоров и последней надежды на обеспеченную пенсию в тепличных условиях моего старого мира. Впрочем, вероятность единовременного и многочисленного Перехода практически близка к нулю.

Лорд Найти в очередной раз с удовольствием потянул носом:

– Лео, у тебя опять новые духи? Ты становишься все утонченнее...

Глава 1

Невысокий человечек шел по утренней улице. Солнце едва успело подняться над гладью моря. Замусоренные улицы Скара оставались полупусты. Горожане и раньше не отличались особой чистоплотностью, а после пришествия захватчиков столица Южного берега окончательно превратилась в большую помойку.

Обходя развалившуюся на утреннем солнышке тощую собаку, человек невесело хмыкнул. Когда-то он с полным основанием считал, что ему судьбой уготовано сдохнуть на помойке. Вот только не рассчитывал, что помойка окажется так далеко от родных мест. Человека звали Квазимодо. Ему едва исполнилось шестнадцать лет, и его родина осталась далеко за океаном. Впрочем, сам Квазимодо давно и успешно уверил себя, что родины у него больше нет. В конце концов, что такое родина? То милое место, где человек появился на свет и где остался родительский дом. Место, которое человек с тоской вспомнит перед смертью. Квазимодо не желал вспоминать отчий дом, ни перед смертью, ни при любых других обстоятельствах. Некоторые вещи проще забыть раз и навсегда. Забыть полностью, конечно, не удавалось. Парень служил в полусотне морской пехоты дромона «Эридан». Почти все бойцы там были родом из Глора, поэтому и Квазимодо волей-неволей приходилось частенько поминать родной город. Зато с именем проблем не возникало. Давно забыто благородное старинное имя. Свою нынешнюю диковинную кличку парень получил год назад, при обстоятельствах удивительных и полностью перевернувших жизнь молодого человека. О том коротком периоде своей жизни Квазимодо, в виде исключения, вспоминал с удовольствием. В виде исключения – потому что, если говорить о жизни целиком и полностью, Квазимодо она не нравилась. Ни в прошлом, ни в данный момент. И на будущее особых надежд парень тоже не возлагал.

Квазимодо был уродом и вором. И то, и другое обычно не подает поводов для житейского оптимизма.

Парень обошел еще одну дремлющую псину, потом человека. Тощий полуголый тип раскинулся посреди улицы. Под полуприкрытыми веками бешено дрожали зрачки. Из открытого рта вместе с хрипом вырывался узнаваемый запах нутта.

Квазимодо равнодушно прошел мимо. Одурманенные «колдовским» орехом горожане встречались на каждом шагу. Иногда казалось, что добрая половина жителей Скара жрет пьянящие плоды. Возможно, такое впечатление вполне отражало действительное состояние дел.

Юному парню было глубоко наплевать на порочные увлечения горожан, да и на весь город в целом. Серебра здесь было мало. Рабы из местных жителей получают никчемные. Как справедливо жаловались капитаны Объединенного Флота – транспортировка невольников через океан не окупает и трети затрат на долгий и рискованный рейс. И это несмотря на то что добыть рабов здесь может и любая баба. Но кому нужны двуногие «растения», не способные существовать без нутта? А после потребления орехов какие из них работники?

Навстречу Квазимодо попался разносчик лепешек. Благоразумно уступил дорогу чужеземному воину, потом шарахнулся к стене и едва не рассыпал корзину. Рассмотрел, сукин сын. Квазимодо повернулся к невеже, угрожающе нагнул голову и положил руку на рукоять тесака. Разносчик пытался что-то сказать, но только в ужасе пялился в лицо юного воина. Квазимодо захватил с корзины стопку лепешек и отвесил крепкий пинок под зад торговцу. Разносчик поспешно двинулся вдоль стены прочь. Выражение испуга и отвращения так и не сошло с его желтого лица.

Квазимодо длинно сплюнул на мостовую и продолжил путь к трактиру. Лепешки оказались свежие и ароматные. Парень отщипывал маленькие кусочки, совал в рот, но никакого удовольствия от бесплатного «угощения» не испытывал. Вот так – и одет ты чисто, и денег

полно, а любой нищий «желток»³ смотрит на тебя как на ожившего мертвяка или на баныши, предрекающую смерть. Проклятие, Квазимодо знал, что уродлив, но не до такой же степени, чтобы люди падали в обморок при случайной встрече?

Парень сунул в рот еще кусочек лепешки и машинально потрогал левую щеку. Шрам никуда не делся – ветвился сложной руной, оставляя глубокие впадины и почти сквозные прорехи в плоти. Зияла розовая пустая яма на месте левого глаза. Нос как будто обгрызен с одной стороны голодными крысами. Жуткую маску дополняли остатки оборванной когда-то верхней губы, почти не закрывающие осколки зубов.

Настоящий красавчик.

Квазимодо прожил с этой пародией на лицо более пяти лет. Долгий срок, ко многому можно за такое время привыкнуть. Но только не к отвращению, что движется вместе с тобой как тень. Страх окружающих людей парень бы пережил. Чужой страх – он бывает вполне полезен в бою, да и в других щекотливых делах. Но не презрение. Квазимодо не раз убивал, умел работать клинком и ходить на бордаж. Возможно, парень заслуживал модного ныне вздергивания веревкой за шею или лишения руки, слишком любящей чужое добро. Но презрение глупых трусливых людишек? Несправедливо.

Квазимодо вздохнул и отщипнул еще кусок лепешки, принялся осторожно жевать. О какой справедливости ведешь речь? Уж тебе ли не знать, как много ее в этом мире. Официально много, как говаривала одна знакомая леди.

Трактир по раннему времени оказался почти пуст. Квазимодо нравилось здесь завтракать после смены с ночной стражи. Большинство солдат и моряков предпочитали кормиться ближе к порту. Там и кабаков полно, и выпивки хватает. Квазимодо шумных сборищ не любил – на них хорошо работать, а не отдыхать.

Кивнув хозяину, парень отправился за свой стол. Из угла было удобно наблюдать за происходящим вокруг. Когда у тебя единственный глаз, быть полностью в курсе происходящих событий довольно затруднительно. Квазимодо старался, потому и оставался пока живым.

Слуга принес миску каши, тарелку с листьями салата и фаршированными яйцами. Не слишком впечатляющая трапеза для молодого человека, зато вполне подходящая остаткам зубов. Слуга поставил перед посетителем кружку воды и кружку самого легкого пива. Квазимодо напомнил:

– Учтите – лепешки сегодня мои. Платить за хлеб не буду.

Слуга равнодушно кивнул. От него воняло остро-приторным запахом нутта.

Квазимодо завтракал не торопясь. Требовалось поразмыслить над событиями последнего времени, а лучшего места, чем прохладный и пока пустой трактир, не найти. На улице уже начиналась жара. Глинобитные стены домов и заборов стали ослепительно белыми, зелень крошечных садов поседела от пыли. Последний дождь прошел месяц назад. Ну, не то чтобы дождь, по правде говоря, тогда на бухту налетел настоящий ураган. Четыре корабля сорвало с якорей и выбросило на берег, когг⁴ «Кубок» разбился о камни у выхода из бухты. Из экипажа спаслись несколько человек. Квазимодо тогда и сам едва не оказался в волнах. Нес стражу на «Эридане», и солдатам пришлось всю помогать морякам спасать корабль, так как большая часть экипажа оказалась отрезанной на берегу. Да, сонный Желтый берег иногда мог преподнести сюрпризы.

Миска с кашей опустела, Квазимодо осторожно похрустывал салатом. Товарищи по морской пехоте здорово веселились, наблюдая за поглощением «кроличьей еды», но парень на

³ «Желток» – уроженец Желтого берега.

⁴ Когг – высокобортное палубное судно с одной мачтой и мощным набором корпуса.

шутки и подначивания не обращал внимания. Пусть ржут. Лучше уж над салатом, чем над искалеченной «полумордой». Квазимодо свято верил в полезность свежей зелени. Кто здесь слышал о витаминах? Только Квазимодо и слышал. Здоровье нужно беречь, тем более когда части его ты безвозвратно лишился. О витаминах и прочих полезных для организма веществах рассказывала леди Катрин. Пожалуй, единственный человек, которому Квазимодо когда-то безоговорочно верил. Ну, – насколько может верить вор. С молодой красивой леди Квазимодо познакомился год назад при крайне неприятных обстоятельствах. Неудачный тогда выдался денек – вор влип, и влип по-глупому. Леди Катрин спасла жизнь зарвавшемуся воришке – выкупила у стражников. И дала ему новое имя. Если вдуматься, очень даже благородно звучит – Квазимодо. Потом, во время недолгого, но полного приключений путешествия по глорскому побережью, молодая леди рассказала, кто такой этот самый Квазимодо. Юный вор был даже польщен – в чужой легенде говорилось хоть и о жутком уроде, но тем не менее настоящем герое. Жаль только, парень совсем не чувствовал себя похожим на сказочного тезку. Юный вор никогда не отличался бескорыстием, да и любить столь беззаветно прелестных красавиц вряд ли был способен. Что делать, с одиннадцати лет мальчишке пришлось стать практиком, помышляющим единственно о собственном выживании.

Но то давнее путешествие под командой прекрасной леди Катрин вспоминалось с удовольствием. Удивительное было время, и компания подобралась удивительная. Иногда Квазимодо жалел, что не остался с теми людьми. Предлагали ведь идти вместе на Север. Но кому, в самом деле, нужен одноглазый голодранец, не умеющий ничего, кроме как воровать? Тем более сама леди Катрин направлялась в другую сторону. Квазимодо проводил леди и отправился искать удачи с Объединенным Флотом.

Да... Леди Катрин. Светловолосая зеленоглазая красавица. Умелый и жестокий, как палач, боец. Исключительная сквернословка и потрясающая любовница. Нет, самому Квазимодо не довелось разделить с ней ложе, но кое-что из интимной жизни красавицы довелось подсмотреть...

Парень раздраженно заерзал на лавке и глотнул пива. Какие-то мысли неуместные в голову лезут. Пойти, что ли, девуку взять? Нет, местные шлюхи особого интереса уже не вызывали. Все равно что мешок с нуттом трахать. А если шлюха мозги себе не одурманила, то смотрит, как будто на нее варг⁵ залазит.

Леди Катрин на тебя как на страшилище не смотрела. И не делала вежливый вид, что не замечает смятой щеки. Давала советы, как прикрыть уродство. Обращалась как с человеком. Да и ее странные друзья почти стали твоими друзьями.

Квазимодо вздохнул и придвинул к себе тарелку с фаршированными яйцами. Что толку предаваться воспоминаниям? Ешь яйца – ты их любишь – и думай о своих насущных делах. Леди Катрин ушла. Надо думать, к себе домой ушла. Она чужая. В смысле, совсем чужая – из другого мира. Ты и раньше слышал болтовню о спустившихся с неба или выброшенных морем чужаках. Сверху они, снизу или из воды – значения не имеет. Вот силой они обладают – это да. Не сказать, что сверхъестественной. Просто знают много.

Вот довелось тебе познакомиться с чужаками, теперь уж не поймешь, к удаче или наоборот. Леди Катрин, лорд-командор – знать они друг друга раньше не знали, но пришли явно из одной страны. И совсем не на дальнем Севере находится их родина. Брешут. Ладно, ты не мудрец придворный, чтобы великие загадки разгадывать. Тем более бесплатно. И так чересчур много знаешь.

Квазимодо чувствовал опасность. Когда годами ворует на рынках и в уличной толпе, начинаешь предчувствовать неприятности. Вот и сейчас. Пока угроза висит еще отдаленная и неявная. Но в животе ерзает то самое нехорошее чувство. Два раза в последнее время парень

⁵ Варг – в скандинавском фольклоре волк-оборотень.

ощущал на себе взгляд лорда-командора. Не забывает тебя лорд Найти. Еще бы, такую рожу разве забудешь? Ну, на уродство твое ему наплевать, не то что его телохранителю, этому красавцу лорду Леону. Тот смотрит на тебя брезгливо, как на полураздавленную каблуком крысу. А лорд Найти помнит, что ты знаешь его тайну. Пусть самый краешек тайны, но знаешь. Пока лорд-командор добрый. Или у него до тебя руки не доходят. Командовать таким здоровенным флотом – действительно забот не оберешься. Но каждый раз, когда ты попадаешься ему на глаза, стоя на страже или гребя в лодке, ты напоминаешь о своем ненужном существовании.

Знать чужие секреты – вредно. Это Квазимодо знал точно. Два раза самому приходилось убирать свидетелей. Что делать – когда ворует по-крупному, лишние зрители и очевидцы ни к чему. Хорошо еще, что на Флоте пропадает уйма народу. И поножовщина, и дезертирство в последнее время стали привычным делом. Лично Квазимодо всегда убивал без удовольствия. Аккуратно и неприметно полученные ценности доставляли куда большее удовлетворение, чем пачканье в крови за гроши.

Квазимодо аккуратно разрезал и отправил в рот последнее яйцо. Приходилось подправлять пальцем – с левой стороны рта куски пищи норовили вывалиться и шлепнуться на стол. Парень запил пивом и осторожно промокнул рот. Хоть бы борода быстрее расти начала – может, хоть слегка прикроет безобразные щели и ямы физиономии.

До бороды далеко – пока здоровая щека остается гладкой как коленка. Так что будь любезен подумать о делах насущных.

Вариантов немного. Можно попробовать перевестись на другой корабль. Раньше это было бы несложно. Но лорд Найти на своей флотилии «Юг» навел дисциплину. Перевестись все равно можно – у Квазимодо появились кое-какие полезные связи. Ничто так не налаживает контакты между людьми, как участие в совместных сомнительных предприятиях по изъятию ценностей. Один последний фокус с закупкой масла чего стоит. Серебро просто из воздуха сделали. Несколько умных человечков из отдела снабжения очень ценили выдумки молодого парня. И наплевать им на возраст и уродство компаньона. Эх, перевестись бы к ним в снабжение. А еще лучше в группу «Сердце» попасть. Там у короля Бадена настоящий бардак. Можно большущие деньги делать.

Это с твоей-то зверской рожей?

Да, уродство мешало. Компаньоны небрезгливы, но сам ты слишком выделяешься. Если ворует всерьез – будь любезен оставаться сереньким и неприметным.

Квазимодо долил пиво водой. На улице слишком жарко, даже эта кислятина может по мозгам дать.

Значит, перевод? А не вызовет ли это подозрений? С какой это стати морской геройский десантник уходит со знаменитого флагмана? Тем более в призраемое снабжение? Угораздило же тебя тогда заработать славу стрелка из эвфитона.⁶ Как же – одноглазый вышиб глаз у стурворма.⁷ Оборжаться можно. Ну, допустим, с этими гадами хвостатыми у тебя свои счета, но свой наградной жетон ты получил. Цена цацке – две монеты, а уходить такому боевому парню в тыловое подразделение уже негоже. Позор ты, конечно, переживешь, но вот внимание лорда Найти такой странный маневр наверняка привлечет. А зачем нам внимание лорда-командора? Мы скромные.

Офигительно, как совершенно точно любила говаривать леди Катрин.

Вариант второй – дезертирство. С одной стороны – самое время. Серебра у тебя припрятано столько, что с трудом мешок поднимаешь. Есть кошель и с камешками. Жемчуг и прочую ерунду копить невыгодно. В общем-то ты, парень, разбогател, можешь себя поздравить. Только куда с этим серебром деваться? На корабль, идущий за океан, не попадешь. Охраняют

⁶ Эвфитон – метательная машина в виде большого арбалета.

⁷ Стурворм – морской змей.

строго. Да и опасно. На пути сюда четверть Объединенного Флота потерялась. А идти маленьким караваном еще рискованней. Да и что там, в Глоре, тебя ждет? Купишь домик и будешь свиней разводить? В торговлю тебя купцы не примут – рожей и именем не вышел. Жениться? Найти себе для полного соответствия жирную одноногую красотку?

Можно скрыться здесь, в Скара. Но долго прятаться в этой желтой сонной дыре – дело тоскливое. Когда еще флот отсюда уйдет. А что-то делать нужно. Вот даже между лопатками свербит от беспокойства.

Квазимодо привык доверять своей интуиции. Все эти годы только благодаря ей и выживал. Но и метаться и делать глупости не стоит. Урод не может себе позволить быть глупым. Подождем удобного момента.

Парень глотнул водянистого пива и принялся обдумывать план на сегодняшний день. Нужно встретиться с Птахом. Закупки железа для ремонта бочек вот-вот начнутся. Есть идея на этот счет.

Трактир потихоньку наполнялся посетителями. К столу Квазимодо направились двое моряков. Стоило шевельнуть головой – падающие на лицо темные пряди приоткрыли пустую глазницу. Один из моряков выругался, и оба не сговариваясь направились к другому столу.

Что бы ты ни говорил, что бы ты ни делал – рожа твоя скажет куда больше.

Смирись. Ты же сам хотел посидеть, подумать в одиночестве. Это тебе легко удастся.

Когда-то, еще на другом берегу океана, Квазимодо надеялся, что где-то в мире существуют колдуны или маги, которые могут, ну, если не вставить новый глаз, то хотя бы загладить ямы на щеке и вырастить новые зубы. В конце концов, зубы у человека ведь сами по себе растут. Почему бы и не выращивать их, как чеснок? Болтали о таких чудесах много. Но, как и подозревал парень, все оказалось враньем. Если говорить о колдунах, то здесь, на Желтом берегу, они без надобности. Кому нужно варить летучих мышей или сцеживать кровь из младенцев для занятий магией, когда сунул за щеку орех и скоро можешь иметь самую красивую телку, купаться в серебре и властвовать тысячами рабов? Или можешь вырастить себе пятьсот зубов, как у хохлатой акулы. И все это, не вставая с места. Поговаривали, что за хребтом, на Севере, живут дикие люди. Серебро им без надобности – все нужное магией добывают. И лечатся магией. Квазимодо старался разузнать поподробнее, но ничего существенного не выяснил. Все врут небось. Так всегда бывает – с этой стороны думают, что за горами колдун на колдуне сидит, а там уверены, что все побережье магией как пометом в два слоя обложено. Впрочем, «желтки», кроме как о плантациях своих орехов, ни о чем не помышляют.

В трактир ввалилась кучка солдат. Эти еще после вечера не просохли. С порога, хрипло поминая трахнутую корову, потребовали выпивки.

Квазимодо поморщился. Королевских солдат он не любил. Разбойники бессмысленные. Лишь бы рубиться-резаться. С такими никаких дел не сделаешь. И денег у них вечно нет. В последнее время королевские вояки научились мешать местное сливовое вино с молотым нуттом. Жуткая смесь. Квазимодо как-то собственными глазами видел, как два бойца, смеясь, отрезали друг другу пальцы. Лорду-командору стоило бы давно перевешать весь этот сброд тупой. Хотя у вояк, конечно, собственный король есть. Правда, по слухам, король Бадон и сам плотно сидит на чертовых орехах. Может, это и на руку лорду Найти?

Ладно, со своими бы делами разобраться.

Квазимодо снял с пояса тощий кошель. Пора расплатиться и сваливать, пока не началось. Парень даже не успел развязать завязки. Голоса стали громче. Драка уже завязывалась, да еще так неудачно – у дверей, мимо не проскочишь. Кто-то кого-то уже назвал сухопутной гнидой. Раздраженно засопев, Квазимодо спрятал кошель за пазуху и сполз со скамьи под стол. Бестолковой трактирной поножовщины парень за свои шестнадцать лет видел предостаточно и рисковать остатками здоровья не желал. Завопил хозяин заведения, его поддержали слуги

и посудомойка. На них внимания никто не обращал – солдаты и моряки уже шли стенка на стенку. У королевских солдат было численное преимущество, но небольшое.

Раздался первый глухой удар кулака в брюхо, полное пива.

Квазимодо прижался спиной к стене, положил подбородок на колени и приготовился ждать. Тесак, на всякий случай вынутый из ножен, парень держал у бедра. Кроме тесаков, боевое оружие носить в городе запрещалось строжайшим приказом по флоту. Возможно, благодаря этому драки обычно заканчивались только одной-двумя смертями. С другой стороны, в последние месяцы побоища стали регулярными. Вон, еще утро, а доблестные воины уже развлекаются. Жертвы имелись каждый день, но Квазимодо еще не слышал, чтобы кто-то из буйнов окриkel. Опять же, где справедливость?

Со стола полетела посуда. Твердо решив, что за разбитые миски платить не будет, Квазимодо уцепился за стол снизу – крышка вполне достойно выполняла функции щита. Крепкий предмет столовой мебели устоял, хотя толкали его изрядно. Парень любовался топтанием четырех пар ног. Остальные бойцы дрались подалеже. Там уже кто-то захрипел – в ход пошла сталь. Квазимодо без удивления увидел осевшее на пол тело. Где-то у стены завопил еще один раненый. Стол неожиданно покачнулся, пришлось изо всех сил уцепиться за крышку. Рядом грохнулось на колени массивное тело, тут же вскочило на колени и кинулось мстить за унижение. Квазимодо успел увидеть тяжелый кошель на поясе. Это в корне меняло дело. Неужели королевской шайке наконец выдали жалованье?

Парень выглянул, оценил обстановку. Сейчас драка кипела в середине зала. Квазимодо сунул тесак в ножны. На четвереньках выбрался из-под стола и, не вставая, завопил:

– Патруль на улице! Командорские идут!

Драчуны мигом кинулись к двери. Патрулей лорда Найти боялись. Морские пехотинцы имели привычку пресекать драки самым жестоким образом. Лично Квазимодо не находил особого различия в том, что лучше – получить клинок в брюхо или схлопотать по черепу абордажным топором, но для большинства вояк в обстоятельствах полученного увечья таился глубокий смысл. Герои хреновы.

Квазимодо живо затесался в толпу, ломящуюся вон из трактира. Для того чтобы срезать облюбованный кошель, хватило одного мгновения. Когда парень вывалился вместе с потными драчунами на улицу, тяжелый кошель оказался за пазухой, а монета с остро заточенным ребром вернулась в потайной кармашек. Солдаты и моряки с топотом разбежались в разные стороны. Квазимодо обошел трактир с тыльной стороны, чуть задержался у навеса конюшни и поспешно вернулся в заведение. Здесь царил разгром. Неподвижное тело лежало посреди зала. Кровь неторопливо впитывалась в земляной пол. Бледный трактирщик трясся у стойки. Парень присел перед телом, потрогал:

– Кажется, готов бедняга. Патруль вызвали?

Хозяин горестно кивнул.

Квазимодо подошел к стойке, бросил монету:

– Прости, хозяин, побили твою посуду. Я – человек честный, всегда возмещаю. Только кружечку пивка еще налей.

Квазимодо успел сделать пару глотков. Появился патруль. Правда, не командорский, а королевский. Пришлось давать показания. Квазимодо кивал на убитого, жаловался, что опять флотским ни за что досталось. Вот, хотел помочь человеку, да не успел. Десятник патруля карябал на листе, записывая подробности происшествия. В разгар следствия в трактир ввалился толстый воин. Тряс обрезанными тесемками кошель, трогательно, чуть ли не со слезами, возопил, жалуясь, что его обокрали в этом гнусном притоне. Солдаты патруля прониклись к жертве сочувствием. Это вам не смерть какая-нибудь случайная – за воровство жалованья руки отрубают, и правильно делают. Начальник патруля, проклиная всех, принялся пачкать новый

лист бумаги. Хозяин трактира оправдывался. Квазимодо задрал рубаху, продемонстрировал голый худой живот, снял и потряс сапогами. Потом, показывая всем свой тощий кошель, принялся воодушевленно советовать на случай драки или иных казусов всегда заранее прятать деньги. Совет, кстати, совершенно правильный. С помощью хозяина заведения, Квазимодо и самого обворованного солдата были составлены приметы подозрительных участников драки.

Тело убитого увезли. Кровь на полу засыпали свежим песком. Квазимодо заказал безутешному пострадавшему еще одну кружку пива, посоветовал пососать орех и отправился по своим делам.

Забрать с крыши навеса кошель с серебром труда не составило. Юный вор поспешно пересыпал монеты и избавился от улики, выбросив чужой кошель.

Идя по солнцепеку, Квазимодо думал, что когда-нибудь удача отвернется. Лишишься ты руки, и никакие наградные бляхи и личное знакомство с лордом-командором на суде не помогут. Давно завязывать нужно. Все равно на фокусах с поставками за один раз зарабатываешь больше чем на краже десятка кошель. Правда, сегодня улов недурной выдался. Серебро приятно оттягивало штаны. Квазимодо творчески развил идею, когда-то подсмотренную у той же леди Катрин, – в одежде парня хватало потайных карманов. Между прочим, созданных собственными руками. За время изготовления этих полезных приспособлений Квазимодо здорово наловчился орудовать швейной иглой. Приходилось таиться от боевых соратников. Солдаты вряд ли были способны в полной мере оценить новое изобретение. Вообще-то Квазимодо никогда не крысятничал на «Эридане» и в казармах морской пехоты. Все-таки не чужие парни, вместе в боях и штормах побывали. Да и убьют на месте, если за руку поймают.

На площади торчало несколько повозок с сонными возницами. Торговали вялой зеленью старухи. Перед зарослями сгоревшего храма мальчишки гоняли ногами набитую водорослями тряпку. Новая, непонятно откуда взявшаяся игра называлась «футбол». На флоте в нее тоже начали играть. Чудно – толпа мордovorотов пинает по песку тряпичную голову целыми вечерами. Квазимодо подумывал, как на этом занятии можно сделать деньги, но пока не догадался.

Парень спустился вниз к порту. У складов царило некоторое оживление. Грузилось с десяток повозок. Толкались какие-то солдаты, кажется, пехотинцы с «Орла». Квазимодо изда- лека увидел суетившегося у ворот Птаха. В руках у писаря шуршал целый ворох бумаг. Квази- модо постоял в стороне, никого из офицеров не заметил и свистнул писарю. Если в отсутствии зубов и существовала какая-то положительная сторона, так это легко приобретенное умение разнообразно свистеть.

Писарь увидел знакомого, махнул рукой в смысле «сейчас закончу, подойду». Квазимодо сел в тени глинобитной стены склада. Скоро подошел Птах, отдуваясь, плюхнулся рядом:

– С утра скачем как блохи бесноватые. Нет никакого покоя. – Писарь раздраженно поче- сал переносицу угольным карандашом, спохватившись, утерся рукавом. – Если ты насчет бочек пришел, так заказа еще не поступало. И раньше завтрашнего вечера не будет. В казначействе вечно с бумагами тянут. Обленились, тюлени сонные.

– Жаль. Как раз время есть мозгами пораскинуть. Ну, ничего, подождем. – Квазимодо посмотрел на отъезжающие повозки. – А у вас что стряслось? К устью, что ли, идут заставу менять?

– Как же, к устью. Ночью приказ пришел – срочно снабдить отряд в полусотню голов. Пойдут на север. Прямо завтра – во как припекает.

Квазимодо моргнул и с изумлением обратился к писарю единственный глаз:

– На север? Какого хрена им там понадобилось? Появился кто нехороший-вражеский?

– Нет. – Птах огляделся и таинственно прошептал: – Нашли какой-то корабль непонят- ный. Командор желает понять, что за штука такая.

– Корабль? В горах? – не поверил Квазимодо.

Писарь фыркнул:

– Дальше, за горы пойдут. Налегке. Торопятся как ошпаренные. Там за хребтом, говорят, река здоровенная. Дальше – долина. Люди живут – все как положено. Бабы белобрысые. Белобрысые соски – знаешь какие горячие? Сами в постель волокут.

Квазимодо хмыкнул:

– Ты подожди про баб. Эти – отряд, в смысле, – насколько идут?

– Судя по запасу жратвы, вернутся дней через сорок. А тебе-то что? Думаешь, блондинок притащат?

– Я бы сам сходил на блондинок посмотрел, – задумчиво пробормотал Квазимодо.

– Сдурел?! Болота – место гибельное. А дальше еще хуже. Даже «серые»⁸ не знают, что там водится.

– Мы здесь вообще без «серых» обходимся, – возразил Квазимодо. – Команду уже сформировали?

– Вроде еще нет. Ты что, и вправду решил попробовать? Спятил совсем? У нас здесь дел полно.

– Всех денег не заработаем. Мне проветриться нужно. А то я скоро уже нутт начну жевать. Прогуляюсь, заодно посмотрю, что там полезного за горами.

– Кончай дурить, Ква. Командиром отряда Глири идет. Ты его наверняка знаешь. Скотина еще та. Случись что, он с вас с живых шкуру сдерет.

– Глири? – Одноглазый вор заколебался. – Глири – это хреново. Но я попробую. Жабер у себя в писарской сидит?

– Сидит. Только он с тобой меньше чем за тридцать монет и говорить не будет. Да и с «Эридана» тебя не отпустят.

– Я договарюсь, – пробормотал Квазимодо, поднимаясь. Он вдруг понял, что впереди уйма неотложных дел.

– Беленькую мне приведи. Хоть одну, – заорал вслед Птаха.

Остаток дня и часть ночи Квазимодо провел, бегая между портом, штабом и многочисленными отделами снабжения. Пришлось отдать все добытые в трактире деньги и еще добавить своих монет. Квазимодо платил, подкупал, врал напрапую и вообще вошел в некий шальной азарт, от которого, казалось, избавился давным-давно. Задача оказалась не из легких, но нет таких препятствий, которые невозможно обойти, зная нужных людей.

Под утро, завернувшись в плащ и засыпая под шелестящей пальмой, Квазимодо осознал, что не только сунул нос в мышеловку, но и полностью втянул за собой хвост. Причем собственноручно профинансировав свое нынешнее неуютное положение.

Утро началось в полном соответствии с дурными предчувствиями вора. Квазимодо получил пинок по ребрам и подскочил, путаясь в плаще. На мгновение показалось, что вернулось время одиноких скитаний малолетнего оборванца. Где только тогда не проходило ночевать. И частенько хозяева сараев или городские стражники желали уродливому мальчишке доброго утра ударами сапог.

Нет, сейчас перед парнем стоял коренастый насупленный мужчина. Длинные редкие волосы падали на воротник потертого дублета.⁹

Вор вытянулся, выпятил грудь с наградным жетоном и отрапортовал:

⁸ «Серые» – ночные проводники, специалисты по борьбе с фейри и прочими загадочными существами.

⁹ Дублет – простеганная матерчатая или кожаная куртка с рукавами и с кольчужными накладками.

– Боец морской пехоты Квазимодо. Полусотня «Эридана». Прибыл для прохождения службы. Счастлив вас видеть, господин сотник.

Офицер еще больше насупился:

– Ты мне эту новую моду брось. Каждый урод нахватается слов и болтает, как господский попугай. Ни одна крысиная душонка не должна быть счастлива видеть сотника Глири. Я здесь не для ублажения ваших задниц. Куча дерьма ты, а не боец. У меня никого с «Эридана» в списке нет. На хер они мне нужны. Тем более такая трахнутая косорылая обезьяна, как ты.

– Виноват. Прибыл согласно приказу. Посмотрите список, господин сотник. Если что, я в казарму пойду.

– Я тебе пойду, осел кривой. Здесь я командую. – Сотник развернул список и, шевеля губами, принялся читать.

Квазимодо вытянувшись ждал. Таким людям, как Глири, подсказывать, где читать и на что смотреть, смысла не имеет. Только еще больше разъярится.

– Есть какой-то Квазимод, – озадаченно пробормотал сотник. – Какого дерьма мне нужна такая падаль, как ты? Морагов¹⁰ твоей рожей пугать? Ты и дня не продержишься, калека вонючая. Впрочем, если лорд-командор пожелал, чтобы твоя харя перестала портить ему аппетит, то я его вполне понимаю. Такого кошмарную образину мне видеть еще не приходилось. И где ты получил свою собачью кличку? Выговаривать – язык сломаеть.

– Осмелюсь доложить – это потому что я сукин сын. Рожден на помойке, родителей не знаю, не ведаю. Потому и кличка собачья.

– Что ты с помойки – я сразу заметил. Вот счастье привалило – родился в дерьме, сдохнешь в болоте. Живо в лагерь, скотина. Какого хрена ты разлегся здесь, как старая блевотина?

– Не осмелился вас беспокоить в темноте, господин сотник. – Квазимодо подхватил с песка свои вещи.

– Воспитанный какой. – Глири смачно сплюнул на сапог невысокому парню. – Что у тебя такой мешок здоровенный? И почему у тебя, красавчик, арбалет нестандартный? Уродам закон не писан?

– Получен в знак поощрения вместе с наградным жетоном. – Квазимодо снова выпятил грудь.

Сотник с презрением потрогал жетон на рубаше юного солдата:

– Вроде настоящий. Где украл?

– Награжден за меткую стрельбу из эвфитона. Сподобился вышибить мозги стурворму, господин сотник.

Глири ухмыльнулся:

– Видно, здорово там, на «Эридане», обделались, если стрелял самый кривой уродец. Или ты нагло врешь, собачий сын? Вернемся – проверю. Сейчас живо в обоз. Завтрак ты провалялся – так что отправишься в поход голодным. Найдешь Филина. Это такой тупой хорек с «Грома». Раз ты такой умелец по эвфитонам, станешь его вторым номером. Если вернемся, лично схожу на «Эридан», поинтересуюсь, за что таким одноглазым недоноскам жетоны вешают.

Трусцой двигаясь к лагерю, разбитому у пальмовой рощи, Квазимодо хладнокровно подумал, что вряд ли господин сотник вернется в Скара. Поход нелегкий – оступится господин офицер, в воду свалится, на колючку сядет, а то еще какая-нибудь дикарская стрела в затылок угодит.

Колеса повозок поскрипывали по песчаным колеям. Отряд двигался быстро. Окраина города и застава давно остались позади. Солдаты и носильщики шли налегке – пока вся

¹⁰ Мораг – одна из разновидностей озерных змеев.

поклажа лежала на телегах. Квазимодо шел рядом с повозкой, на которой торчала станина легкого эвфитона. Старался держаться с наветренной стороны – над парой лошадей вилось облако кусачих мух. Упряжкой правил сонный «желток». Подбородок у возницы был густо изъеден соком нутта. Вожжи того и гляди выпадут из рук. Цепочка солдат двигалась вдоль обеих обочин, прикрывая повозки. После первых боев в городе никаких нападений на силы Объединенного Флота не происходило, но порядок есть порядок. Господин сотник никаких послаблений не допустит.

Солнце припекало, но особой усталости Квазимодо пока не чувствовал. В руке копье, на поясе обычный морской шеун.¹¹ Слава богам, морская пехота вооружена полегче, чем солдаты. У тех на поясах одинаковые грубоватые и увесистые броарды,¹² в руках тяжелые копья с листовидными наконечниками. Щиты пока сложены на повозки. Шуточки и подначивания по поводу появления приметного Квазимодо уже прекратились. Искалеченная рожа нового товарища перестала быть интересной новостью. К насмешкам молодой вор привык – разнообразием юмор что флотских, что армейских остроумцев не отличался.

Отряд перешел небольшую речушку. На прибрежном холмике торчал сотник. Оглядывая подчиненных, не упускал случая дать отеческий совет:

– Подтянитесь, свиньи вислоухие! Ты, жирный, если будешь так плестись, вечером у меня родишь. Блевун позорный! И дайте по яйцам этому вознице желтобрюхому. Вожжи, небось держит, а не бабу за уши. В первый день плетей попробовать захотели?

Солдаты старались принять бодрый и воинственный вид. Испуганная группа пока бездельничающих носильщиков перешла на легкую рысцу. Квазимодо тоже подтянулся, уложил, согласно уставу, древко копья на правое плечо. Жизнерадостно приподнял подбородок. Не слишком это помогло.

– Ты что лыбишься, урод беззубый?! Я тебе где приказывал находиться? Что ты гуляешь вдоль колонны, как девка у трактира?

– Согласно походному порядку, нахожусь у орудия, господин сотник. – Квазимодо показал на укрытый тканью эвфитон.

– Ты мне не брешь, полуморда рачья. Где Филин?

– Я здесь, господин сотник, – поспешно отозвался отставший солдат.

– Что, тоже погулять по бабам любишь? Завтра – в головной дозор. Проветришься, шлюхин сын.

– Да я рядом с этой Квазимордой идти опасаюсь, господин сотник. От него воняет, а на морду и смотреть стремно.

– Мне что, ему пудру купить? Не поможет. А тебе, если такой нежный, нужно было в королевские сучки идти, а не на флот. И пасть свою навсегда закрой. Ты теперь с этой полурожей в брачных отношениях. Спите вместе – жрете вместе. Скажи спасибо, что супружеский долг не заставляю исполнять.

Солдаты по соседству заржали.

– Чего веселитесь, жратва змеиная? – немедленно заорал сотник. – Вам здесь не балаганное представление. Быстрее копытами шевелите, улитки безмозглые.

Воинство немедленно заткнулось и ускорило шаг.

Сотник Глири орал на кого-то уже в хвосте обоза. Колонна заметно прибавила ходу. Даже лошади быстрее передвигали ногами.

Филин древком копья пихнул Квазимодо пониже спины:

– Ты что товарищей подставляешь, харя треснутая? Это тебе не на флагмане бока отлеживать. Здесь за такую болтовню можно и в последний глаз получить.

¹¹ Шеун – однолезвийный палаш, дальний родственник китайского Шеунг Дао.

¹² Броард – европейский широкий меч.

– А ты сам что хлебало разинул? Сотника не заметил? Лучше медуз из глаз своих пучеглазых повыковыривай да смотри в оба.

Глаза у Филина действительно были навывкате – большие, водянистые. Кто-то из солдат, идущих позади, засмеялся.

– Вечером разберемся, недоносок плющенный, – предупредил Филин.

– Если не обделаешься до этого времени, окунь снулый, – согласился Квазимодо.

Филин сплюнул и демонстративно принялся поправлять вылезшее из-под ткани чехла ложе эвфитона.

Вскоре отряд остановился на обед. Квазимодо сидел, хлебал жидкую похлебку. Куски жилистого мяса приходилось выбрасывать. Разжевывать такие составляющие варева вор не рисковал. На деснах и так частенько начиналось воспаление. На корабле Квазимодо спасался отваром коры крысолюбки. В походе с приготовлением лекарства придется сложнее.

– Ишь, и котелок у него свой, – заметил Филин и пнул ногой мешок одноглазого парня. – Вещей-то набрал. Небось все зеркала да помада?

– Не-а – ташу порошок пучеглазых членососов отпугивать. Ловко ты у Глири разрешение у меня под бочком спать выманил. Только не обломится тебе ничего. Я блондинок с сиськами трахать предпочитаю, – оповестил Квазимодо.

Солдаты, сидящие вокруг, заухмылялись.

– Я ведь тебе морду разбить и прямо сейчас могу, – предупредил Филин.

– Это конечно, – согласился одноглазый парень. – Морда у меня и так уже разбита. Хочешь эту заслугу себе приписать? Вот будет чем перед другими «феями» похвастаться.

– Пасть тебе порвали, а язык зачем оставили? – с угрозой поинтересовался Филин.

Квазимодо поудобнее подтянул под себя ногу. Видно, драки не избежать. Но тут свару прекратил десятник – пожилой, лет тридцати, моряк из Конгера:

– Отстань от него, Филин. Сопляку и так в жизни досталось. А ты, парень, здесь самый молодой. Уважение к старшим имей.

Квазимодо смолчал. Уважение... Лохи они здесь все. Ладно, через горы перевалим, а там пути-дороги разойдутся.

Солдатам раздали горький чай-отвар. Вроде бы – лечебный, от лихорадки. Большинство воинов тайком выплеснули содержимое кружек. Квазимодо, морщась, выпил до дна. К лекарствам и вообще всему лечебному парень относился с почтением.

Отдохнуть толком не дали. Прозвучала команда строиться. Заняв место у своей повозки, Квазимодо принялся обдумывать, какова же истинная цель отряда.

Три десятка солдат, почти все с кораблей группы «Юг». Про них все понятно – охрана и прикрытие. Два эвфитона на повозках – орудия легкие, удобные в транспортировке, но ни для осады, ни для серьезной обороны не пригодные. Почти полусотня «желтков» – эти заменят лошадей, когда нормальная дорога кончится. Десяток моряков – вот их для подъема и разборки корабля маловато. Да и какой может быть по-настоящему интересный корабль так далеко от моря? Скорее всего байка для отвода глаз. С другой стороны – на повозках везут лодки-скрадухи. Вещь ценная, дорогая. До службы на «Эридане» Квазимодо и не подозревал, что бывают такие хитроумные и удобные челны. Разбираются в два счета. Втроем такую лодку куда угодно затащить можно. Значит – большой воды не миновать. Может быть, отряд за сокровищами идет? Затапили серебро где-то, а теперь под охраной достанут. Тогда стоит на обратном пути вместе с отрядом перевалить горы, а потом уже подсуетиться...

Квазимодо ожесточенно почесал вспотевший затылок. Не затем ты по жаре непонятно куда прешься. Хватит с тебя серебра. Ты себе новые зубы ищешь.

В существование волшебных лекарей по ту сторону гор сейчас верилось еще меньше. Ноги начали ныть. Рубаха промокла от пота. Солнце пекло как ядовитый дракон. Хорошо бы

намотать на голову платок. Когда-то Квазимодо научили делать повязку-тюрбан. Шелковый хвост платка тогда слегка прикрывает искаленную щеку. Удобно и даже по-своему красиво. Но ведь Глири, сволочь такая, мимо не пройдет. По-бабски ходить бойцам не положено. Придется пока в морском колпаке щеголять.

Раздумывая о свободе выбора, юный вор отмахивался от назойливых мух.

Отряд монотонно двигался по дороге. Вокруг торчали островки пыльных кустов, редкие пальмовые рощицы. Изредка попадались клочки крестьянских полей в неизменном соседстве с невысокими колючими кустиками посадок нутта. За день отряд миновал лишь две деревушки, окруженные покосившимися частоколами. Спокойные здесь места. Сонные. Селян не беспокоят ни хищники, ни ночные дарки.¹³ Возможно и тем, и другим не нравятся пьянящая вонь орехов.

Квазимодо украдкой глянул вперед и назад. Отряд двигался значительно медленнее, чем утром. Как минимум половина из бойцов жевала нутт. Квазимодо видел, как они украдкой сплевывают под ноги характерную лиловую слюну. Ну-ну, пусть наслаждаются, пока Глири не появился.

Сотник в основном находился в голове колонны. Там шли еще несколько привилегированных членов отряда. Квазимодо толком их разглядеть пока не успел. Один – явно техник, и в немалых чинах. Вроде бы пару раз появлялся на «Эридане». Другой – мрачный мужик. По виду не похож ни на флотских, ни на уроженцев Желтого берега. Наверное, проводник с той стороны гор. Значит – врут, что с той стороны все сплошь безглазые и белобрысы. Всегда баек ходит немало и все бестолковые.

Юный вор часто и легко врал сам, но всегда удивлялся, когда люди выдумывали басни просто из любви к искусству. Вот ведь дуракам делать нечего.

Рядом с проводником шли двое «серых». Квазимодо специалистов по ночной страже не слишком уважал. Слышал из достоверных источников, что вполне можно путешествовать и без их дорогостоящей охраны. Хотя, конечно, ночью в безлюдье чего только не бывает.

В группе «аристократов» шли еще два человечка. Невысокие (сам Квазимодо, пожалуй, повыше будет) и какие-то странные в движениях. Неуверенные. Вор силился вспомнить, где видел нечто похожее, но от усталости мозги здорово отупели. Очень хотелось сесть, а еще лучше – лечь. Парня утешало только то, что милый друг Филин выглядел еще хуже.

Привал объявили уже в сумерках. Квазимодо помогал составлять повозки в круг, потом плюхнулся на сухую землю, прислонился спиной к колесу, вытянул ноги. Было так хорошо и удобно сидеть, что даже жрать не хотелось. Парень все-таки доковылял до костра, получил свою долю каши. Выпил горький настой. Хватило сил вымыть котелок и под шумок наполнить водой из бочки вторую баклагу. Кроме казенной глиняной, Квазимодо имел собственную флягу – дорогую, из тонкого крепкого металла и с даже с посеребренной крышкой. Господская вещь, но удобная.

Северный ветер настойчиво нес запах сладковатой гнили. Болота рядом. Гнусный запах. Про топкость и предательский характер болотной страны Квазимодо кое-что уже слышал. Наверняка преувеличивают, но придется несладко. На холмистых, поросших выгоревшей травой берегах у Глора, где вырос юный вор, болотца были маленькими и солеными. Ладно, на днях увидим, чем одни трясины от других отличаются.

Лагерь стоял на пустоши поросшей жесткими островками травы. Шелестели на ветру листья одинокой пальмы. По периметру заграждения из повозок горели костры. Утомленно фыркали лошади. Квазимодо лег на плащ и мгновенно уснул.

¹³ Дарки – от англ. «dark» (темные). Все существа, не принадлежащие к миру людей и миру обыкновенных животных.

Разбудил вора болезненный тычок по ребрам. Квазимодо дернулся, машинально рванул из ножен тесак.

– Тихо, парень. Пойдем поговорим.

Квазимодо протер глаз и разглядел склонившегося над ним Филина.

– Ты что, Рыбий Глаз, до утра подождать не можешь?

– А ты что, уже описался? Пойдем, я тебе пару слов скажу, и ляжешь баиньки. Огр¹⁴ недоношенный.

– Иди-ка ты в задницу. Я спать хочу.

– Струсил, половиномордый? – Филин засмеялся.

Рядом заворочались закутанные в плащи солдаты:

– Заткнитесь или проваливайте! Спать мешаете.

– Так пойдем, малыш? – не унимался Филин.

Квазимодо сел:

– Уговорил, красноречивый. Пойдем.

Взяв копьё – без оружия выходить за периметр категорически запрещалось, – двое солдат пролезли между повозок. Сидящий у костра «серый» равнодушно посмотрел вслед.

Отойдя шагов на сорок в темноту, Филин воткнул копьё в землю.

– Значит, ты на меня таякать вздумал, сопляк криворожий?

Квазимодо воткнул свое копьё, озабоченно осмотрелся:

– Слышь, герой мутноглазый, здесь все загадили.

– Испачкаться боишься? Ты что, из благородных? – Филин издевательски засмеялся.

– Измажемся дерьмом – Глири шкуру спустит. Пошли туда, там почище.

Филин оглянулся. Квазимодо сильно ударил его ногой под колено. Солдат покачулся. Квазимодо оказался сзади, прыгнул на спину. Потерявший равновесие Филин пытался увернуться, но было поздно. Оба упали. В руках вора оказалось два ножа – один свой, выхваченный из-за голенища, другой – выдернутый из ножен на поясе солдата. Квазимодо сидел на спине врага, прижимая одно лезвие снизу к горлу Филина, острие второго клинка упиралось под лопатку беспомощного противника.

– Дернешься – прирежу, – прошипел вор.

– Ты на меня оружие поднял, – с изумлением пробормотал Филин. – Закон забыл?

– Имел я ваш закон. И весь ваш Флот имел. Я – нечестный. Запомнил? Сейчас отправишься к предкам, так им и передай. Мол, прирезал меня, как свинью, урод одноглазый, Квазимодой звать. Ни стыда у него, ни совести. Запомнил?

– Нож убери, – прохрипел Филин. – Не убьешь ты меня. Или тебя утром повесят.

– Не повесят. Мы подрались, ты упал. Да так неловко – на собственный нож напоролся.

– Убери нож. Тебя Глири вздернет. Он разбираться не будет.

– Может быть. Ладно, поживи пока, вонючка. Но если ляпнешь кому или еще меня заденешь – отравлю, яйца отрежу и гадюк на тебя накличу. Я умею. И петли не побоюсь.

– Пусти, больно.

Квазимодо спрыгнул с солдата. Бросил чужой нож на спину поверженного противника. Филин вздрогнул.

– Язык распустишь – и ты покойник. Мне закон не писан, – внушительно сказал Квазимодо. – Все, я спать пошел.

Вор лежал на плаще, смотрел в небо. Звезд сияло бесчисленное количество. Вот только находить по ним дорогу Квазимодо почти не умел. Слишком быстро меняется звездный рису-

¹⁴ Огр – великан-людоед.

нок. Придется полагаться только на свое чутье. В людях ты разбираешься, в городских кварталах тоже не путаешься. Осталось познакомиться с болотами и горами. Неизвестно как горы, но зловонное дыхание болот вору уже очень не нравилось.

Филин пролез между повозками, тихо улегся на свое место. Нужно будет все-таки его прирезать при случае. Дурак, мозгов нет, рано или поздно разболтает.

Квазимодо повернулся на бок и заснул.

Глава 2

Стайка попугаев в кронах деревьев разоралась так, что Квазимодо перестал слышать сочное бесконечное чмокание. Чмокание производили ноги молодого вора – с каждым шагом выдирать сапоги из топкой грязи становилось все труднее. Привал закончился совсем недавно, но казалось, еще несколько шагов, и останется только сесть в черную воду и заскулить, как околевавший щенок. Тогда точно не миновать плети – сотник все еще не устал находить весомые аргументы для того, чтобы ободрить подчиненных. Хорошо командиру – кроме ответственности, плети и личного оружия, ничего тащить не нужно.

Квазимодо поправил навьюченную на спину станину эвфитона и сделал следующий шаг. Вода стала еще чернее от всплывшего жирного облака ила. Впереди шел Филин – уложенные поперек плеч ложе и зачехленные в кожу «рога» орудия пригибали солдата к смрадной поверхности воды. На первый взгляд ноша командира расчета казалась гораздо легче громоздкой треноги на спине Квазимодо, но это было ложное впечатление. Одноглазый вор заранее, еще когда разгружали повозки, прикинул, что тащить выгоднее. Здоровенная станина выглядела убедительно, а два плетеных короба с длинными стрелами вообще делали Квазимодо с виду чуть ли не самым перегруженным из солдат. Но на самом деле станок эвфитона был не так уж массивен, а с большинства стрел еще в первую ночь были сняты тяжелые наконечники. Конечно, любой из «желтков»-носильщиков тащил куда больший груз. От того бедняги и дохли как мухи.

Квазимодо с остервенением подумал о настоящих, очень живых мухах и москитах. Иногда они сплошным облаком окутывали бредущих по болоту людей. Вор давно укутал голову и шею легким шелком платка. Это слегка утихомиривало пыл проклятых насекомых, но все равно кисти рук, грудь в вороте рубашки и даже губы распухли от бесчисленных укусов. Другим участникам похода приходилось еще хуже. У Филина рожа распухла настолько, что даже обычно вылупленные глаза почти исчезли в складках воспаленной кожи.

Квазимодо наметил поваленное дерево впереди и принялся считать шаги до него. Так двигаться было чуть легче: ориентир – отсчет шагов – проверка вьючного имущества. Ориентир, отсчет, проверка... Мешок с незаконно снятыми наконечниками и другое личное имущество вора тащили двое новых рабов одноглазого парня. Правда, о том, что они его рабы, знал только Квазимодо да сами невольники. Хотя возможно, эти два «желтка» уже ничего толком не осознавали. Отряд двигался через болота пятый день, за это время носильщики окончательно потеряли человеческий облик, способность размышлять и двигались вперед только потому, что их гнал вперед безжалостный сотник.

Вор поравнялся с упавшим деревом, вытер залитый потом глаз. Проверил: оба носильщика – и Толстый, и Тонкий – брели вперед. Отряд давно утратил подобие воинского построения – просто толпа людей тащилась по колено в грязи. Солдаты, носильщики и моряки перемешались. Правда, большая часть «желтков» отставала – тяжело нагруженные мешками с припасами, частями разобранных лодок и инструментами слабосильные жители Южного берега не выдерживали темпа движения. Сзади отстающих неумоимо подгоняли плети Глири и помогавшего ему десятника. Квазимодо заставлял «своих» носильщиков идти рядом. Не так уж и трудно – минимум шесть раз в день обоим требовалось внимание хозяина. В потайном кармашке штанов вора болтался десяток орешков нутта. Мокрые пропотевшие комочки иллюзорного облегчения оказались лучшей валютой в этом влажном аду. Остальной запас нутта Квазимодо прятал в коробе со стрелами. Стоило похвалить себя за догадливость.

Пять дней назад, на границе вонючих топей, когда опустевшие повозки уже отправились обратно в Скара, Глири построил отряд и лично обыскал всех. Должно быть, груда орехов так и осталась лежать там, у погасшего кострища. Квазимодо, как и все, набрал нутта у последней плантации. Жадничать не стал – ограничился небольшим мешочком. Только не вздумал,

как многие другие, сыпать орехи в кошель вместе с серебром или прятать в срамном месте. С чистой совестью раскрыл перед сотником мешок, снял рубаху и спустил штаны. Высыпал стрелы. Покорно снес ругательства за лишнее имущество в походном мешке. Глири, с победным видом стоя у груды нутта, скомандовал выход. Следил за тем, как отряд входит в залитый водой лес. Квазимодо поскользнулся и нелепо упал в первой же луже. Под смех и насмешки с трудом встал, придавленный станиной, с ногами и руками в комьях липкого ила. Жалко пытался отряхнуться. Глири сзади заорал, обзывая криворожей жабой. Квазимодо отер вымазанные руки о еще чистую рубаху (припрятанный заранее в луже мешочек с нутом оказался за пазухой), подхватил скользкое копье и занял свое место в колонне. Всем было очень смешно – тогда вояки еще могли ржать как лошади.

Сейчас оставшийся у вора нутт вполне помог бы помочь организовать бунт в отряде. Можно чужими руками утопить в грязи Глири, перерезать глотки десятникам и на пару дней стать богом для подыхающей без драгоценных орешков паствы. Но Квазимодо не собирался совершать подобные глупости. Глири – единственный, кто может вывести отряд из болот. Скотина-сотник и этот тип, что ведет отряд, сейчас были для молодого вора ценнее, чем все серебро мира.

Поравнявшись с особенно яркой цветущей лианой, Квазимодо подбросил поудобнее на спине станину. Вообще-то тренога крепилась удобно, правильно подогнанный походный мешок смягчал давление на поясницу, ремни плотно притягивали станину к телу. Мешали только растопыренные лапы станка, частенько задевающие низкие ветви. Но как же хотелось сбросить проклятую конструкцию в воду, разогнуться и свободно втянуть в легкие пусть и ядовитого, гнилого воздуха.

Нет уж, попытку избавиться от оружия Глири пресечет безжалостно. Вчера сотник отправил на тот свет двоих: «желтка», не смогшего встать после обеденного привала, и солдата с «Огненного змея». Солдат глупо сорвался, начал визжать, оповещая всех – мол, все равно погибнем, надо поворачивать, пока не поздно, или все в три дня передохнем. Как будто бойцы и так не видели, к чему дело идет. Паникера повесили почти не останавливаясь. С этим Квазимодо был вполне согласен. Останавливаться – поздно, бунтовать – бессмысленно. Глири не остановится, пока не выполнит приказ или пока сам не околеет. Если околеет – будет еще хуже. Квазимодо присматривался к проводнику и не чувствовал к этому человеку ни малейшего доверия. Вести-то он ведет, но о чем думает, стурворм его знает. Непонятный. С такими Квазимодо серьезных сделок предпочитал не заключать.

А вот «желтка» Глири вчера рубанул зря. Ну не мог носильщик встать – зачем ему голову сносить? Глядишь – посидел бы, передохнул, догнал бы отряд. А не догнал бы – стал бы чым-то ужином. Тоже полезно: те из «желтков», кто еще ноги передвигает, целее бы остались. Нет, мечом по шее – это не по-хозяйски.

Кроме вчерашних двоих, за четыре дня пропало шесть человек. Четверо носильщиков и двое из моряков. Беспокоило то, что никто не понял, куда они делись. Трое пропали ночью. Без шума, без криков. Квазимодо сомневался в том, что они оказались настолько безумны, чтобы решиться в одиночку повернуть назад. Моряк и один из «желтков» пропали днем. Их и хватились-то не сразу. Глири совещался с десятниками и с «серыми», но, похоже, и профессионалы охраны толком ничего не поняли. Видно, чуть отстал морячок по нужде и навсегда канул в вонючую грязь. Еще одного бедолагу-носильщика ужалела змея. Этот отмучался быстро.

Плохо. Все плохо. Квазимодо механически месил грязь. Подвязанные на шиколотках шнурками сапоги отяжелели, будто свинцом наполнились, но с ног не соскальзывали. Зато на левом сапоге начала отрываться подошва. А ведь новая была обувь. Не умеют в Скара сапоги шить. Дрянной город. И вся страна дрянная. Какого хрена ты сюда полез?

Квазимодо поспешно остановил свернувшие в привычное русло никчемные мысли. Выберешься – успеешь подумать, какой ты идиот. А пока думай о чем-нибудь хорошем. Напри-

мер, о ремнях, что так удобно держат на спине проклятую станину. Не зря на них раскошелился. И вообще часть твоего груза тащат другие, ты еще можешь соображать, можешь думать о будущем и даже относительно неплохо себя чувствуешь.

Молодой вор знал, что с этим ему здорово повезло. Вон – Филина как пьяного мотает. Лихорадка. Эта напасть мучает почти всех бойцов. Два раза в день – в полдень и на закате – людей начинает колотить озноб. Ноги слабеют, лечь негде, – люди сидят прямо в теплой как дерьмо грязи, трясутся, как будто вокруг не преющая духота, а пронизывающий зимний ветер с моря. Людям кажется, что черная вода болота подергивается ледяной кромкой, и ноги становятся ледяными, как у мертвецов. Самого Квазимодо болезнь пока миновала. Видно, не зря ту горечь глотал. Теперь отвар пьют все, да не всем помогает. Квазимодо при случае не стеснялся проглотить и лишнюю кружку горького эликсира. Для профилактики. При раздаче пищи внимание десятников слабело. Можно умудриться получить и вторую порцию жратвы. Но набивать живот не так уж и хотелось. Чистая вода и сухое место – вот где счастье.

Вчера развести на ночь костер так и не удалось. Жуткое место: куда ни посмотри – густая, черная вода, стволы деревьев, густо обвешанные белесой клейкой паутиной. Ужинать пришлось всухомятку. Квазимодо кое-как нагреб мокрых веток, пристроил станину и короба со стрелами, свернулся сверху клубком. До рассвета в спине от проклятой треноги образовались вмятины – едва разогнулся. Еще ничего – Филин вообще спал наполовину в грязи, как дохлая ондатра.

Гамак бы занять.

Такими удобствами в отряде обладали только двое. Никому из моряков не пришлось бы в голову тащить в поход плетенные из толстых веревок корабельные гамаки. Но оказывается, бывают и другие гамаки – легкие, почти невесомые, сплетенные из плоских шелковистых, похожих на водоросли волокон.

Квазимодо завидовал. Знал бы о таком удобстве, обязательно бы вложил деньги в такую полезную вещь. Хотя сейчас, в военном походе, скотина Глири наверняка не дал бы в таком гамаке ночевать. Не положено солдатам спать удобнее, чем командиру.

А вот драгоценным ныряльщикам – положено. Двое невысоких, как подростки, светловолосых парней старались держаться поближе к грозному (ну, прямо круче сотника) технику. Неизвестно, как в воде, но на суше ныряльщики чувствовали себя очень неуклюже. Широко расставленные, круглые глаза придавали худощавым парням испуганный вид. Вояки отряда сразу и без раздумий посчитали их иноземными недотепами вроде «желтков». Квазимодо был склонен принять такую же точку зрения, пока не заметил, что парочка ныряльщиков готовит себе отдельно. Очень хотелось полюбопытствовать, что они там жрут. Но не тут-то было – стоило приблизиться, оба светловолосых замерли, сидя на корточках, и не сводили своих круглых глаз до тех пор, пока одноглазый парень не отошел. Квазимодо, конечно, сделал вид, что шел исключительно с целью отлить (мы хоть и полумордые, но воспитанные – там, где жрем, не мочимся). Но вора парочка заинтриговала. Скрытность – она ведь обычно там, где денежки или еще что выгодное бывает. В последние дни Квазимодо было не до богатств, но привычка есть привычка.

Споткнувшись о невидимый корень и восстановив равновесие с помощью копья-посоха, юный вор подумал, что сегодня, кажется, разгадал тайну ныряльщиков. Только на хрена она такая тайна нужна? Прибыли с нее не добудешь, да и язык за зубами держать придется. Хотя любопытно...

Утром, привычно покосившись на парочку ныряльщиков, Квазимодо обратил внимание на то, как один из них застегивает ремень с ножами. Ловко застегивает, чего говорить. Но вот пальцы...

Когда у тебя один глаз, ему вечно приходится работать и за отсутствующий. На зрение Квазимодо не жаловался – у ныряльщика на каждой руке было по четыре пальца. И перепонки между пальцами.

Фуа¹⁵ – дарки-лягушки.

В другое время вор заслуженно возгордился бы своей догадливостью. Но спину ломило, мокрые ноги превратились в ходули, опять нужно было выючить на себя ненавистную станину. Хрен с ними – фуа, так фуа. В сказки о том, что злобные существа утягивают за ноги на дно потерпевших кораблекрушение и бесчестят неосторожно купающихся девиц, Квазимодо никогда не верил. На дно такое хилое создание вряд ли утает: врезать разок пяткой в нос – само утопнет. А насчет девиц... В отряде полусотня бойцов – и все как один не отказались бы обесчестить чистенькую девицу. По крайней мере раньше не отказались бы. Сейчас бойцам уже не до девиц.

Квазимодо поразмыслил: удастся ли посмотреть пусть не на девицу – просто на чистого и сухого человека? Корка подсохшей грязи стягивала кожу на запястьях, пот щипал искусанное лицо. Грязь под ногами стала жиже – люди погружались в маслянистую воду по пояс. Еще день назад в таких случаях Глири командовал собрать лодки. Но это отнимало слишком много времени. Через двести-триста шагов болото снова мельчало, приходилось останавливаться и разгружать только что нагруженные лодки. Тащить хрупкие «скрадухи» волоком через завалы с острыми сучьями сотник не рисковал.

Точно – через сотню шагов идти стало легче. Квазимодо смог даже полюбоваться на ставшие черными от ила голенища собственных сапог. По ним озабоченно ползали верткие пиявки с палец длиной. Такая если найдет местечко и присосется к телу – только головней от костра отклеиться и заставишь.

Споткнулся и с шумом сел в воду «желток». Это Толстый. Молодец – первый раз свалился. Вот Тонкий – тот сегодня уже два раза купался. Носильщик тупо сидел в воде. У него не оставалось сил даже снять с головы корму лодки-скрадухи. Мимо безразлично шли люди, навьюченные мешками, корзинами и частями таких же разборных лодок. Квазимодо в сердцах сплюнул, попал себе на живот и повернул к сидящему рабу. Нужно спасать свою собственность. Пришлось скинуть с головы носильщика часть лодки с привязанной внутри поклажей. «Желток» продолжал сидеть, глядя в никуда. Должно быть, уже видел предков. Квазимодо с усилием поставил носильщика на ноги. Толстый стоял, но изо рта потекла нить лиловой слюны.

– Рот вытри, скотина! – Квазимодо двинул кулаком по спине, обтянутой ветхой рубахой.

Носильщик покорно втянул в себя опьяняющую слюну. Вор дал ему глотнуть из своей баклаги.

– Лучше бы товарищу дал попить, – прохрипел проходящий мимо солдат. – А этот все равно без толку сдохнет.

– Сдохнет – ты мою лодку понесешь. Тогда тебя поить буду, – пробормотал Квазимодо.

– Зачем тебе лодка? Нас всех в этой жиже пиявки со змеями сожрут, – обреченно заметил солдат и похлопал дальше.

Нужна лодка, не нужна – внутри хранилось личное имущество вора, и Квазимодо не желал с ним расставаться, пока жив. Отобрал у «желтка» баклагу. Ни ночью, ни в обед вскипятить воду не удалось. Всех мучила жажда. У вора вода еще оставалась, но нужно экономить. Болотную воду пить категорически не следовало – и так животы у всех расстроены. Квазимодо тщательно отбер горлышко баклаги, глотнул сам.

– Хватит прохлаждаться. Бери груз.

¹⁵ Фуа – в шотландском фольклоре зловердные, опасные для людей фейри, которые обитают в реках, озерах и прибрежных морских водах.

Пришлось помочь «желтку» поднять выюк. Сзади уже приближалось злобное карканье Глири.

– Вперед, вперед, доходяга, – прошипел Квазимодо, подталкивая Толстого. Носильщик бессмысленно шагнул. Вор поправил съехавший под руку арбалет. Дорогое оружие было жалко. Не так давно Квазимодо отвалил кучу серебра за привезенное еще из-за океана легкое оружие. Одна из последних моделей. Вор не считал себя замечательным стрелком, но с этим арбалетом чувствовал себя куда увереннее. Теперь болотная сырость начинала портить обклеенные пергаментом «плечи» арбалета.

Снова хлупала под ногами густая вода. Вспухали пузыри вонючего газа. Покачивались яркие прекрасные цветы, лианы топорщили сияющие, как льдистая изморозь, колючки. Казалось, плавающая и цветущая зелень благоухает ядовитее нутта. Стояли замершие без единого намека на ветер деревья. До воды свисала похожая на истлевшую тысячелетия назад ткань паутина. Бесшумно снялась с ветвей, и исчезла над кронами неопределенная, похожая на сгусток паутины тварь. То ли птица, то ли нетопырь.

Солнце, едва пробивающее жаркий туман, начало тускнеть. Глири ушел вперед – командование искало подходящее место для ночлега. Правильно – еще одной ночевки в грязи отряд не выдержит. Квазимодо выдернул увязшее в иле копье и огляделся. Люди из последних сил тащились вперед. Вор видел спины «своих» носильщиков – Толстый и Тонкий плелись в середине отряда. Полученный нутт явно добавил им сил. До ужина доживут.

Квазимодо несколько нервно огляделся. В животе булькало и сосало – хотелось жрать. И наоборот... тоже хотелось.

Впереди носильщики перебирались через завал из двух огромных стволов. Еще дальше раздавался зычный глас Глири. Кажется, начальство нашло место для ночлега.

Квазимодо с трудом вскарабкался на лежащий в воде ствол. Ключья паутины цеплялись за разбухшие носы сапог. Проклятая станина норовила стянуть обратно в воду. Вор с трудом выпрямился. К завалу подходили десятник и «серый», прикрывающие тыл растянувшегося отряда.

– Вынужден задержаться, – доложил Квазимодо, расстегивая пряжку ремней своего выюка. – Иначе наложу в штаны.

– Ну и клади, – пробурчал десятник, забираясь на бревно. – Вони все равно не прибавится.

«Серый» молча перебрался через завал, оперся древком глефы и плюхнулся в воду.

Квазимодо посмотрел им вслед, уложил станину на испачканную илом кору и поспешно пошел по стволу к ветвям. Идти по сухому оказалось неожиданно легко. Парень ухватился за ветку, обвешенную паутиной, и в сердцах сплюнул в воду. Уютное место оказалось занято. Даже два раза. Самым обидным было то, что одним из сидящих над водой оказался Филин. Никуда от него не денешься, от козла дристливого. Вторым, к удивлению Квазимодо, оказался один из ныряльщиков. Хм, все у этих фуа как у людей, даже понос. Вот только пальцы подкачали. Человек-лягушка, видимо, тоже предпочитал одиночество – сидел на крайних ветках, балансируя над водой.

Желудок напомнил о себе. Квазимодо расстегнул ремень с ножнами, повесил на шею и полез на ветку поудобнее. Филин кинул косой взгляд и отвернулся.

На оголившуюся под спущенными штанами плоть немедленно налетели москиты. Приходилось одной рукой отмахиваться, другой держаться за сухую ветку. Ножны шеуна свисающие с ремня на шее, мешали воевать с обнаглевшими насекомыми. Арбалет вор с себя благо-разумно снял и повесил на соседнюю ветку.

Квазимодо раздумывал о причинах желудочного расстройства. Жратва, приготовленная на болотной воде, виновата, что ли?

Филин, сидящий на соседней ветке, издал гулкий короткий звук-вздых.

«Во дает пучеглазый», – с невольным сочувствием подумал Квазимодо и машинально скосил взгляд на ныряльщика. Интересно, какое впечатление на фуа производят простодушные человеческие привычки?

Фуа замер как деревяшка. Его по-рыбьи круглые глаза еще больше округлились.

«Не любят они нас, людей, – решил вор. – Да и то, за что нас любить?»

Слегка обеспокоенный выражением на лице ныряльщика Квазимодо обернулся и глянул на Филина. С тем было все в порядке. Пока. Из болотной жижи перед солдатом торчала огромная драконья голова. Если бы Филин хотел, то мог бы нагнуться и похлопать дракона по плоской вытянутой морде. Но солдат не хотел хлопать. Филину очень хотелось исчезнуть с неудачно выбранной ветки. Скорчившись на корточках, солдат был меньше огромной башки дракона.

«Конец нам», – в панике подумал Квазимодо.

Дракон приподнял голову выше. Невозможно поверить – но тварь двигалась совершенно бесшумно. Ни всплеска, ни шуршания. Тело чудовища казалось продолжением черной болотной воды. Движение – такое же маслянисто-текучее, сонное. Монстр и выглядел как часть болота – черно-зеленые узоры кожи, похожие на бледно-желтые плавучие листья глаза с вертикальными щелями-зрачками. Теперь тварь возвышалась над древесным завалом. Голова на шее толщиной с бочку замерла, разглядывая три жалкие человеческие фигурки, сидящие среди сухих ветвей со спущенными штанами.

«Брезгует нас, засранцев, жрать, – подумал парень. – Не дракон это. Змеюка непомерная. Только какая нам разница?»

От понимания, что это не дракон, как ни странно, стало чуть легче. Теперь Квазимодо чувствовал острый резкий запах. Как можно было его не ощущать раньше? Змей казался ненастоящим, слишком большим. Большинство носовых фигур на драккарах, которые видел вор, были куда скромнее по размерам, чем эта змеиная башка. И невозможно представить, какой длины тело скрывает непроницаемая темная вода.

Змей не шевелился. Казалось, он к чему-то прислушивается.

«Все равно будет жрать», – решил Квазимодо и осторожно потянулся к арбалету.

Стоило сделать движение, и вор ощутил, что тварь смотрит на него. Змей не шевельнулся, но теперь все его внимание было обращено на юного вора.

«Не начинай с меня, – беззвучно взмолился Квазимодо, – я уродлив, невкусен. Я противный».

Змей неуловимо вознесся из болота еще выше. Теперь людям, чтобы смотреть на его морду, приходилось задирать голову. Длинная, чуть изогнутая шея казалась глянцеvitым и лишенным кроны стволом дерева.

– Отвлеките его, парни, – прошептал Квазимодо, очень медленно протягивая руку к арбалету. – Чуть-чуть отвлеките.

Никто не шевельнулся. Мелко-мелко подрагивали бледные ягодицы Филина. Понимая, что никто рисковать не собирается, вор дотронулся до полированного ложа арбалета. Успеть бы снять...

На своей ветке шевельнулся ныряльщик. Чуть двинулся, чтобы опереться ладонями о ствол.

Квазимодо обдало ветром и острой вонью. Змей неуловимо быстро метнулся сверху. Его узорчатая башка приблизилась к ныряльщику и замерла на расстоянии двух человеческих ростов. Змей всматривался в добычу, предупреждая следующее движение.

Квазимодо знал, что наверняка бы обделался, если бы не сделал этого чуть раньше. Сила и неуловимость движения болотного чудовища потрясали.

В руке почему-то оказался арбалет. Вор совершенно не помнил, когда успел сдернуть оружие с ветки. Нужно взвести...

Ныряльщик-фуа и змей смотрели друг на друга. Короткие белесые волосы на затылке ныряльщика поднялись дыбом.

– Филин, скотина, скажи что-нибудь гаду. Я арбалет взведу, – одними губами прошептал Квазимодо.

Солдат не двинулся. Казалось, он ооченел, только ягодицы продолжали мелко и неудержимо дрожать.

Квазимодо потянул рычаг арбалета. Где-то вопили попугаи и противно скрипел-стонал хвостатый ревун,¹⁶ но скрип натягивающейся тетивы, казалось, заглушает все звуки.

Змей повернул голову к вору. Квазимодо замер, с трудом удерживая полувзведенный рычаг.

Шевельнулся, по-лягушачьи разводя колени, ныряльщик.

Болото ожило. Бесчисленные петли змеиной плоти скользили из воды. Заскрипели под их тяжестью древесные стволы завала. Змей все выползал и выползал, казалось, черно-зеленое тело никогда не кончится. Беззвучно скользила между сучьев страшная узорчатая плоть, окружала петлями замершую на ветвях худую фигурку ныряльщика. Петли пока не торопились сомкнуться в жутком объятии. Змей остановился, оставив жертве жалкую иллюзию свободы. Фуа сидел, окруженный нагромождением пятнистых мускулистых колец.

Квазимодо задыхался от страха и смрада. Как всегда от волнения, слюна переполнила рот и потянулась нитью сквозь щель на месте оборванной губы. Сглотнуть вор боялся. Арбалет взведен, болт¹⁷ наложен. Конечно, огромному гаду такой болт что щекотка. Юный вор очень плавно поднял оружие. Попасть в глаз он не надеялся – змей не стурvorm, хотя сам и подлиннее морского гада будет, но башка и гляделки куда меньше. Подрагивающая на проволочке бусинка прицела нашла место сразу позади змеиной головы, там, где шея казалась чуть тоньше. Квазимодо коснулся пальцем спускового крючка шнеллера.¹⁸ Арбалет щелкнул.

Падая набок, Квазимодо успел заметить, как вздрогнул змей. Одновременно тощий ныряльщик потрясающим лягушачьим прыжком взлетел строго вверх, уходя из страшных змеиных колец.

Хрустели древесные стволы, вода, ил и грязь взлетали до неба. Змей превратился в стальную обезумевшую пружину. Яростные прыжки-конвульсии словно бичом секли все вокруг. Воздух прорезал шипящий прерывистый звук. Арбалетный болт по самое оперение ушел в шею чуть-чуть ниже башки монстра. Темная кровь толчками выплескивала на узорчатую кожу.

Всего этого Квазимодо не видел. Он висел, обхватив рукой и обеими ногами толстый сук. Сжимал свободной рукой арбалет и ждал, когда древесные стволы разлетятся, открывая взбешенному хищнику затаившегося обидчика. Деревья содрогались под ударами колец змеиного тела, но пока держались, плотно увязнув в иле. Юный вор висел как пиявка, тесно прижимаясь к стволу. Такого страха Квазимодо еще не испытывал. Чувствовать, как рядом беснуется гигант, который может сожрать тебя раз двадцать, совсем не то что рисковать, ныряя под клинок в бою. Жутко хотелось натянуть штаны. Голая задница парня почти касалась болотной воды, и Квазимодо казалось, что змей вынырнет прямо оттуда.

Тварь шипела, билась. Болт, застрявший в шее, несмотря на свои скромные размеры, повредил что-то важное. На завал из древесных стволов падали комья ила, потоки грязной воды и сломанные ветки. Где-то вдалеке кричали люди. Квазимодо казалось, что он различает командный рев Глири.

¹⁶ Ревуны – род цепкохвостых обезьян.

¹⁷ Болт – короткая толстая и тяжелая арбалетная стрела.

¹⁸ Шнеллер – устройство, позволяющее максимально уменьшить давление на спусковой рычаг и позволяющее произвести более точный выстрел.

Сотник пытался выстроить свое воинство и повести в атаку. Получалось с трудом – взлетающие фонтаны грязи и мелькающие в мутной воде изгибы чего-то жуткого вызвали настоящую панику. Глири не разбираясь бил кулаком в перекошенные морды и, пока еще плашмя, лупил мечом по спинам и задницам. Один за другим щелкнули два арбалета. Стреляли издалека, стрелы канули в водном месиве, но стрельба приободрила других бойцов. Выстроилась неровная, ошетилившаяся копьями шеренга. Под ее прикрытием стрелки обрели некоторое хладнокровие. Арбалеты защелкали чаще. Несколько болтов нашли цель. Змей отчаянно зашипел, развернулся и рванулся к группе врагов. Двигалась тварь неловко. В нее попало еще несколько стрел. Змей на миг замер в нерешительности, и это его погубило. Кто-то из метких арбалетчиков всадил стрелу в шею, совсем рядом с болтом, выпущенным Квазимодо. Змей дернулся, кольца его бесконечного тела судорожно прошлись по воде, взметая густую грязь. В ослабевшего гада полетели копья.

Слушая воинственные крики товарищей по оружию, Квазимодо завертел головой. Следовало бы все-таки натянуть штаны. Змеюку, кажется, вот-вот добьют. Вот только как бы встать, не замочив штаны целиком? Да и упавший ремень с тесаком следует отыскать. Парень неожиданно увидел ныряльщика. Сухощавый фуа висел в очень похожей позе, только штаны он успел подтянуть и поэтому не сиял нежными местами на фоне черно-серого древесного ствола. Квазимодо повесил арбалет на сук и принялся неловко, одной рукой натягивать штаны. Фуа зачем-то показал товарищу по несчастью два растопыренных пальца.

– Что, мне два раза стрелять нужно было? – пробормотал вор, мучаясь со штанами. – Я и один-то раз едва успел. Или ты своими перепонками хвастаешься? Так я уже догадался.

Ныряльщик настойчиво тыкал два пальца.

– Их двое?! – ужаснулся, догадавшись, Квазимодо. – Двое змеев?!

Фуа кивнул.

– О боги! – Вор свалился в воду и тут же поспешно полез на стволы.

Там впереди добивали змея. Тварь в предсмертных судорогах окатывала людей фонтанами воды, но кто-то уже, обнаглев, кромсал топором окровавленную шею. Перекрикивая всех, трубно орал Глири.

Квазимодо, оскальзываясь мокрыми сапогами, пробежал по стволу. Вот выюк со станиной. Где же Филин оставил свой груз? Чтоб он сдох, скотина трусливая. Квазимодо увидел лежащий у корней большой сверток с ложем и «плечами» эвфитона. Добежал до него. Проклятие, узлов-то сколько. И ножа нет.

На стволы завала выбрался фуа.

– Нож дай! Быстрее! – заорал Квазимодо.

Ныряльщик понял. Выхватил из ножен длинный узкий нож. Вору показалось, что клинок летит ему прямо в лоб. Нет – нож воткнулся в корень.

Офигительно.

Квазимодо принялся резать веревки.

– Мой выюк тащи. Сюда. Живо. Тренога нужна.

Квазимодо успел распаковать «плечи». На корабле было время вдоволь попрактиковаться в сборке. Так, вставить. Центровать некогда. Винт. Натянуть...

Ныряльщик опустил рядом второй выюк. Похоже, дотащил с трудом. Слабосильный народец.

– Их предупредить нужно. – Голос у фуа был мягкий, как у девки.

– Некогда. Сами разберутся, – рявкнул Квазимодо. Обдирая пальцы, он закручивал «барашек» станины.

Над поверженным змеем вопили десятки победных голосов.

Фуа выпрямился и замахал руками:

– Осторожнее! Придет второй!

Голос у ныряльщика был слабый, но стоящую на завале фигурку заметили.

Что-то требовательно проорал Глири.

Квазимодо на миг выпрямился над почти готовым к бою эвфитоном:

– Слушай, Глири, лошак недоношенный!

Откуда-то со стороны готовящегося заходить солнца доносился неясный звук. Словно непонятно откуда взявшийся вихрь летел по болоту.

Глири что-то скомандовал. Засуетились бойцы.

Квазимодо туда не смотрел. Крутил ворот. Пощелкивала шестерня, взводя механизм эвфитона в боевое положение.

Шум среди торчащих из воды деревьев нарастал. Вор дернул за штаны фуа:

– Садись! Нам маяк не нужен.

Когда водяной вихрь стал видимым, сотнику уже удалось сбить подобие строя. В пешем строю никто из бойцов ни морским ящерам, ни болотным гадам еще не противостоял. Защиты из бортов корабля здесь не существовало. Все, что могли сделать солдаты, – это лишь выставить двойную линию копейщиков и прикрыть ею стрелков.

Змей двигался поразительно быстро. Собственно, не змей – водяной бурун, рассекающий жирные воды болота. Глаз едва успевал разглядеть извивы длинного тела. Тварь лишь чуть высунула из воды голову и атаковала. Часть стрелков даже не успели выстрелить. Строй мгновенно разлетелся. Несчастный, оказавшийся на острие удара, высоко взлетел в воздух и, размахивая руками, отлетел далеко в сторону. Кипели вода и грязь. Разлетались и разбегались люди. Твердые как сталь кольца змеиного тела сшибали с ног, пасть рвала руки и ноги.

– Офигительно, – пролепетал Квазимодо. Эвфитон был готов к стрельбе, но стрелять было некуда. Вор ничего не видел, кроме фонтанов воды, вопящих людей и мелькающей между ними черно-зеленой шкуры безжалостного гада.

Люди падали, вскакивали, разбегались. Ни о какой обороне уже не могло быть и речи – даже полноценный щитоносный строй латников не удержал бы это взбешенное живое копьё. Тем более в вязкой предательской грязи.

Люди удирали в разные стороны. Змей скользил между ними, наслаждаясь мстостью. Пасть распахнулась, почти нежно подхватив одного из воинов. Солдат, визжа, ткнул мечом в морду. Змей коротко мотнул головой, привычно ломая жертве позвоночник. Принялся заглатывать.

В эту короткую паузу Квазимодо выстрелил. Эвфитон бил резко, но все-таки недостаточно, чтобы поймать неуловимо быструю цель. Стрела просвистела мимо головы гада. Вор вместе с фуа едва удержали на корне дернувшуюся станину лафета.

Не обращая внимания на крики и вопли бегущих людей, змей захватил в объятия одного из моряков. Захрустели ребра. Жертва едва успела закричать. Петли змеиного тела захватили уже следующую добычу.

Квазимодо успел взвести оружие. Стрела с кованым четырехгранным наконечником ждала. Но стрелять было некуда. Змей ворочался в воде, почти невидимый. На линии стрельбы мелькали человеческие силуэты.

Неожиданно тварь вскинулась, отбрасывая раздавленные трупы людей. В узорную черно-зеленую шкуру впилась длинная стрела. Стрелял один из «серых» – только у них двоих в отряде были луки. Змей рванулся к наглецу. «Серый» исчез в водовороте. Щелчков арбалетов в водах и плеске воды слышно не было, но по врагу стреляли уже с нескольких сторон. Зверь в секундном недоумении поднял голову.

Квазимодо, затаив дыхание, дернул рычаг. Оружие подпрыгнуло, покосилось на неровном корне. Стрела с гудением прошла над водой, угодила между кольцами змеиного туловища, прорезав, хотя и не слишком опасно, сразу два витка. Змей с оглушительным шипением вознесся над водой, высоко вздымая голову, желая увидеть, что его так больно ранило.

Вор торопливо защелкал воротом, взводя механизм. В коробе со стрелами оставалось только одна оснащенная стрела. Остальные – бесполезные древки, лишённые наконечников, – походили на слишком толстые и ровные черенки лопат. Вкладывая стрелу, Квазимодо понял, что тварь его заметила. Змей заскользил к древесному завалу. Двигался он медленнее – возможно, мешали засевшие в теле стрелы, возможно – проглоченный и, должно быть, еще трепыхающийся в чреве человек.

Квазимодо сморщился. Стрелять – бессмысленно. В молнией извивающееся в воде тело ни за что не попадешь. Эх, жизнь-дерьмо. Прыгать в грязь не хотелось – пусть уж на стволе жрет, все ж посуше. Квазимодо пихнул в воду пригнувшегося рядом ныряльщика:

– Вы, лягушки, ловкие. Может, увернешься.

Вообще-то вора больше волновал лежащий у сапога нож – единственное оружие, если не считать эвфитона. По праву нож принадлежал фуа. Но кто думает о правах, когда жить осталось два мгновения?

Быстрее мутного буруна докатилась волна вони. Змей возник из воды рядом с завалом, поднял голову. На миг Квазимодо показалось, что тварь его не видит. Но взгляд встретился с взглядом бледно-желтых с кровавыми прожилками глаз. Вор смачно харкнул в сторону монстра, подхватил лежащий у ноги нож:

– Давай, сопля зеленая!

Змей неторопливо вполз на нижние ветви, древесные стволы захрустели, накренились. Эвфитон клюнул носом. Квазимодо машинально ткнул спусковой рычаг носом сапога.

Навсегда запомнилась раскрывающаяся пасть змея, желтые клыки, убийственная вонь и хруст входящей наискось под челюсть стрелы.

В следующее мгновение вор полетел вверх тормашками. С головой окунулся в тухлую воду, по ноге больно задел древесный сук. Квазимодо сел в черной жиже, кашляя и плюясь. Один из стволов завала сдвинулся с места. По нему в конвульсиях хлестал огромный хвост. Кажется, змей издыхал.

Осыпаясь дождем грязевых брызг Квазимодо отполз подальше. Закончил выхаркивать черную дрянь и увидел стоящего невдалеке фуа.

– Эй, парень, это не ты забыл? – Вор помахал чудом оставшимся в руке ножом.

За завалом арбалетки под командой Глири мстительно расстреливали умирающее чудовище.

Вечер Квазимодо провел, разыскивая собственное имущество. Мешок и арбалет нашлись сразу. Слегка поврежденный эвфитон тоже обнаружился полуутопшим в жиже. Ремень с ножом и тесаком навсегда канули в болоте. Непонятно куда делось и копьё. Впрочем, свободного оружия оказалось достаточно.

Погибли девять человек. Шестеро солдат, двое моряков и «серый», так хорошо стрелявший из лука. Пропали еще двенадцать человек – одиннадцать носильщиков и кто-то из моряков. Насчет «желтков» Квазимодо не удивлялся – странно, что остальных удалось собрать. Ну а вояку, видимо, в грязи не нашли.хлопот у уцелевших людей хватало: разбить лагерь, приготовить пожрать, попробовать помочь раненым. К счастью, тяжело раненным оказался только один солдат – переломанные ноги и внутри что-то сильно помято. Бедолага едва дышал и пускал розовые пузыри. Зато вывихнутых рук, ног и ушибов хватало. Половина отряда хромала, стонала и ругалась. Квазимодо и сам прихрамывал. Штаны на правой ноге прорвались, глубокая царапина кровоточила. К разочарованию вора, Филин остался почти невредим, только разодрал руку. Ладно, по крайней мере есть кому тащить эвфитон.

Квазимодо мрачно жевал подгоревшую кашу. Поход становился чересчур рискованным. Тут не то что новые зубы найдешь – последние оставшиеся потеряешь.

- Где Полумордый? – громко спросил в темноте Глири.
- Здесь я, господин сотник, – бодро ответил парень.
- Что сидишь? Тащи свою задницу ко мне.

Квазимодо с неохотой ступил с крошечного островка, на котором горел костер, в воду. Захлопал на командный голос.

– Стрелял неплохо, – заявил Глири. – Даже не ожидал от такой образины, как ты. Со страху небось?

– Мы все там, на дереве, обделались, – отпартовал вор. – Но я выполнял мудрые указания Филина, и вот – посчастливилось сразить гада.

Сотник хмыкнул:

– Мудрые указания, говоришь? Теперь ты – первый номер. Отвечаешь за оружие. И еще – вместе с лупоглазым господином Филином охраняете господина ныряльщика. Он большая ценность. Если что – задницы свои порвите, но чтобы жабенок остался в целости. Ясно?

– Понял, господин сотник, – преисполнился уныния Квазимодо. – А как же эвфитон? С ним на плечах разве кого защитишь?

– А ты что хотел? Чтобы я вашу дуру тащил? Не ной – все бойцы не хуже ослов нагружены. Что это ты на пояс нацепил?

На ремне Квазимодо висел кукри – необычное оружие, похожее на короткий кривой меч с обратной заточкой. Когда-то этот клинок юному вору оставила во временное пользование леди Катрин. Видать, там, куда она отправлялась, подобные штуки были без надобности. До сих пор кукри прятался в мешке – Квазимодо не хотел привлекать внимание новых сослуживцев.

– Ну-ка покажи, – потребовал Глири.

Вор сдержал вздох – так и знал, что пристанет, командир обделанный.

Сотник рассматривал клинок при тусклом свете костра.

– Не по роже оружие. Где украл?

– Единственное наследство осталось от отца.

– Врешь. Ты же вроде сирота бездомная?

– Точно, господин сотник. Не знаю своих родителей, не ведаю. Добрые люди клинок передали. Говаривали – покойный папенька на Север в походы ходил. Там и трофей взял. Вы не думайте – папочка мой, рассказывают, не простым бойцом был. Чуть ли не до сотника дослужился. Да вот сгинул, бедный, так сына и не увидел.

– Ты мне зубы не заговаривай, брехун кривой. Я вранье сразу чую. Еще разберемся. А за то, что казенный «шеун» утопил, будет вычтено из жалованья. – Сотник еще раз взглянул на темное, почти не отражающее свет костра лезвие кукри, сунул юному солдату. – Носи пока. Про ныряльщика не забудь – он тебе теперь дороже твоей мамочки – потаскухи подзаборной. А меня еще раз лошаком назовешь – второй глаз выбью...

Квазимодо, скрючившись, лежал у костра. Огонь горел плохо – головни то и дело шипели, попадая в воду. Островок, наполовину сложенный из нарубленных веток, был совсем невелик. В лицо вора почти упирались сапоги Филина. Солдат тревожно всхрапывал. С другой стороны от Квазимодо лежал ныряльщик-фуа. Этот по крайней мере не храпел. Зато зудело целое облако moskitov. Квазимодо плотнее укутал лицо шарфом. Вот влип, дурак одноглазый. Как бы хорошо было бы сейчас покачиваться среди скрипа и шорохов трюма «Эридана» или раздумывать с писарями, где бы еще урвать монеток. Вместо этого все чудились бледные глаза змеев. Вот подползает такой к лагерю, и кто его из часовых увидит в тьме-то? «Серый» один остался, что с него толку? Ох, и что тебя урода сюда затащило?

Квазимодо думал, что в этот день обязательно сдохнет. Бесконечное хлопанье по черной воде, озверевшие москиты, воздух, такой же тяжелый для дыхания, как и вода, испарина, про-

клятая тренога, почему-то начавшая все время сползать на левое плечо. Насмешливые вопли обезьян и попугаев, мелкие змеи, то и дело извивающиеся среди плавающих цветов и заставляющие сердце судорожно дергаться, тяжелое дыхание людей рядом, рыки и ругательства неутомимого Глири. Заросли на болоте стали гуще – отряду приходилось прорубать путь. Квазимодо в свою очередь махал кукри, обрубая колючие лианы, ветки и всю прочую дрянь, нарочно сползавшую со всего болота, чтобы преградить путь. Рядом вяло махал мечом Филин. Рука его была обмотана грязной тряпкой, рубить лианы мечом было куда неудобнее, чем словно и предназначенным для подобной работы кукри. Выглядел Филин жалко, но Квазимодо все равно ненавидел напарника. Впрочем, вор ненавидел всех – и Глири, не дающего сдохнуть спокойно, и десятника, так часто заставляющего идти вперед прорубать тропу, и лягушку-фуа, несущего короба со стрелами, но совершенно не способного взять еще и треногу, и проводника, заведшего отряд в этот ад. Если представить, как перерезаешь глотку проводнику, – становилось даже легче. Иногда в голове прояснялось, и Квазимодо понимал, что происходит что-то не то – путь слишком тяжел, этот мужик, ведущий отряд, вряд ли мог здесь пройти один или с несколькими спутниками. Наверняка Глири тоже это понимает. Может, вы оба чего-то не знаете? Секреты...

Нужно идти. Обратно поворачивать поздно. Квазимодо надеялся, что ему хватит сил перед смертью выпустить кишки из молчаливого проводника. Нет, лучше вздернуть за ноги. Или посадить на кол?

Вора знобило. Видимо, лечебный настой уже не действовал в этой ядовитой бане. Рана на ноге подергивалась, зудела. Вчера завязал, да, видно, плохо. Все время в воде – тут любая царапина разболится. Филину еще хуже: его шатает, побледнел как мел, руки трясутся – когда ж он сдохнет? Квазимодо было слишком плохо самому, чтобы радоваться паршивому состоянию напарника.

Ночью пришлось заступить на стражу. Квазимодо сидел у тусклого костра, опираясь мокрым лбом о древко копья. Филин давно уткнулся лицом в колени и временами мучительно стонал во сне. Вокруг стонало, вскрикивало и подвывало болото. В невидимых кронах деревьев что-то хрустело и ворочалось, сыпались ветви. Загорались голубые огоньки на воде, непрерывно всплывали и лопались, распространяя отвратительный запах, пузыри газа. Еще омерзительнее благоухали огромные белые цветы, раскрывшие свои лепестки с наступлением темноты. Зудели полчища насекомых.

Квазимодо с трудом заставлял себя дотянуться до охапки с таким трудом найденных сухих веток. Экономно подкладывал в огонь. Костер на мгновение оживал, бросал тени вокруг. Становились видны скорчившиеся на островках из нарубленных веток солдаты и носильщики. Костер на другой стороне лагеря в сыром душном тумане почти не был виден. Юный вор не различал сидящих там часовых. Остальные костры давно погасли. Лишь изредка красным глазом разгоралась чудом уцелевшая головня.

Иногда в темноте появлялись тени. Бледные и голубоватые рассеивались, не доплыв до костра, другие, более плотные, хлюпали по воде несколько шагов и, спустив штаны, присаживались на корточки. До Квазимодо долетали сдавленные проклятия – большая часть людей отряда продолжали мучиться животами.

С носа вора капал холодный пот. По спине снова пробежал озноб. Квазимодо чувствовал, что слабеет. Как тогда... В памяти навсегда остался ужас от слабости, от невозможности встать, ужас от мира, сдвинувшегося со своего места и кружащегося, потому что на него смотрит только один глаз. Лицо, превратившееся в мягкое бесформенное месиво. Квазимодо, тогда еще не вор, лежал в кустах позади заднего двора дядюшки Атира. Сил хватало только выползти к ручью и напиться. Иногда по течению плыли подгнившие фрукты или очистки овощей. Мальчишка пытался их жевать...

Квазимодо гнал воспоминания. Да, бывали времена похуже. Сейчас твой живот набит кашей. Баклага полна невкусной, но кипяченой водой. Устал, нога дергается и зудит почти невыносимо. Ничего – стоит выбраться из этих душных хлябей, и все пройдет. Полежать бы на теплом песочке, в тени, с кружечкой пива.

Вор вытер со лба пот, протер глаз. Что-то осторожно хлюпало, подбиралось к костру со стороны деревьев. Блеснула пара маленьких глаз. Квазимодо знал этих безобидных тварей, похожих на слишком сообразительных крыс с короткими забавными рыльцами. Вор нашарил под ногами мокрый сук, кинул в ту сторону. Хлюпнуло – глаза исчезли. Поднял голову свернувшийся рядом с Филином ныряльщик-фуа.

– Спи, – пробормотал Квазимодо. – Это я так, развлекаюсь. Скоро смена.

Вор проснулся от голосов. Пробивалось сквозь вечные испарения тухлой воды утреннее солнце. Шарф с головы съехал – искусанная щека раздулась и ныла. Еще сильнее свербела нога. Квазимодо сел, с трудом выпрямил затекшие от неудобного положения конечности.

Вокруг Филина столпились люди. Глири, двое десятников, «серый» и еще с десятка солдат.

– Не знаю, что это такое. Еще у трех носильщиков такая же напасть, – негромко говорил «серый».

– Делай что-нибудь. Если распространится, с вас спрошу, – прорычал Глири.

Квазимодо пролез рядом со здоровенным моряком, посмотрел. На своем плаще сидел Филин, держал перед собой разбинтованную руку. Царапина поджила, затянулась. Новая кожа даже не казалась воспаленной. Но рядом багровели несколько волдырей. Два из них лопнули. Кожа там подергивалась. На миг из отверстия в коже показалось что-то красное с черным отливом. Червь.

Квазимодо помертвел.

«Серый» сплюнул:

– Не знаю, как называется это дерьмо, но каленое железо должно справиться.

– Чего ждем? – зарычал Глири. – Костер горит. Начинайте.

Филин застонал.

– Заткнись! – рявкнул сотник. – Сейчас заразу выжгут, эвфитон тебе на горб – и вперед. Небось не девица нежная.

«Серый» вынул нож и нагнулся к костру.

Филин снова в ужасе застонал.

– Придержите его, – скомандовал Глири. – А все лишнее по местам, здесь вам не представление. Заняться нечем? Сейчас выходим.

Сотник живо растолкал бойцов. Досталось и маленькому ныряльщику. Кажется, фуа хотел что-то сказать.

– По местам, говорю, – заорал Глири. – И тебя, жаба, тоже касается. А вы лечите...

Квазимодо держал Филина за плечи. Еще двое бойцов удерживали руку больного. Филин дергался, сучил ногами и мычал как бык. Между зубов ему вложили деревяшку. Глаза солдата лезли на лоб. «Серый» полосовал плоть острием ножа. Лилась кровь с черными сгустками, мелькали части разрубленных червей. Один из паразитов, длиной с мизинец, шустро выскочил сам, извиваясь, упал в воду. «Серый» с проклятием отшатнулся. Квазимодо тошнило, но он смотрел. Знал, что нужно все разглядеть.

Потом шипела плоть. Сильно воняло горелым мясом. Филин вырубился, и вспотевшим солдатам сразу стало легче. «Серый» хорошенько прижег рану.

Филин, пошатываясь и тяжело опираясь на копьё, брел впереди. Из груза ему оставили только мешок и «плечи» орудия. Лафет теперь пришлось тащить Квазимодо и маленькому ныряльщику. Вообще-то ныряльщик оказался не таким уж хилым – на плечи он много взять не мог, но руки у него были цепкие. Свой край лафета он из пальцев ни разу не выпустил. Квазимодо против воли поглядывал на пальцы – длинные, с совсем не похожими на человеческие узкими когтями. Когда ладонь сжата, перепонки совсем не заметно. Как такой рукой можно ножи метать?

Наплевать – сейчас Квазимодо волновало совсем другое. Нет, не волновало – ужасало.

– Выживет? – прошептал фуа, кивая на шатающегося Филина.

– А я почему знаю?! – огрызнулся Квазимодо. – Я не лекарь. Хотя, чтоб такую гадость выжигать, не лекарем, а палачом нужно быть.

– Думаю, червей не выжжешь, – прошептал ныряльщик. – Червя чуть повредишь, кусочек в ране останется – новый червь вырастет.

– Вот дерьмо! А ты откуда знаешь?

– У нас рассказывают. Я любил про всяких зверей слушать.

– Зверей?! Да это срань всех богов, а не зверь. Хуже змея. – Квазимодо чуть не плакал. Нога свербела не переставая. Вор чувствовал шевеление под кожей. – Значит, огонь и нож не помогут? Нет от них спасения, да?

Ныряльщик посмотрел на одноглазого парня:

– Способ вроде есть. Не такой. Осторожный. Терпение нужно.

– Терпение? А что ж ты не сказал, когда Филина поджаривали?

Фуа пожал плечами, перехватил лафет другой рукой:

– Меня Глири прогнал. Да и кто лягушке поверит?

– Я бы поверил. – Квазимодо помолчал. – Поможешь мне?

– Постараюсь. Ты мне нож вернул. Он у меня еще из дома. У тебя нога, да?

– Нога. Угораздило же.

Квазимодо хотел сказать, что если ногу резать да прижигать, то лучше уж сразу ножом по горлу. На одной ноге далеко не уйдешь. Парень с переломанными во время боя со змеями ногами умер в первую же ночь. Квазимодо догадывался, что бедняге помогли легко уйти к предкам. Да и осуждать за такое не будешь. Кто потащит обезножившего на себе? Сил даже оружие и припасы нести не хватает. Вот черви ногу отъедят – сам попросишь, чтобы тебя прирезали.

Но обо всем этом ныряльщик наверняка догадывался. Он хоть и лягушка, но совсем не дурак.

На носильщиков напал какой-то ошалевший удавчик – совсем небольшой, шага в четыре длиной. Его быстренько зарубили солдаты. При ближайшем рассмотрении было решено, что добыча годна в пищу. На обед все получили по куску жареного мяса. Квазимодо торопливо ошипывал волокна. Змеюка оказалась нежной на вкус, но юному вору было не до обеда. Нога дергалась. Шевеление под кожей просто сводило с ума. Сглотнув непрожеванное мясо, Квазимодо поднялся. Нашел глазами ныряльщика. Фуа кивнул.

Они устроились в стороне от лагеря. Квазимодо сел на торчащий из воды трухлявый ствол, неудобно вывернул ногу. Рана была на правом бедре чуть выше колена – самому толком и не разглядеть. Пришлось снять сапог, повыше закатить драную штанину. Разувался парень первый раз за последние пять дней. Вид собственной мертвенно-бледной от постоянного пребывания в воде кожи не улучшил настроения.

«Мы все уже покойники, – подумал Квазимодо. – Но черви пусть едят меня только дохлого».

На икре возле бледной царапины темнел большой волдырь. Кожа возле него вдруг зашевелилась, вздулась. Квазимодо содрогнулся.

Фуа присел на корточки прямо в черную воду. В руках маленького ныряльщика была портняжная игла.

– Я ее прокалил на огне, – сказал фуа.

– Зря, была бы грязная – червячок бы напугался и сам вышел. Они, должно быть, ужасно брезгливые, эти малявки.

Ныряльщик посмотрел на одноглазого парня, понял, что тот шутит, и сам улыбнулся:

– Сами они не выходят. Им в теле хорошо.

– Мне тоже в теле хорошо, – пробормотал Квазимодо. – Только я предпочитаю баб и никогда не влезаю в них целиком. Начинай, иначе не успеем – Глири дальше погонит.

Фуа кивнул, разложил прямо на своем колене несколько шелковистых ниточек-травинки, короткую тонкую палочку и взял парня за ногу.

Шевелиться было нельзя. Квазимодо, замерев, смотрел. Раньше случалось частенько красть изящные женские украшения. Завитушки из паяной серебряной проволоки, крошечные камешки, оправленные в металл, – во многих городах умели делать ювелирные украшения. Но здесь работа предстояла куда тоньше – неощутимыми прикосновениями иглы фуа вскрыл волдырь. Дальше он уже одними ногтями умудрился подцепить кончик извивающегося червя. Очень бережно потянул, прижал к палочке, прихватил ниткой и стал медленно наматывать паразита на деревяшку.

Квазимодо невыносимо захотелось схватить, вырвать палочку, выдернуть мерзкого червя из своего тела. Нельзя. Вор всегда прислушивался к мнению знающих людей. Маленький ныряльщик хотя и не был человеком, но, по-видимому, знал, что и как делать.

Несколько витков красного тонкого тела паразита оказалось намотано на деревяшку. Дальше червь уперся – его тело опасно натянулось.

– Дальше нельзя – порвется, – сказал фуа.

– Понятно, приматывай, – пробормотал Квазимодо.

На бинт он порезал запасную рубашку. Ныряльщик аккуратно прибинтовал палочку вместе с червем к ноге молодого солдата.

На острове уже всюду разорался Глири, поднимая людей. Квазимодо и маленький ныряльщик торопливо пошли к своему грузу.

Хлюпала под сапогами вода. Здесь было мельче. Иногда под ногами оказывалось почти ровное, без привычного ила, дно. Впереди стучали топоры и клинки прорубавших тропу солдат.

– А он ничего держится, – сказал Квазимодо, кивая на шагающего впереди Филина. Тот шел намного ровнее, чем утром.

– Может, я ошибся, – прошептал фуа. – Может, прижигание помогает. Я этих червей никогда раньше не видел. Только сказки о них слышал.

– В сказках тоже бывает правда. Хотя и немного. Но мне твой способ лечения больше нравится. Разрезанный и подпаленный я бы далеко не ушел. Боюсь только палку с «гостем» зацепить. Ведь оборвется тогда зверек.

– Я хорошо примотал. Не волнуйся.

– Ага. Надеюсь, удержится, иначе придется ножом ковырять. Слушай, ныряльщик, а как тебя зовут?

Фуа коротко глянул:

– Все зовут Жабом. Или Лягушкой. Как кому нравится.

– Ну, все это слишком по-военному. Я не Глири, чтобы людей так именовать.

– Я – не человек, – тихо пробормотал фуа.

– Да я понял. Лапы у тебя непохожие. Хотя когда на нас сотник орет, он различия не делает. Значит – мы одинаковые. Так что нужно тебе имя приличное подобрать. А то ты Жаб, я – Ква-зимодо. С такими именами нам вовек из болота не выбраться.

Фуа улыбнулся:

– В болоте не так плохо. Я больше гор опасаясь. Я никогда далеко от воды не уходил.

– Я вообще-то в настоящих горах тоже не бывал. Но мои друзья как-то переходили через горы. Огромные – не чета здешним. Ничего – все живы остались. Кроме того, рассказывают, там москитов нету и прочих... мелких зверей.

Ночевать отряд остановился в сухом месте. Кругом росли колючие кусты, кроны деревьев плотно смыкались над головой, духота свинцом давила на виски, но зато можно было садиться прямо на землю, подстелив плащ, а не сгребая под себя все, что попадется под руку.

Костры развели как положено – треугольником. Квазимодо выпала первая стража. Фуа при свете костра занялся ногой товарища – паразит поддался еще на ширину ногтя и снова уперся.

– Завтра он не устоит, – заметил ныряльщик, забинтовывая ногу.

– Главное – чтобы он во мне семью не завел, – пробормотал вор. Он чувствовал себя гораздо спокойнее. Мерзкий червь перестал шевелиться и двигаться под кожей. Временами Квазимодо забывал о своем «жильце».

Заунывно вопила в ветвях какая-то птица. Квазимодо вынул из мешка пойманную под вечер черепаху.

– Посмотри, можно жрать или зря тащил? Мелкая, а тяжелая, мерзавка.

Черепаха ворочала когтистыми лапами и вытягивала острую, украшенную двумя парами рожек голову.

– У нас таких едят, – сообщил фуа, внимательно разглядывая черепаху сверху и снизу. – Считается очень вкусным.

Черепаху запекли в углях.

Квазимодо отщипывал мягкое мясо, измельчал ножом. Неторопливо посасывал за щекой. Болотная жительница действительно оказалась приятной на вкус. Жаль, что небольшая.

На запах подошел солдат, дежуривший у костра на другой стороне лагеря. Квазимодо быстро сунул остатки черепахи под хворост.

– Что это вы здесь жрете? – жалобно поинтересовался собрат по ночной страже.

– Кусочек давешней змеюки разогрели. Да уже сжевали весь.

– А я ничего не оставил. Живот крутит – то ли от воды местной, то ли от голода.

– На ночь всегда жратву оставлять нужно, – сочувственно закивал Квазимодо. – Ты иди, иди на место. Неровен час Глири проснется. Любит он по почкам «постучать» тому, кто пост оставил.

Часовой ушел. Квазимодо достал остатки деликатеса.

– Нужно было поделиться, – нерешительно прошептал фуа.

– Ага. Добрый ты. Что-то я не заметил, чтобы с тобой кто-нибудь делился.

– Я – лягушка.

– А я – урод. Что я им предлагать буду? Еще побрезгуют. Кстати, что это ты – «я лягушка, я лягушка». Гордишься, что ли? Лягушки дома сидят, а мы премся куда ни попада.

– Меня старейшины отдали Флоту. За железо и стекло.

– Продали, что ли?

– Обменяли. Деньги фуа не нужны.

Квазимодо покачал головой:

– Видать, у вас не лучше, чем у людей.

– У нас лучше, – запротестовал ныряльщик. – У нас не бьют, когда чего-то не понял или не успеваешь. У нас спокойнее.

– Угу. Уж куда спокойнее – за железо своих отдавать. У нас в Глоре продают, если долги отдать не можешь. Тогда и на тебя, и на жену с детьми ошейник запросто надеть могут. А если денежки водятся – ты человек свободный и уважаемый. Так что получается, деньги – вещь полезная. Зря вы их у себя не завели. Или тебя за дело на Флот упекли? Задолжал кому или на чужую бабу залез?

– Я последний сын в семье. Лодки мне не достанется, да и дом никто строить не поможет. Кого отдавать, если не меня?

– Мне бы не понравилось, если бы меня на сторону сплавляли, не спрашивая, – пробурчал Квазимодо. – Ты же там не один такой, младший? Собрались бы, потрясли маленько папаш да старших братьев. Там, глядишь, и лодка бы появилась, и бабы гладкие.

– Фуа не воюют между собой. Не принято.

– Любите вы законы. И как только живы до сих пор? А что ты со своим товарищем не очень дружишь? Вы ведь оба... лягушки?

Ныряльщик помолчал и неохотно объяснил:

– Чужой. С другого острова.

– Понятно. Не ладите, видать, островами. И частенько резня начинается?

– Мы не убиваем друг друга, – запротестовал фуа. – Лодки разбивают, сети режут. До смертей редко доходит. Просто они – чужие.

– Мудро. Чужие-то вы чужие, а старейшины у вас одинаково соображают. Напарника небось тоже обменяли на ерунду какую? Как же вы нырять будете, если слово друг другу противно сказать?

– Дело есть дело, – пошептал ныряльщик. – Что прикажут – сделаем.

Застонал и быстро-быстро заговорил во сне Филин.

– Что-то ему хуже стало, – озабоченно сказал Квазимодо. – Или это его москиты достали?

– Здесь москитов меньше, – заметил фуа.

– Тебе-то что. – Вор почесал искусанную шею и с завистью посмотрел на спокойно сидящего ныряльщика. Грязная безрукавка оставляла обнаженными худые руки с гладкой коричневатой кожей. – Тебя почему твари не кусают?

– Кусают, но мало. Я на них зла не держу. И они ко мне спокойны.

– Это что, вроде как договор заключаешь? – поинтересовался вор.

– Нет. Просто мы миримся с существованием друг друга.

– Понятно. Ты философ.

– Не знаю, кто это. Со зверьми можно договориться. Они не глупые.

– Я знал одного мужика, он здорово с лошадьми умел договариваться. Но животные тоже разные бывают. У меня вот был мул – так эта скотина еще тупее Глири была.

Ныряльщик ухмыльнулся:

– Тупее Глири быть невозможно. А что такое – мул?

– Ты что, мулов никогда не видел? – удивился Квазимодо.

– На островах их нет. Я лошадей и собак в первый раз на Скара увидел.

– Мул – это когда осел на лошадь залазит. Рождаются у них скотина. С виду вроде ничего, сильная и выносливая. Вот только если что-то в башку втемяшится – дубиной не выбьешь.

– Интересно посмотреть. У меня была рыба – умела мидии находить. Таких больших раковин, как я, никто в деревне не доставал. Похлопает по воде – она ко мне поднимается. Я ее Орехом называл. Уж очень толченые орехи любила.

– Сроду о дрессированных рыбах не слыхал. Слушай, а вот, к примеру, с тем змеем ты не мог договориться? Чтобы он нас не жрал? Имело ведь смысл обсудить ситуацию? А так и он сдох, и мы все обделались.

– Черепаха с нами тоже была не прочь договориться, – улыбаясь, заметил фуа. – Только когда желудок пуст – не до разговоров. Змей хотел пищу.

– Я тоже так понял, – согласился Квазимодо. – Всегда или ты жрать хочешь, или тебя хотят.

– Не всегда. – Фуа поднял тонкий палец. Ночная бабочка, порхающая вокруг костра, сделала пируэт вокруг головы ныряльщика и осторожно села на палец. Бархатные крылья размером с ладонь трепетно вздрагивали.

– Интересный фокус, – пробормотал вор. – Только бесполезный.

– Бесполезный, – согласился фуа. – Я ведь не колдун. Уметь стрелять из арбалета, как ты, гораздо нужнее.

– При случае я тебя научу, – пообещал Квазимодо. – А сейчас ложись-ка спать, утром нам опять этот проклятый эвфитон тащить. Филин быстро вряд ли оклемается.

* * *

День выдался мучительным. Несмотря на то, что под ногами стало значительно суше, движение отряда замедлилось. Теперь приходилось прорубаться сквозь сплошные заросли. Квазимодо вдоволь намахался кукри. Руку ломило. Шедшие впереди солдаты менялись все чаще. В густом переплетении кустов и лиан дышать было совершенно нечем. Как ни экономил вор воду – обе баклаги кончились уже к середине дня. Облизывая пересохшие губы, вор волок себя, выюк и лафет, за который цеплялся измученный фуа. На ныряльщика пришлось повесить дуги орудия, и этот вес чуть не валил беднягу с ног. Филин едва стоял на ногах. Он непрерывно что-то бормотал, пот лил с него ручьем. Копье солдат где-то оставил и лишь прижимал к себе замотанную руку. Кисть посинела и распухла.

Днем исчез один из носильщиков. Коротко вскрикнул, захрустели заросли. На листве не осталось даже следов крови.

Обеденный привал показался чудом. Квазимодо есть сухую кашу не стал. По приказу Глири сделали котел с отваром. На этот раз все жадно пили нестерпимо горькую жидкость. Вор заставил себя не падать на землю. Перешагивая через лежащих вповалку людей, вскипятил котелок с водой, процедил сквозь ткань еще раз. Обжигаясь, перелил в баклаги. Посидеть, вытянув ноги, почти не удалось. Заорал сотник. Еще двое «желтков» не смогли встать после обеденного привала.

Снова колючие заросли. Солдаты все громче проклинали проводника. Сплошная непроглядная чаща со всех сторон. Среди этих спутанных лиан не бывал никто крупнее змей и крыс.

– Спокойнее, спокойнее, – бормотал Квазимодо. – Больше полощи рот...

Маленький ныряльщик пил с такой жадностью, что что-то щелкало и клало в тонком горле.

– Хватит! Подняли...

Фуа покорно ухватился за лафет, и пара товарищей снова двинулась по узкой прорубленной тропе. Вор держал в свободной руке кукри и с ненавистью отмахивался от пытающихся зацепить лицо колючих веток. Царапины они на коже оставляли крайне болезненные. Впереди и позади сопели потные измученные солдаты и носильщики. «Желткам», несущим не слишком тяжелые, но громоздкие части лодок, приходилось еще тяжелее. Квазимодо с тревогой думал

о своих носильщиках. В обед он их «подкормил», но оба выглядели паршиво. К тому же запас волшебного нутта подходил к концу.

Движение вновь застопорилось. Один из «желтков» присел по нужде прямо на тропе. Его проклинали в несколько десятков голосов, но делать было нечего. Сойти с прорубленной тропы было некуда, а желудки бунтовали у всех, включая сотника.

– Немного осталось, – просипел фуа. Руки у него тряслись от слабости, но повязку он старался накладывать по-прежнему ровно.

– Ради всех богов, не будем торопиться, – пробормотал Квазимодо. Он в изнеможении сидел на земле. Привычно зудели москиты. Темнота уже давно спустилась под полог зарослей, лишь в редких прорывах в листве еще светилось вечернее небо.

Палочка с червем оказалась прибинтована к ноге. Вор с трудом встал, помог подняться на ноги товарищу:

– Пойдем ужинать...

Филин лежал на земле. Повязку с его руки срезали. Черная, густо усыпанная волдырями плоть выглядела ужасно.

– Пусть кто-нибудь возьмет топор, – скомандовал Глири.

Топор взял «серый».

Квазимодо наблюдал, хлебая из котелка жидкое варево.

Свистнула сталь, раздался короткий удар. От боли Филин пришел в себя. Люди кривились от его нечеловеческого вопля. Когда начали замазывать обрубок смолой, несчастный солдат снова потерял сознание.

«Флоту не хватает колдунов. Колдунов и лекарей», – подумал Квазимодо, собираясь заставить себя встать и помыть котелок.

* * *

Филин умер ночью.

Квазимодо был в печали – теперь им с ныряльщиком придется тащить проклятый эвфитон до конца жизни. Не по-товарищески поступил Филин. Впрочем, он и при жизни был засранцем.

– По крайней мере ему не будет одиноко, – пробормотал вор, кивая на оставляемую отрядом поляну. Возле погасшего кострища рядом с телом Филина лежали трое умерших «желтков».

– Зачем ты лазил в его мешок? – прошептал фуа.

– Так положено. Должен же я взять что-нибудь на память? Все-таки он был моим первым номером. А вещи ему теперь без надобности. Ты же видел – их все поделили.

Вещи покойного действительно поделили солдаты. Но Квазимодо заглянул в мешок намного раньше.

От паразита Квазимодо избавился перед обедом. Ныряльщик с интересом разглядывал вяло извивающегося на палочке червя.

– Не вздумай его приручать, – предупредил вор. – Лучше уж найдем тебе мула.

– Можно было тянуть быстрее. Он крепкий, – задумчиво сказал фуа.

Квазимодо передернуло:

– Никогда не буду ловить рыбу на червя. Даже безмозглая макрель такого не заслуживает.

– Ты ловил макрель? – удивился ныряльщик.

– Ну да, в детстве. Тогда я любил баловаться всякой ерундой...

Темно-зеленные склоны горного хребта солдаты увидели на следующий день.

Глава 3

Сколько хватал глаз, простиралось зеленое, местами сияющее проблесками воды, пространство. Отсюда жига болота совсем не казалась черной. Даже и не подумаешь, что там дышать нечем. Туман испарений сверху выглядел легкой дымкой.

«Да, много мы прошагали», – с непонятным самому себе удовлетворением подумал Квазимодо.

Вор сидел на краю утеса, свесив ноги, и наслаждался отдыхом. Рядом присел на корточки фуа-ныряльщик. После смерти Филина стало уже совсем непонятно – то ли Квазимодо выполняет должность охранника при маленьком пловце, то ли сам фуа прочно занял должность второго номера расчета эвфитона. По крайней мере пловец исправно волок части орудия и вообще помогал чем мог. Квазимодо был искренне благодарен, хотя и по-прежнему считал фуа дурачком – зачем тащить то, что тебе конкретно не поручали, когда можно двигаться налегке?

Ладно, ныряльщик был неплохим парнем.

Квазимодо, прикрыв глаз ладонью, посмотрел на солнце:

– Жарко сегодня будет. Хорошо, что идти никуда не надо. Вот Глири-то расщедрился.

– Носильщики на ногах не стоят. Да и куда идти? – прошептал фуа, стараясь разглядеть стаю птиц, кружащуюся над бесконечным пространством болота.

Когда отряд пробился сквозь тростниковые заросли на границе болота и поднялся на первые скалистые уступы, выяснилось, что пути дальше нет. Перед людьми высились скалы, заросшие густыми кустами и цепкими деревьями. Нельзя сказать, что препятствие казалось непреодолимым – ловкий человек был вполне способен, цепляясь за лианы, подняться на ближайшую вершину. Разведчик, посланный сотником, так и сделал. Над скалой шла терраса, дальше начинался еще один подъем, за ним еще и еще. Измученным, отягощенным грузом людям преодолеть такую гигантскую лестницу было явно не по силам. В отряде осталось двадцать восемь бойцов (не считая самого сотника) и три десятка полудохлых «желтков». Еще двое пловцов-лягушек, но их Квазимодо не знал, к какой части отряда приплюсовать – вроде и не «желтки» безмозглые, но и воины из ныряльщиков так себе.

Вор глянул на площадку среди скал – носильщики валялись как попало. У многих только и сил хватило, чтобы сожрать кашу на завтрак. Ночью умер еще один доходяга. Глири едва смог заставить «желтков» подняться и скинуть тело вниз.

– Да, неважные у нас несуну. Сколько их дойдет? Ну, мы-то с тобой неплохо себя чувствуем, а? Денек поваляемся – и вперед. Еще бы этот проклятый эвфитон где-нибудь потерять, и я бы до края мира прогулялся. Тебе не интересно, что там – у края? Что молчишь? – Квазимодо хлопнул фуа по плечу.

Ныряльщик покачнулся и укоризненно посмотрел на товарища.

– Извини, – легко сказал вор. – Все забываю, что не любишь, когда тебя касаются. Это я от радости, что мы из болота выбрались.

– Я понимаю. Но до края мира дойти нельзя. Мир кончается в океане.

– Про край мира – это я просто так ляпнул. Что там делать, на краю-то? Мне когда-то рассказывали, что земля вообще круглая.

– Круглая, – согласился маленький ныряльщик, – и омывается океаном.

– Не, не так, говорили – совсем круглая, как яблоко или яйцо.

Фуа посмотрел с недоумением:

– Землю бы тогда океан крутил-вертел, и нас бы смывало все время. Земля не плавает – дно под водой всегда бывает.

Квазимодо в затруднении почесал затылок:

– Я не помню. Леди Катрин что-то говорила про верчение. Мне тогда не до этого было. А вообще – океан тоже неплохо. Я бы вымылся наконец.

Маленький ручей, текший по скалам, возможности отмыться как следует не давал. Одежда по-прежнему хрустела от засохшей грязи, черный ил намертво въелся в кожу.

– Я бы рыбы поел, – вздохнул фуа. – И я не плавал уже много дней.

– Наплаваешься еще, – утешил Квазимодо. – Не зря же Глири вас за собой тащит. Послушай, а правду говорят, что вы уж очень баб человеческих любите? Как увидите, как какая купается, так и не можете устоять?

Фуа посмотрел с изумлением:

– Ты что говоришь? Человечьи бабы здоровенные как гринды.¹⁹ Как, по-твоему, я на них забираться должен?

– Мне рост не мешает, – не без гордости сообщил Квазимодо. – Не в росте дело. А про вас говаривают, что вы прямо в воде все проворачиваете, да так лихо – бабенка и пискнуть не успевает.

Ныряльщик посмотрел с отвращением и постучал себя костяшками пальцев по лбу:

– Ква, ты бываешь тупой, как все люди. Ни один из фуа и близко не подойдет к вашим человеческим женщинам. Все равно что с коровой соединяться.

– Ой-ой, какие утонченные! У нас знаешь какие шикарные женщины бывают? Ты сначала попробуй, а потом брезговать будешь. Дойдем до обжитых мест – возьмем тебе приличную шлюшку. За мой счет.

– Да иди ты в жо... – возмутился ныряльщик.

Квазимодо ухмыльнулся:

– Растешь, лягушка. Ты мне еще в глаз пригрозил дать.

– В глаз не умею, – хмуро прошептал фуа.

– Пока дойдем – научишься. И морду бить, и глотки людям резать, и в борделе сразу двух девок требовать.

– Я не хочу глотки резать.

– Мало ли – «не хочу». Дело нужное...

Квазимодо хотел развить сию мудрую мысль, но из лагеря донесся рев сотника:

– Полумордый, твою мать! Ко мне, живо...

– ...Господин сотник, мне же нужно эвфитоном заниматься. Сушить, чистить...

– Вернешься – сделаешь. А сейчас заткни пасть свою кривую и поживее отправляйтесь, – посоветовал отец-командир.

Идти в разведку Квазимодо жутко не хотелось, и он рискнул сделать еще одну попытку отвертеться:

– Господин сотник, да я же сроду в разведку не ходил. Что я там разгляжу одним-то глазом?

От кулака командирского Квазимодо увернулся и отскочил в сторону.

– Мне долго тебя просить? – поинтересовался Глири, берясь за плетень, торчащую за поясом.

– Сейчас копьё возьму и бегу, – поспешно сказал одноглазый парень.

Вооружаясь, Квазимодо подумал, что еще легко отделался. Начальству возражать было глупо. В другое время сотник не успокоился бы, пока не достал кулаком или плетью. Видать, и Глири проклятое болото вымотало.

¹⁹ Гринды – шароголовые дельфины.

Товарищи по несчастью поджидали Квазимодо у края скалы. На разведку вместе с вором были отряжены двое: здоровенный солдат по кличке Бубен и Уэн с «Гордости Глора». Моряка Квазимодо немного знал еще по стоянке у Птичьих островов.

– Долго тебя ждать? – окрысился Бубен. – Дадут на дело мозгляка, да еще жди его. Лезь давай, пока в репу не получил.

Квазимодо молча сунул свое копьё Уэну, посмотрел на лианы и принялся обматывать ладони предусмотрительно захваченными тряпками.

– Что, тяжелее своего писюна ничего в руки не брал? – осведомился Бубен.

Квазимодо, по-прежнему не говоря ни слова, поправил висящий за спиной арбалет, уцепился за лиану и принялся карабкаться наверх. Несмотря на тряпки, колючки норовили впиться в кожу. Вор давным-давно собирался добыть перчатки, такие, как когда-то были у леди Катрин, да все не попадалась подходящая пара. Двигался парень легко, рукам уцепиться было за что, вот только наверху пришлось трудновато. Ерзая по камням животом, вор, заполз на площадку. В сердцах выругался – случайная колючка поцарапала искалеченную щеку, а на ней всегда все плохо заживало. Квазимодо сел, сбросил вниз веревку. Пока там привязывали оружие, парень разглядывал лагерь. По-прежнему валялись на земле «желтки», да и большинство солдат предпочитали возлечь на плащах. Отсюда сонное царство виделось как на ладони. Вот если заберутся сюда, на уступ, несколько ловких чужих парней с луками или арбалетами – в два счета половину отряда перещелкают. Квазимодо даже нервно огляделся – нет, тишина, только птицы в зарослях щебечут.

Внизу дернули веревку. Поднимая связку оружия, парень снова оглядел лагерь. Сволочи они все ленивые. Только ныряльщик сидел у обрыва и издали смотрел на ковыряющегося с веревкой Квазимодо. О чем-то разговаривал Глири с проводником. Дымил костерок.

Квазимодо обозлился: вообще-то это обязанности проводника – разыскивать всякие тайные тропы. Заблудился, скотина, и сидит, обеда дожидается как в ни в чем не бывало.

На карниз забрался Уэн, за ним с пытением и ругательством лез крупный Бубен. Ему помогли встать, и благодарный солдат тут же принялся обзывать:

– Ты что, Полумордый, не мог здесь колючки срубить? Все руки из-за тебя раскровил.

Квазимодо молча шагнул к нему, схватил за грудки и толкнул к обрыву. Не ожидавший такого солдат пошатнулся, машинально уцепился за плечи вора:

– Ты что, сдурел?!

– Сейчас пихну, и забудешь о своих руках, кривых, покарябанных, – прошипел Квазимодо.

– Вмести свалимся, дурень!

– Так я на тебя упаду. Ты мягкий. А я рискованные штуки люблю. – Одноглазый парень снизу вверх смотрел на солдата и медленно толкал к краю.

– Он может, – подтвердил Уэн. – На «Эридане» про него много чего рассказывают.

Бубен крикнул и отпустил плечи одноглазого:

– Ладно вам. Я же так, в шутку. Хреново, что нас послали искать. Остальные вон валяются. Ты что, Ква, шутки разучился понимать?

– Так я тоже шутил. – Вор отпустил Бубна, хлопнул по плечу. – Я мелкий, уродливый. Мне только шутить и остается. Пошли, что ли?

Скальные уступы уводили к востоку. Разведчики вспотели. Приходилось все время задирать головы, оценивать расщелины и карнизы. Частенько бойцы продирались сквозь заросли. Колючки оставляли на рубашках мелкие, точно проеденные гнусом дырочки.

– Нет здесь никаких троп, – в сердцах заявил Уэн.

– Точно. Что-то крутит этот проводник, – согласился Бубен, снимая колпак и протирая блестящую лысину. – Подозрительный тип. Давно пора бы ему с каленым железом познакомиться.

– Его сам лорд-командор послал. Всякое бывает, видать, и проводник заблудился. – Уэн вздохнул. – Жрать уже хочется.

Квазимодо молчал. Есть действительно хотелось. Завтрак опять был крошечный, и курица не наестся. Внизу тянулось бесконечное болото. При мысли, что придется туда возвращаться, брала оторопь. Нужно искать проход.

Разведчики двинулись дальше. Вскоре попало что-то вроде каменной щели, уводящей вверх. Квазимодо, обламывая пышные шафрановые, пахнущие прокисшим пивом цветы, протиснулся сквозь узость и оказался на следующем «этаже». Здесь было просторнее, тянулась зеленая поляна, жужжали насекомые. За вором взобрались два других разведчика.

– Вообще здесь можно пройти, – сообщил Бубен, замазывая слюной ободранный локоть. – Лодки и все остальное на веревках переправить, и дело с концом.

– А дальше-то что? Вдруг там стена отвесная.

– Передохнем – проверим.

Солдаты уселись на горячие камни. Квазимодо, не любящий расслаиваться просто так, подошел к кустам. На ветвях висели крошечные бледно-розовые плоды. Парень понюхал, попробовал – на вкус похоже на недоваренные абрикосы. Только совсем не сладкие. Видать, не созрели. Зато жажду утоляют. Увидев, что одноглазый что-то жует, подошли товарищи.

– Как бы нам не обделаться, – сказал Уэн, пробуя ягоду.

– Больше, чем мы гадим, уже ни у кого не получится, – успокоил Бубен, набирая ягоды в горсть.

Квазимодо тоже набрал горсть и, зажав под мышкой копьё, присел на ровное местечко. Сидеть было удобно. Парень, жуя ягоды, повертел ногой. Сапог зиял щелью – нужно срочно чинить. Вор задумчиво пошаркал подошвой по траве. За спиной чавкали товарищи.

– Слышь, герои Глора, а мы случайно не на дорогу вышли?

Дорога не дорога, а ровная площадка среди скал действительно оказалась вымощена каменными плитами. Правда, с тех пор миновало немало веков – плиты занесло землей, трава густо заполонила открытое пространство.

Бубен топал сапогом и удивлялся:

– Это ж надо столько сил потратить? И на хрена они это делали?

– Может, желали с удобством болотом любоваться? – предположил Квазимодо. – Сядут тут с пивком и наслаждаются видом.

– Что-то это любование их до добра не довело. Вымерли все, – сказал Уэн. – Где-то здесь проход должен быть, не с неба же они эти плиты спускали?

– А может, это... того? Божественное? – осторожно предположил Бубен.

– Может. Только нам боги не нужны. Нас дорогу искать послали. Пошли проход смотреть, – сказал Уэн. – Дело уже к вечеру поворачивает.

Проход нашелся, но сквозь него пришлось прорубаться – кусты стояли сплошной стеной. Разведчики очутились на широкой прогалине, дальше ветвились каменистые лощины и торчали зубья невысоких скал. Солнце освещало плоские вершины хребта.

– Да мы здесь как по улице пройдем, – восхитился Бубен.

В кустах справа что-то громко зашуршало. Черное существо выскочило из зарослей и с топотом кинулось в каменистую ложбину. Стоящий справа Бубен не успел даже вскинуть копьё. Квазимодо и Уэн принялись торопливо заряжать арбалеты.

– Что это было? – пробормотал Уэн.

– Человек, кажется, – неуверенно сказал Бубен.

– Если он в ложбину побежал, то сверху его заметим, – предположил Квазимодо.

Разведчики поспешно полезли наверх. Успели заметить, как что-то непонятное промчалось по дну ложбины и исчезло за скалой.

– Какой человек? – Уэн выругался. – Ты, Бубен, совсем ослеп? Козу или барана от человека отличить не можешь?

– Так он... оно – на двух ногах двигалось.

– Как же – вон как несло. Люди так не бегают. А ты, Ква, что разглядел?

– Что я одним глазом разгляжу, когда вы двумя не справляетесь? Но если это и вправду баран, то неплохо бы его завалить. Может, он далеко не убежал? Перейдем на соседнюю скалу, посмотрим?

Разведчики спустились в прогалину. Здесь в изобилии валялся козий помет. Уэн победно посмотрел на товарищей:

– Я говорил – коза.

Квазимодо в рогатой природе удравшего существа не был так уж уверен – уж очень оно странно двигалось.

Солдаты осторожно забрались на склон, выглянули за гребень. Дальше лежала узкая, кое-где заросшая кустами долина. Присмотреться разведчики не успели – снова черное живое пятно метнулось и исчезло за скалой.

Солдаты переглянулись – рассмотреть никто толком не успел.

– Странная коза, – сказал Бубен. – Скорость как у бешеного зайца. И, по-моему, она нас заманивает.

– Если мы расскажем – засмеют, – пробормотал Уэн. – Коза заманивает. Нас трое, при оружии. А она – коза не коза, но с пустыми лапами. Или – с копытами?

– Залезем на ту скалу. Если опять начнет уводить – не пойдем. Хрен с ней, пусть бежит, – предложил осторожный Квазимодо.

Разведчики, стараясь двигаться неслышно, пересекли впадину, полезли на скалу. Двигаться с копьем и взведенным арбалетом в руках было неудобно. Квазимодо, стараясь не поднимать головы, выглянул за гребень. Рядом возбужденно сопели соратники по охоте.

Округлая небольшая впадина оказалась пуста.

– Ушел. В смысле – ушло, – с некоторым облегчением прошептал Квазимодо.

– Хм... странно, – задумчиво сказал Бубен, – отсюда деваться вроде некуда.

Действительно, впадину окружали крутые, почти отвесные склоны.

– Прыткая коза. Может, у нее с собой веревка была? – ухмыльнулся Уэн.

– А там что такое светленькое темнеется? – прошептал Квазимодо. У одного из склонов солнечная тень лежала чересчур плотно.

– Пещера или яма. – Уэн потер заслезившиеся глаза. – Ну у тебя и глаз. Получше наших четырех.

– Не нужно лести, друзья, – прочувствованно прошептал Квазимодо. – Просто отдайте мне козью ляжку. Надеюсь, она нежненькая.

* * *

Разведчики легкой рысью обогнули скалу и вошли в ложбину.

– Осторожно, она может и рогом поддать, – предупредил Бубен.

– Ты что, на горных коз охотился? – насмешливо поинтересовался Уэн.

– Где ты в море видел горных коз? Но у моего деда были нормальные козы.

– Все забываю, что ты с Сухого мыса, – захрюкал Уэн. – Козопас...

– Тише вы, – шикнул Квазимодо, – вспугнете. Эта коза что, все время здесь сидит? Смотрите, все загадила.

Действительно, на голой истоптанной земле виднелись многочисленные следы козьего пребывания.

– Может, тоже брюхом страдает? – захихикал Уэн. – Бубен, что в таких случаях делал твой дед?

Охотники подошли к углублению под скалой.

– Пещера, и, похоже, глубокая, – удивился Бубен.

Квазимодо ненавязчиво встал позади товарищей. Происходящее перестало ему нравиться. Из низкого входа в пещеру густо несло зверем. Козы, конечно, животные пахучие, но... Вспомнился смрад болотного змея. Здесь аромат был другим, но все равно – лучше внутрь не соваться.

– Огня у нас нет. Кто знает, какая она большая, эта дыра? Пойдемте лучше. Доложим Глири о дороге, там уже и ужин сготовят. Сотник ждет, – рассудительно напомнил одноглазый парень.

– Ты что, боишься? Козу завалить много времени не нужно. – Уэн наклонился к дыре. – Мы внутрь не полезем. Не может эта щель большой быть. Я выстрелю, напугаю, а вы уж не зевайте.

Квазимодо хотел сказать, что незачем тратить болт – все равно не попадешь, но Уэн уже сунул арбалет в темный проход и нажал спуск.

Результат превзошел все ожидания. Коза выскочила. Только не одна. Их было несколько десятков: коз, баранов, еще каких-то мохнатых вонючих тварей. Точнее одноглазый вор ничего сказать не мог, потому что оказался моментально сшиблен на усыпанную пометом землю. Два других солдата тоже оказались сметены с ног. Копыта перепуганных животных больно наступали на живот и ноги, вор отчаянно пытался прикрыть арбалет. Большой облезлый баран на ходу боднул, да так, что у Квазимодо зазвенело в голове. Животные почему-то бежали в полном молчании. Только поравнявшись с выходом из лощины, стадо разом заблеяло и замемекало.

Первым пришел в себя и сел ошеломленный Уэн. Стряхнул с живота катышки помета, раскрыл рот, чтобы что-то сказать...

Из пещеры метнулось высокое непонятное существо, врезало солдату короткой дубинкой по макушке и кинулось удирать. Квазимодо хотел выстрелить, но даже развернуться не успел. Мелькнули обросшие длинной шерстью козлиные ляжки, круто выгнутые рога на голове. Но вор никогда не видел, чтобы козлы бегали на двух ногах, да еще так прытко. Простучали копыта, поднялось облачко пыли, и все затихло.

Бубен, кряхтя, поднялся на колени:

– Ну и сглупили мы все.

Квазимодо с этой мыслью был совершенно согласен. Он бы даже выразился резче, если бы так не гудела голова. Тот облезлый баран оказался не только проворнее, но и явно твердолобее.

– Попробовали козлятинки. – Бубен подобрал копье. – Вот уж нежное мясо так нежное.

Шутки шутками, а Уэн не шевелился. При осмотре товарищи установили, что солдат дышит, но оглушен. На голове вздулась огромная шишка.

– Если бы не колпак – считай, к предкам отправился, – прокомментировал Бубен.

Квазимодо открыл баклагу, скупой полил воды на лицо недвижимого солдата. Уэн застонал:

– Что это было?

– Тебе лучше не знать. Потом расскажем, – заверил Квазимодо.

– Да уж, лучше потом, – согласился Бубен. – Подъем мы нашли. Двигаем к лагерю, пока темнеть не начало...

Уэна пришлось вести под руки, у солдата сильно кружилась голова. Разведчики поплелись к выходу из лощины. Бубен ругался:

– Столько времени потеряли. И хоть бы козленка какого подшибли. А этот, лохматый, чистая обезьяна. Неужели – баггерн?²⁰ Вот уж не думал, что они в такую глушь забираются. Как же мы так опозорились? Нужно было хоть барашка у этой хари вредной отбить.

– Как бы нас самих не отбили, – прошептал Квазимодо.

Бубен глянул вперед и немедленно заткнулся.

На скалах слева от прохода стояло несколько фигур с оружием. Коренастые сутулые фигуры, на коротких копьях качались меховые украшения.

– Орки, – прошептал Бубен. – Конец нам. Не справимся.

Вор и сам узнал знаменитое горное племя. В детстве как-то видел одного, привозили в клетке на ярмарку в Глоре. Выглядел тот пленник страшновато – вполне соответствующе кровожадной славе орочьего племени.

– Может, к пещере отступим? – прошептал Бубен. – Защита все-таки.

– А толку что? Сколько мы в той мышеловке просидим? Глири нас вовек не найдет. Если вообще искать станет.

Прорваться шансов практически не имелось. Уэн едва на ногах стоит и ничего не сообщает. Можно бросить его и попытаться удрать? Да только куда удерешь? Орки здесь хозяйева. Только повеселятся, загоняя. Говорят, что они с пленников шкуру живьем сдирают. Очень может быть. Сам Квазимодо, если бы его собирались в клетку сажать, с кого угодно бы шкуру содрал. Арбалет, все еще взведенный, вор держал в руке. Можно попробовать завалить одного из местных. А потом что?

Быстренько прокрутив в голове возможные варианты, вор остановился, снял со своей шеи безвольную руку Уэна, сунул свое копьё в руку Бубну.

– Ты что это? – испуганно прошептал солдат.

– Пойду поговорю с ними. Может, что-нибудь выйдет.

– Да ты что?! Они же с людьми не разговаривают. Сразу стрелу всадят.

– Что так, что эдак. Может, договоримся. Если что, бегите к пещере.

Квазимодо неторопливо шагал вперед. От вытоптанной земли шел жар, козий помет клеился к разбитым подошвам сапог. Орки недвижно торчали на скале. То, что они не прятались и не стреляли, несколько приободрило Квазимодо. Может, желают поболтать, прежде чем шкуру драть?

Орков оказалось шестеро. Морды даже жутче, чем помнилось с детства, – раскосые глаза, широкие безгубые рты, из них по-кабаны торчат желтые клыки. Красавцы. Между прочим, на тебя самого похожи.

Квазимодо поклонился. Давненько не приходилось. На флоте поклоны не в чести. Ну, сейчас случай особый – от перегиба у тебя голова не отвалится.

– Привет вам, хозяева. Извините, что без приглашения пожаловали. Позвольте представиться: десятник Квазимодо, с личного дромона «Эридан» его величества светлости милорда командора Найти.

Квазимодо высыпал все титулы, которые помнились. Вообще-то величеством и светлостью никто командующего группой «Юг» не называл, но какие могут быть переговоры без некоторого преувеличения?

²⁰ Баггерн (баггейн) – в фольклоре жителей острова Мэн злокозненный оборотень. Может принимать как человеческий облик, так и облик домашних животных.

Орки молчали. Квазимодо стало тоскливо – он терпеть не мог вести дела с молчунами. Может, все-таки выстрелить? Пока они луки натянут, можно прыгнуть под скалу. Там они стрелами сверху не достанут. Можно будет еще напоследок кукри помахать. Вор уже собирался вскинуть арбалет, слава богам, хитрая машинка надежно удерживала болт в готовности на желобе.

Заговорил один из орков:

– Зачем пришли?

Квазимодо возрадовался. Разговаривать умеют, предводитель определился. Можно побарахтаться.

– Заблудились мы, – с хорошо отмеренным мужественным смущением сказал вор. – Идем на ту сторону хребта, да запутались в этих скалах. Мы люди морские – там, на воде, все плоско, понятно.

– Откуда пришли? – холодно спросил орк.

Квазимодо ткнул рукой в сторону юга и невидимого отсюда болота:

– Да через хляби пришлось перебираться. Тяжелый путь.

– Мало кто ходит той дорогой, – кажется, с некоторым интересом проронил предводитель орков.

– Еще бы. Думали – не пройдем. Одни змеи чего стоят. – Квазимодо раскинул руки, не выпуская арбалет. – Вот такой толщины, поверить трудно.

– Вы их правда видели? – живо спросил молодой орк-лучник и тут же получил справедливую оплеуху от старшего товарища.

Квазимодо вежливо сделал вид, что не заметил воспитательной меры:

– Мы двоих змеев забили. Они на нас как-то под вечер напали. Бесшумные, сволочи, невзирая на величину. Едва отбились. Шестерых человек потеряли. Жуткое сражение. Если бы не приказ лорда Найти, никогда бы в эту трясику не полезли. Но с приказами у нас строго: прикажут – куда угодно пойдем.

– На нашего пастуха тоже ваш лорд напасть приказал? – без выражения спросил орк.

– Мы? Напасть? – практически искренне изумился Квазимодо. – Да мы его заметили, хотели дорогу спросить, да барана купить. Слова сказать не успели, стадо как ломанется. Недоразумение вышло.

Орки помладше заушмылялись, демонстрируя желтые клыки. Видать, знали подробности.

– Стреляли зачем? – сурово спросил старший орк.

Квазимодо снова «застеснялся»:

– Так это... Одному из наших змея привиделась. Натерпелся в болоте – змеи как раз в его стражу заявили. Вы уж отнеситесь снисходительно. Его уже ваш баран наказал.

Орки засмеялись, но старший кинул на них грозный взгляд, и смех мгновенно умолк.

– Воины не должны стрелять с перепугу, как женщины, – сухо заметил орк.

– Ваша правда. Выполним задание – сукин кот получит три десятка плетей. Заслужил и больше, но после болота оружие наше не в порядке. Чуть что – само стреляет. Сушить нужно. – Квазимодо приподнял в руке арбалет.

– Из-за моря привезли? – заинтересованно спросил предводитель горцев.

– Из самого Глора, – подтвердил вор. – Да вы спускайтесь, покажу. У нас от союзников Флота секретов не имеется. Заодно о баране поговорим. Может, все-таки продадите одного?

Разведчики и орки сидели в кружок, пили подкисшее козье молоко и разговаривали о болотных змеях. Уэн пришел в себя, охотно прикладывался к меху с напитком и даже улыбался присоединившемуся к обществу пастуху. Багтерн в разговор не вступал, только слушал. Больше всего пастух походил на вставшего на дыбы черного козла. Вытянутая морда с длинной

редкой бородой и разумные глаза придавали ему отдаленное сходство с человеком. Загнутые к затылку крученые рога можно было при беглом взгляде принять за диковинный головной убор.

Квазимодо разглядывать удивительного пастуха было некогда. Вор сидел с предводителем орков и вел непростую дипломатическую беседу. Вообще-то орки оказались существами разумными и вполне предсказуемыми. Квазимодо таких партнеров уважал. Орк исподволь расспрашивал об отряде и его планах. Вор ничего особенно не скрывал – орки явно знали о присутствии и численности людей Глири. Квазимодо всегда предпочитал говорить правду, только обычно ее немного подправлял по своему вкусу. Объявление в одностороннем порядке орков союзниками Флота, конечно, не сделало горцев пламенными сторонниками лорда Найти. Но раз орк такую возможность с ходу не отметал, стало быть, кровожадные горные жители не возражали против сохранения мира. Ненавязчивые намеки на обязательное прохождение этим маршрутом следующих отрядов Флота должны утвердить орков в том, что ссориться нет смысла. Вообще, когда на Квазимодо находило вдохновение, вор мог плести очень достоверную чушь. Вдохновение обычно находило, когда задница парня оказывалась под серьезной угрозой. Вор сидел рядом с орком, чувствовал некоторую симпатию к уродливому воину, но ни на мгновение не забывал о том, что все может легко измениться. Рукоять кукри все время находилась под рукой. Орк тоже не слишком далеко отложил свою палицу.

Но все закончилось благополучно. Орки проводили гостей до древней площади. Дальше разведчики двинулись самостоятельно. Бубен вел на веревке барана. Будущий ужин обошелся Квазимодо в две серебряные монеты. Переплатил, конечно. Но не это угнетало вора – в знак дружбы пришлось подарить арбалет. Дорогое оружие было прямо до слез жалко. Ну, своя шкура дороже. Теперь Квазимодо знал удобную дорогу через перевал и был почти уверен, что отряд пропустят беспрепятственно. Однако все это не избавит от проблемы объяснения с Глири.

– А ты горазд договариваться, – сказал Уэн. – Этих страхолюдов лихо уболтал. Уж на что дикари.

– Я сам кто? – невесело спросил Квазимодо. – Хорошо, что они моей рожи не испугались.

– Да ладно тебе. На первый взгляд ты, конечно, страшен, как атах.²¹ А нынче кто на морду твою смотрит? Мало ли кому куда судьба пинка отвесила. С судьбой не поспоришь. – Бубен подбодрил сапогом упирающегося барана. – Вот этот рогатый и не ведает, что мы его сожрем сегодня.

– Ну да, может, он горд стать пищей для самых доблестных воинов Флота. Вам, парни, никогда не приходило в голову, что мы ничуть не умнее баранов?

Разведчики принялись обсуждать существенные различия между солдатом и скотом бессловесным. Квазимодо не слушал – обдумывал сведения, полученные от орков. Беспокоило то странное обстоятельство, что горцы оказались вполне прилично осведомлены о событиях в Скара, на побережье и вообще о пребывании Флота. Оркам явно хватало ума не лезть в болото. Так откуда они знают? Каким-нибудь окружным путем вести до этих мест должны идти годами. В существование магических шаров и зеркал, сообщающих хозяевам о событиях, происходящих за горами, за долами, Квазимодо верил слабо. По слухам, подобное дальновидное зеркало имелось у лорда Найти. Квазимодо, кажется, даже один раз видел футляр с этой магической штукой. Ну, командор – он и есть командор. У него что угодно может быть. А у орков откуда? Они и нормальный арбалет-то никогда не видели.

Снова накатило сожаление. Глупо ты ценную вещь потерял, ох, глупо. Ну, сделанного не воротишь. Зато теперь идти легче.

²¹ Атах – в шотландском фольклоре общее название кровожадных чудовищ, обитающих в горных озерах.

Квазимодо в сердцах сплюнул в скальную расщелину. На самом деле удобный и нетяжелый арбалет совсем не мешал двигаться. Когда еще такое хорошее оружие добудешь? Вот глупость.

Ладно, значит, орки не совсем одичали в этих горах. Все знают: и что на морском берегу делается, и что в речной долине за хребтом творится. Видать, какая-то связь между морем и горами есть. Ну, не через болота же у них гонцы бегают? Неужели птиц посылают?

* * *

К лагерю разведчики спускались уже в сумерках. Баран лезть по лианам не захотел, и поэтому ему пришлось совершить храбрый, хотя и вынужденный прыжок вниз. Пока разведчики спустились, соратники по отряду успели несчастное животное прирезать и с воодушевлением свежевали.

Докладывал Уэн. Проход нашли. Путь сложный, но до гребня за пару дней добраться можно. Встретили местных – орки, но их здесь немного. Настроены недоверчиво, но нападать не станут. Опасаются мести Флота. Так что можно идти.

Глири слушал молча. За спиной сотника стояли проводник и «серый». Выслушав доклад, Глири помолчал, потом процедил:

– Оркам доверять нельзя. Уж я скорее «желткам» или твоей блудливой женушке поверю. Орки – твари коварные, не даром их везде без жалости режут. Они тебе на крови клялись, что нападать не будут?

Уэн слегка смутился:

– На крови вроде не клялись. Но злобы в них не было. Ква говорил, что они только хотят, чтобы мы побыстрее с их земли убрались.

– Полумордый? – Сотник приподнял бровь. – Так он с ними разговаривал?

– Ну, он с языком... – Уэн почувствовал, что говорит что-то не то, и увял.

Сотник опасно улыбнулся.

Квазимодо сглотнул слюну и, проклиная всех, влез в разговор:

– Я, господин сотник, с орками первым столкнулся. Так получилось...

– Как получилось, я уже понял. Они тебя из-за рожи за своего приняли. А вот как получилось, что ты без арбалета вернулся?

– Виноват, господин сотник, зацепился за выступ, ремень лопнул. Там высоко, господин сотник...

– Очень высоко? – сочувственно спросил Глири. – Вот беда-то. А хочешь, я покажу, где твой арбалет? Обернись-ка, красавчик. Обернись, обернись, не бойся. Обернись, говорю, рожа блевотная!

Предчувствуя, что сейчас будет, вор неохотно обернулся. Уловил движение замаха, попытался увернуться – не успел. Кулак сотника врезался в ухо. От боли сверкнуло в глазах. Сейчас же второй удар пришелся в печень. Колени вора подогнулись, он повалился на поросший редкой травой камень, последним усилием подтянул колени к груди и прикрыл кулаками затылок.

– Вон он, твой арбалет, на костре жарится. Вздумал оружие на жратву менять? Тюлень тупой, думал, что я не догадаюсь? Дерьма ты куча. – Сотник рычал и бил лежащего парня ногами.

Квазимодо скорчился и слушал глухие звуки, которые носы сапог выбивали из его ребер. Кости пока не хрустели – ничего, выдержишь. В прошлом юного вора частенько охаживали ногами и нередко не в одиночку. Вот только Глири не успокаивался. Засвистела плеть. Квазимодо не выдержал, застонал под жгучими ударами.

– Что, сука?! Несладко? Переговорщик косорылый, вша мудистая. Договаривается он, сын горбатой потаскухи. Думаешь, я не знаю душонки твоей лживой?! Всех продал друзьям своим людоедским. Говори, на чем сторговались?!

Лагерь молчал. Дышали люди, потрескивал хворост в кострах, насаженный на вертел баран уже издавал аппетитный аромат. Никто не желал вступаться за другого «барана».

– Поднимите его, – скомандовал Глири.

Квазимодо вздернули на ноги. Стоять самостоятельно вор все-таки еще мог, но его держали с двух сторон. За правую руку держал бледный Уэн.

– Я тебя с пристрастием допрашивать не буду, – сообщил сотник, засовывая за пояс плеть. – Такие, как ты, и сидя на колу врать будут и изворачиваться. Я тебя даже вешать не стану. Ты арбалет, говоришь, вниз уронил? Вот и иди ищи. Можешь не возвращаться. Прогуляешься строго на юг, выйдешь к морю. Налегке идти-то всего несколько дней. А чтоб тебе совсем легко бежать было... – Глири расстегнул ремень одноглазого парня, снял ножны с кукри. – Давайте спускайте храброго воина. Да, осторожнее, ноги ему не переломайте.

Квазимодо поволокли к обрыву. Кто-то из солдат уже тащил веревку.

– Господин сотник... – Вор уперся, повернул голову.

– Ты меня не проси, не поможет, – доброжелательно сказал Глири.

– Какие просьбы? – Квазимодо сплюнул розовую слюну. – Ваш приказ всегда для меня закон. Только когда я в Скара выйду, что мне лорду Найти доложить? За что меня выгнали?

– Думаешь дойти? И даже думаешь пожаловаться командору? – Глири улыбался.

– Раз вы приказали – дойду, куда мне деваться? Но я с «Эридана». У нас лорд-командор каждого солдата знает. Что, если меня за дезертирство вздернут? Позор-то какой. Я же ваш приказ выполняю.

– Доложишь, что я тебя высек и выгнал из сотни за продажу оружия. У лорда Найти сомнений не возникнет. Получишь настоящую порку, не то что я тебя сейчас пощекотал.

Квазимодо кивнул:

– Понял, господин сотник. Только, осмелюсь доложить, арбалет был оружием не казенным. Расчету эвфитона арбалетов не полагается. Выходит – вы меня наказываете за потерю личного имущества? Воля ваша, но такой приговор я лорду-командору передать не могу. Засмеют.

Глири нахмурился:

– Ты, шваль драная, меня закону учить вздумал?

Квазимодо успел нагнуть голову – плеть стегнула по макушке, ожгла лопатку.

– Тебе, полурожа наглая, кто с орками разговаривать велел?

– Виноват, господин сотник. – Из рта вора текла слюна, он говорил все неразборчивее. – Ни вас, ни господ десятников не было. Старшего по разведке вы не назначали. Первым на противника наткнулся я. Согласно приказу по Флоту, я агрессии не проявил, вступил в разговор.

– В приказе не об орках говорилось, а о «желтках» малохольных, – рявкнул Глири.

– Виноват, недопонял. Другого приказа не слышал.

– Умный какой. – В голосе сотника мелькнуло некое замешательство. Но отступать перед лицом всего воинства Глири, конечно, не мог себе позволить. – Пасть свою кривую захлопни и пошел в болото. В штабе тебе все закорючки растолкуют. Если дойдешь. А здесь мои приказы – закон.

Насчет болота вор никаких иллюзий не питал. В одиночку да без оружия хляби вовек не пройти. Оставалось закинуть сотнику последнюю наживку-выручалочку.

– Иду, господин Глири. Только разрешите передать эвфитон новому стрелку. Нехорошо орудие просто так оставлять.

Сотник мысль уловил и наживку принял. Видимо, мысль о маловероятных, но все-таки возможных будущих объяснениях с командованием «Эридана» наконец пришла в его голову.

– А кому я эвфитон всучу? На два орудия один стрелок остается. Нет уж, скотина ленивая, ты свою «дуру» сам потащишь. Потом с твоей хитрозадостью разберемся. Уж я не забуду. А вы, тюлени ослоухие, что столпились? Живо жрать и спать. На рассвете выходим.

Солдаты быстро разошлись. Отпущенный Квазимодо, пошатываясь, двинулся к своим вещам, с трудом ориентируясь, где они, собственно, лежат. Глири ухватил парня за шиворот, прошептал в ухо:

– Будешь умничать – сверну шею как цыпленку. Понял?

– Понял. Оружие отдайте.

– На хер? У тебя эвфитон есть. – Сотник ухмыльнулся.

Квазимодо кивнул и поплелся к костру.

Морщась, вор вытянулся на плаще. С правой стороны ребра болели больше, да и правое ухо почти не слышало. Саднили плечи и шеи – с плетью Квазимодо в последний раз общался давненько, отвык. Сердце потихоньку успокаивалось – вор хорошо понимал, что мог бы сейчас брести по окраине болота и даже плаща, чтобы подстелить под задницу, не имел бы. Удачный день выдался: вместо отдыха – лазанье по скалам. Потом баран чуть не убил. Арбалет своими руками отдал, да еще денег приплатил. Кукри отобрали, ребра пересчитали. К болотным змеям чудом не попал. Хорошо еще в ночную стражу не назначили.

Рядом присел ныряльщик:

– Есть будешь? И я воды принес.

– Не надо.

– Баран мягкий. Попробуй...

– Да идите вы все, – пробормотал Квазимодо. Его мучило, казалось, давно и прочно забытое чувство – обида. Ну что ты как сопляк-мальчишка?

Квазимодо заставил себя сесть.

– Что там у тебя?

Фуа протянул кусок плохо пропеченной лепешки с ломтем жареного мяса.

Надо поесть. Вор вытащил из-за голенища нож покойного Филина. Последнее оружие у тебя осталось – да и то полное дерьмо. Квазимодо принялся крошить мясо и пробормотал словечко, которое давненько не употреблял:

– Спасибо.

Ныряльщик промолчал, и это было мудро.

В подъеме лодок Квазимодо не учувствовал, у него хватало своих забот. Глири выполнил свое обещание, и теперь Квазимодо волок эвфитон в одиночку. Оказалось не так уж трудно – сначала перенести станину и короба со стрелами, второй ходкой – лафет и «плечи». Остальные носильщики двигались еще медленнее – громоздкие части лодок застревали в расщелинах, цеплялись за кусты, и вообще конструкция разборных челнов не предполагала их транспортировки по столь неподходящей местности. К тому же обессиленные «желтки»-носильщики без посторонней помощи не могли преодолеть даже небольшое препятствие. Глири лютовал.

Обливаясь потом, вор забрался на очередной карниз, плюхнулся на землю и расстегнул ремни. Дальше склон становился пологим, недалеко уже и до древней площади. Квазимодо слегка отдышался и полез обратно – забирать остальные части орудия. Съезжать по камням вниз было еще неудобнее, чем подниматься. Скалы быстро добивали несчастные сапоги. Для успокоения вор старался думать не о том, как здорово будет вспороть брюхо господину сотнику, а о вещах отвлеченных – например, зачем все-таки построили ту площадь? Домов нет, жертвенников тоже. Ну и развлечения у предков местных орков были.

Навстречу ползла вереница измученных носильщиков. Ободранные, почти голые людишки, из-под остатков тряпья торчат ребра-трещетки. Внизу свистит плеть сотника, звучат хриплые ругательства.

Квазимодо быстренько подхватил станину и «плечи» и, обгоняя носильщиков, полез вверх. «Желтки» едва двигались. Запавшие щеки, тусклые глаза. И плотная вонь болезни. Нет, не жилицы. Жалости вор не испытывал. Вчера-то тебя самого тоже никто не жалел. Квазимодо забрался на знакомый карниз. Передохнуть удалось недолго – снизу приближался рык командира. Встречаться с сотником лишний раз Квазимодо не хотелось. Не время еще.

Парень глотнул водички и пошел дальше. Идти по относительно ровной поверхности казалось странно. Все тянуло опуститься на колени и начать цепляться за камни передними лапами.

На уступе сидела пара солдат с арбалетами – прикрывали движение отряда. Сотник действительно не доверял оркам. С одной стороны – правильно, конечно, с другой – при желании лучники горцев шутя перещелкают растянувшийся и измученный отряд. Временами дозорные замечали маячившие на соседних склонах фигуры горцев. Но орки казались одиночками – должно быть тоже дозорные. Понятно – за незванными гостями глаз да глаз нужен.

Обеда не было, Глири лишь приказал раздать остатки вчерашних лепешек. Отряд тащился уже по каменистому плато. Подъем дался нелегко – восемь носильщиков не выдержали, остались в каменистых щелях, и даже плеть Глири не могла пробудить в них чувство самосохранения. Возможно, сотник предпочел умертвить послушников на месте, не давая несчастным шанса быть сожранными орками или отдохнуть и догнать отряд. Квазимодо такие подробности не интересовали – под конец дня он сам едва волочил ноги.

Ночевал отряд посреди голого узкого плоскогорья. Откуда-то взялся сильный и довольно свежий ветер. Он нес запах трав, открытых просторов – здоровый запах, но он никого не радовал, люди тряслись от холода. Кустов вокруг росло слишком мало, чтобы удалось разжечь нормальный костер. Теперь Квазимодо догадался, почему орки носят свои мохнатые жилеты. Прохладные здесь ночи. Пришлось вставать и идти разыскивать «своего» носильщика. Подъем пережил только Тонкий, второй прикормленный вором «желток» остался лежать где-то на склоне. Квазимодо не слишком удивился – бедняга Толстый и вчера выглядел неважно. Хорошо, что наиболее ценное имущество вовремя перекочевало во выюк «желтка» поздоровей. Носильщики спали, как животные, сбившись в кучу. Квазимодо извлек свой сверток. Скрываться не было особого смысла – вокруг спали все, включая часовых у костра. Вор глянул в сторону места, где дрех сотник. Пойти, что ли, закончить дело одним махом? Нет, глупая идея. Несвоевременная.

Квазимодо спрятал вещи назад и вернулся к костру. Нырлящик спал, свернувшись клубком и обхватив колени руками. Вор быстро одел новую рубашку, вынутую из выюка, подергал за колено фуа:

– Одевай, или до утра околеешь. Утром поменяемся. Глири за новую одежду меня прибьет.

Нырлящик кивнул, натянул поверх своей одежды хоть и драную, но все-таки согревающую старую рубаху вора. Квазимодо сунул в огонь последний хворост, придвинулся к нырлящику спиной и попробовал плотнее укутаться в плащ. Страшно подумать, как люди ходят через горы, еще и покрытые снегом?

Когда солнце поднялось над хребтом, никому уже не верилось, что ночью люди замерзали. Снова с лица капал пот. Квазимодо механически перетаскивал свой груз. Рядом так же

тупо волочили свои выюки солдаты и оставшиеся в живых носильщики. Ночь унесла еще две жизни.

Хотелось пить. Вокруг – ни ручьев, ни луж. У экономного вора остаток воды едва булькал на дне баклаги. Квазимодо понял, что, если ничего до вечера не изменится, придется все бросать и уходить. А то так и сдохнешь с эвфитоном на заливке. Рядом едва плелся фуа. Недостаток воды сказывался на нем куда сильнее.

Вор твердо решил уйти ночью. Налегке можно выйти к воде. А если что – так и к оркам можно податься. Вряд ли они всех подряд жрут. Лучше уж в рабство попасть, чем совсем зазря сдохнуть.

Но ближе к вечеру отряд набрел на ручей. Привал никто не объявлял. Люди побросали вещи и ползли к воде. Квазимодо ухватил фуа за шиворот и потащил дальше – чуть выше по течению. Нырлящик хоть и трясся, но повиновался.

Напившись, товарищи валялись на камнях, в животе приятно булькало. Сверху припекло солнце.

– Мы умрем, – прошептал фуа.

– С какой это стати? – пробормотал Квазимодо. – Ручей в ту сторону течет. Значит, спуск начался. Дойдем. Только вот что там будет хорошего?

Лагерь лежал без движения. Даже Глири, прикрыв лицо плащом, вытянулся черным скелетом. Слегка отдохнувший Квазимодо, пользуясь случаем, спер у десятника жалкие остатки раскрошившихся лепешек и одиночно сожрал их у ручья. Часовые беззастенчиво спали. Квазимодо наслаждался бездельем и безнаказанностью. Приятно быть чуть посильнее прочих. Ну, если не посильнее, то выносливее. Детство у тебя кончилось рано, так, может, проживешь дольше. Да, помечтай, ворюга, – с твоим-то ремеслом и долго жить? Квазимодо ухмыльнулся безразличному солнцу.

Парень не торопясь прошел вдоль ручья. Идти без груза, без оружия уже само по себе казалось отдыхом. Глупым отдыхом – без оружия вор чувствовал себя голым. Собственно, весь лагерь сейчас голый: вон, лежат, сопят – бери их голыми руками. Квазимодо поднялся на утес, с удобством уселся и принялся рассматривать мир лежащий впереди. Плыла предвечерняя дымка, прятались в ней скалы и каменистые пустоши. Ветер все явственнее доносил запахи просторной и большой, пока невидимой страны. Ни дыма костров, ни запахов человеческого жилья не ощущалось. Квазимодо соскучился по городу: по тавернам с прохладным пивом, по постелям, на которые можно с удобством завалиться, по вкусной еде. По доступным, стоит только протянуть руку, деньгам. Хотя здесь, на хребте, зачем нужны деньги? Тоже интересное ощущение. Вор пытался решить – что теперь делать дальше? Впереди целая страна. Никто тебя здесь не знает. Возможно, отсутствие глаза и искореженное лицо не станут здесь клеймом недочеловека? Нет, не обманывая себя – такими типами, как ты, везде брезгуют.

Некуда тебе пока идти. Уж лучше с отрядом. Тем более за Глири имеется должок.

Квазимодо встал. Нужно пойти и поспать. Завтра командование отдохнет и начнет всех гнать к гибели. Как обычно.

Спускаясь с утеса, вор без особого удивления заметил фигуру, стоящую в расщелине у подножия. Орк ждал, опираясь о свое короткое копье. Со стороны лагеря гостя заметить было невозможно, да, собственно, там сейчас бдеть и наблюдать некому. Квазимодо без раздумий направился к старому знакомому. Хотели бы убить – уже убили бы.

Арбалет висел за спиной орка. Квазимодо без особых страданий глянул на полированное ложе – уже смирился с добровольной потерей оружия. Сделка себя пока оправдывала.

– Рад тебя видеть на ногах, Одноглазый, – сказал орк.

– Ага, и я тебя рад видеть, Зубатый, – вежливо ответил Квазимодо.

Орк улыбнулся, еще нагляднее демонстрируя желтые, торчащие наружу клыки.

– Вы идете медленно, но упорно. Оставляете много мертвецов.

– Да, Флот обычно бросает много мусора. Уж простите.

– Не твоя вина, Одноглазый. У вас суровый вождь.

На распухшее ухо парня горец тактично не смотрел, но Квазимодо понял.

– Ты об этом? Да, наш командир безжалостен как хорек хромой. Но он не вождь – он человек, поставленный на время нашим вождем. И мой долг требует ему повиноваться. До поры до времени.

Орк кивнул:

– Желаю тебе терпения ждать и дожидаться. Сдержанность – одно из достоинств настоящего воина. Я хочу вернуть долг. В прошлую нашу встречу я не был готов достойно ответить на твой подарок. У вас умелые мастера. Твое оружие бьет куда точнее лука.

– Рад, что тебе понравилось. У меня осталась пачка болтов – оставлю в лагере под камнем у крайнего костра. Завтра заберешь.

– Еще один щедрый подарок. Жаль, что не могу ответить действительно достойно – у нас не делают столь хорошего оружия. Но прошу принять надежную вещь. – Орк вынул из-под своего лохматого жилета нож в ножнах из желтой кожи, протянул одноглазому парню.

– Благодарю. – Квазимодо несколько удивился – ему редко приходилось получать ответные дары в качестве компенсации за подsunутые взятки.

– Неравная замена твоему арбалету, но нож, сделанный кузнецами наших гор, никогда тебя не подведет.

– Надеюсь, что и мои руки меня никогда не подведут. Позволь дать тебе совет: почаще осматривай тетиву. Это у арбалетов слабое место, а я тебе дал только две запасные.

– Тетиву наши мастера и сами способны изготовить, – заверил орк. – Позволь дать и тебе совет: реже позволяй себя бить. Ты вынослив, но это может не спасти.

Квазимодо вздохнул и осторожно потрогал свое ухо:

– Я знаю, что, корчась под ударами, выгляжу недостойно. Но у людей свои законы.

Орк пожал широкими плечами:

– Да, законы разные. Поэтому мы стараемся реже встречаться с людьми. Но я не считаю твое поведение слабостью. Я бы не смог принимать удары и проявлять хитрость одновременно. Ты умен.

– Ну, глядя на мою рожу, в твои слова мало кто поверит.

– Ты еще жив, – заметил орк. – А многих ваших клюют птицы.

– Это да, – согласился Квазимодо. – Тут я чувствую законную гордость.

– Вы идете в долину. До города далеко, но ты, наверное, туда доберешься. Орки не ходят туда, но знают, что это опасное место. Я хочу дать тебе одну полезную для города вещь. – Орк вытряхнул из замшевого мешочка серый бесформенный обломок. – Это кусок рога единорога. Если его положить в пищу или воду – узнаешь, нет ли там яда.

– Да? – Квазимодо с вежливым интересом смотрел на огрызок кости, лежащий на широкой ладони. – У вас здесь много единорогов?

– Никогда их не видел. Рог принесли с севера. Был здесь случай с людьми...

Вор понял, что подробностями лучше не интересоваться, и спросил о другом:

– Прости за любопытство, но вы его пробовали в деле? Он действительно реагирует на яд?

Орк в некотором замешательстве подкинул обломок на ладони:

– Пробовали. Но у нас мало ядов. На змеиный яд кость вроде бы начинает синеть. Но яд слишком быстро сохнет. На тухлом мясе рог тоже меняет цвет – но не понять, что мясо испорчено, просто по воню и так может только сумасшедший. В общем, эта вещь нам не нужна, а тебе в городе может пригодиться. Я тебе с ней другую волшебную вещь дам – она-то тебе точно

понадобится. – Орк достал из мешочка что-то странное, размером с ноготь. – Это кусочек жилы единорога. Если его жевать, проходит зубная боль. Не обижайся, но у тебя зубы плохие.

Квазимодо внутренне ужаснулся – жилка выглядела так, будто ее жевало не одно поколение орков.

Орк засмеялся:

– Не сомневайся. Выглядит противно, но действует, и вкус приятный. Я сам пробовал – в детстве у меня болели зубы. Отец говорил – те годы выдались голодными. Мне дали пожевать, и все прошло. Вон смотри. – Орк распахнул пасть.

Квазимодо обозрел челюсти, усеянные здоровенными кривоватыми и желтыми, но, бесспорно, на диво крепкими клыками.

– Отличные зубки, – честно признал вор. – А у меня такие, случайно, не вырастут?

– Вырасти, может, и не вырастут, – ухмыльнулся орк, – но те, что у тебя остались, станут покрепче. Удивляюсь, как ты еще жив, когда жевать нечем.

– Ну, беззубие еще не самая страшная беда. – Квазимодо спрятал мешочек под рубаху. – Кстати, о бедах. Позволь дать совет. Лучше тебе и твоим родичам больше не вступать в переговоры и вообще не появляться на глаза людям Флота. Боюсь, если придет отряд посильнее нашего, вас захотят перебить. Без всяких разговоров и смысла.

– Мы знаем, как люди относятся к оркам. Говорили, что люди Флота другие, но с вашим командиром договариваться бесполезно.

– Глири в ваши горы не вернется, – заверил вор. – А если говорить насчет Флота... Там полно разных господ-командиров. Большинство из них прикажут вырезать ваше племя без колебаний. Возможно, лорд Найти и заключил бы с вами союз. Ему на все наплевать – была бы Флоту польза. Но он как заключит союз, так и разорвет его, как только посчитает нужным. Если говорить честно, я рискнул познакомиться с болотом и вашими горами в основном для того, чтобы оказаться подальше от лорда-командора. Я, знаешь ли, сподобился лично знать великого лорда, и он мне не понравился.

– Лучше мы обойдемся без людей, – сказал орк. – Нас слишком мало. Удачи тебе, Одноглазый...

* * *

Квазимодо вернулся в начавший подавать признаки жизни лагерь и немедленно попал в число заступающих в ночную стражу.

Ночь прошла спокойно. Квазимодо дремал, полностью положившись на глаза и слух выспавшегося фуа. Ныряльщик разбудил товарища только раз. В небе слышался шорох крыльев. Судя по всему, над лагерем кружилось что-то большое. Не на шутку встревоженный ныряльщик предложил собрать и зарядить эвфитон. Квазимодо в нескольких словах доходчиво объяснил полную бессмысленность стрельбы в звездное небо и повернулся на другой бок. Распухшее ухо все еще мешало спать, но вор проявил настойчивость.

Утром выяснилось, что пропало тело умершего накануне «желтка». Впрочем, такое событие мало кого взволновало. Орки – известные трупоеды. На живых-то напасть небось не осмелились. Глири подгонял с выходом в путь.

Отряд двигался медленно. Носильщиков осталось так мало, что приходилось перетаскивать груз в два приема. К речной долине отряд вышел только через четыре дня.

Глава 4

От воды пахло горькой степной травой, прохладной рыбой и горячим солнцем. Река лениво влекла свои желтые воды на запад. Квазимодо стоял по колено в теплой мути, тер пучком травы штаны и бормотал ругательства – одежда упорно не желала отстирываться. Пятна растворившейся болотной грязи уплывали по течению, но жирный ил так глубоко въелся в ткань, что возникли серьезные опасения – выдержат ли стирку сами штаны? Спина затекла, солнце уже не пригревало, а жгло оголенную задницу. Квазимодо разогнулся, прошлепал по мелководью сквозь поломанный тростник и принялся развешивать штаны на ветках кустарника. Рубашка уже сушилась, покачивала рваными рукавами на ветерке, дующем с противоположной стороны реки. Там тянулась степь, местами поросшая высокой травой, местами почти голая, в россыпях мелких камней и трещинах русел пересохших ручьев. Еще дальше обломками титанических колонн торчали утесы с плоскими, точно обрубленными гигантским топором вершинами.

Квазимодо еще раз оглядел пейзаж и почесал сохнущую голову. Места, в которые спустился с хребта отряд, казались совершенно безлюдными. Ни дымов, ни следов, ни других признаков человеческого жилья. Отряд второй день стоял лагерем на берегу. Моряки под руководством похудевшего техника собирали лодки. За время долгого перехода часть легких суденышек пострадала, и подготовка к отплытию затягивалась.

Чуть слышно плеснула вода. Квазимодо потянулся за ножом, но фуа уже стоял на берегу среди жесткой травы. Как можно так бесшумно двигаться по воде и тростнику, для вора оставалось тайной. С одежды ныряльщика капала вода. Квазимодо придирчиво потрогал подол его рубашки:

– Хм... действительно отстиралась.

– Я говорил. Зачем ты мучался, бултыхал у берега? – Фуа стянул рубашку, ловко выкрутил и повесил на куст.

– Ну, я так далеко заплывать не рискую. А нырять так и вообще не собираюсь. В такой воде и двумя-то глазами ничего не разглядишь.

– Да, вода мутная, – согласился маленький ныряльщик. – Зато рыбы много. Могу наловить.

– Не надо. – Вор кивнул в сторону лагеря. – Вон сколько оглоедов. Если начать готовить – даже понюхать не успеем.

– Можно не готовить. И так вкусно, – предложил фуа.

– Не, я сырую не могу. Ну а тебе, если можешь брюхо набить, чего время терять?

Никаких всплесков Квазимодо снова не услышал. Ныряльщик исчез где-то сразу за границей тростника, словно и не стоял только что рядом с вором. Наверное, если нужно что-то «увести» с корабля – этим фуа конкурентов не имеется. Вот только лихости в них маловато.

Квазимодо с раздражением посмотрел в сторону близкого лагеря. Там звучали голоса, постукивал металл о металл. Дымом не пахло. Обеда еще ждать и ждать. Да и обед будет – так, одно название. Численность отряда уменьшилась вдвое, но сотник все еще строго приказывал экономить продукты. Квазимодо не ждал каких-нибудь разносолов, но уж каши или кулеша можно получить нормальную порцию? Ладно бы крупа в отряде заканчивалась – Квазимодо знал, что хранится в мешках и бочонках, пожалуй, лучше самого отца-командира. Стащить пшеница, фасоли или муки – все равно что пару раз плюнуть. Да опять же, где готовить будешь? Стоит костерок развести, немедленно кто-то из десятников или сам Глири, чтоб он сдох, пожалуют. Что за жизнь?

Вор, пригорюнившись, оперся подбородком о колени и принялся вертеть в руках подарок орка. Нож, что и говорить, необычный: грубовато откованная надежная сталь расширяющегося к концу клинка, мелкие зубья на обухе, рукоять ножа – обрезанная вместе с копытцем нижняя часть ноги антилопы или косули. Дома, за океаном, таких странных рукоятей никто не делал. Но держать нож было удобно, шерстка убиенного копытного не давала пальцам скользить. Да, такой подарок открыто носить не будешь – вопросами замучают.

Из-за стены тростника возник ныряльщик. В руке билась, пытаясь вырваться, рыба, чуть ли не с локоть длиной, но фуа умело удерживал ее когтями под жабры.

Фуа с бьющейся рыбой уселся рядом. Квазимодо с интересом и некоторым отвращением наблюдал, как ныряльщик мгновенным движением оторвал рыбине голову, не прибегая к помощи ножа, непонятным манером выпотрошил, содрал вместе с чешуей кожу и разорвал еще дергающуюся тушку надвое. С видимым удовольствием впился зубами в толстую спинку.

– Ловко ты с ней разобрался, – пробормотал вор, глядя на лежащую на траве и удивленно разевающую рот рыбью голову.

– Хочешь попробовать? – спросил, энергично жуя, ныряльщик.

– Ну, разве что немножко, – все еще колеблясь, согласился Квазимодо.

На этот раз фуа извлек нож и несколькими точными движениями вырезал из рыбьей спины длинные и тонкие ломти мяса.

Упругая мякоть хорошо жевалась. Проглотив, Квазимодо сразу сказал:

– Соли не хватает.

– Здесь не море и не трактир, – неразборчиво пояснил уплетающий за обе щеки фуа.

– Эх вы, лягушки. Умные, но уж очень бедные. – Квазимодо покопался в своем мешке и вытащил мешочек.

С солью рыба пошла куда как лучше.

– Я слышал, что кашу почти не солят, потому что соль кончается, – сказал ныряльщик, обгрызая рыбий хвост.

– Ну, не то чтобы совсем кончается, – кивнул одноглазый парень на свой мешок. – В походе соль вещь необходимая. Пусть лучше у меня будет – так надежнее.

– Тебя когда-нибудь убьют за такое, – убежденно сказал маленький ныряльщик.

– За соль? – Вор хмыкнул. – Помнится, в последний раз меня чуть не убили за то, что барана привел. Что такое соль по сравнению с бесплатным бараном? Сушая мелочь. К тому же должен же я был присолить змеиную шкуру? Ведь завонялась бы.

– Ты шкуру змея с собой несешь? – поразился фуа.

– Не всю, конечно. Так, кусочек содрал на память. Отдам обработать – закажу ножны или еще что полезное.

Ныряльщик покачал головой.

– Тебя не просто убьют. Долго это будут делать.

– А я никуда не тороплюсь, – серьезно сказал вор.

В лодке с Квазимодо, кроме фуа, оказались Бубен, Уэн, и один из «желтков». Носильщик, по стечению обстоятельств, без особого труда организованному вором, оказался именно старый знакомый – Тонкий. В последнее время Квазимодо ограничил норму орехов, но прикормленный носильщик по-прежнему оставался покорно и бессмысленно послушным. Впрочем, уже все «желтки» одинаково отошляли и приобрели безучастный вид ходячих мертвецов. В Скара много болтали о зомби – теперь вор был готов поверить в такие байки.

Бубен и Уэн оказались в экипаже вроде бы по своему желанию.

– Ты парень хваткий, – заговорщицки прошептал Уэн, – если что – зевать не будешь. Мы в твой глаз верим.

Как же – друзья-товарищи. Помним, помним... Вор был практически уверен, что парочку приставил сотник для присмотра за сильно умным уродом.

Квазимодо, криворото ухмыляясь осколками зубов, хлопнул солдата по плечу:

– А что нам станется? Мы, парни Глора, везде пройдем. Главное – вместе держаться.

* * *

Зато грести Квазимодо не пришлось. Он сидел на носу лодки у собранного и установленного эвфитона. Глири лично приходил проверить оружие. Наорал и огрел плетью за несмазанные «плечи» и вал. Квазимодо знал, что у второго эвфитона имеется куда больше проблем – там и тетиву подмочили, и штифт распатался. Но какой смысл оправдываться? Не нравимся начальству – переживем. На поясе Глири рядом с кинжалом самым наглым образом висел кукри. Такой бесстыжести вор не собирался прощать, пусть даже сотник теперь каждый вечер пивом начнет угощать.

Пока о пиве не могло быть и речи. Палило солнце, особенно беспощадное посреди речной глади. Сопели гребцы – двигаться приходилось против течения, и лодки-скрадухи, не предназначенные для длинных походов, двигались медленно. Квазимодо смотрел вперед и на ближний берег. Там тянулись однообразные заросли тростника, сам берег за ними почти не был виден, только торчали в отдалении те горы-холмы, которые за плоские верхушки солдаты прозвали «столами». Иногда в тростниковой стене появлялся просвет и был виден песок, истоптанный звериными лапами и копытами. Самих животных отряд почти не встречал – очевидно, движение десяти лодок распугивало осторожных тварей. За два дня продвижения вверх по реке Квазимодо видел только стадо каких-то крупных, похожих на коров, вооруженных слишком длинными рогами животных. На воде жизни было куда больше: то и дело всплескивали, выпрыгивали, блестя яркой чешуей, быстрые рыбы. Мелкие рыбешки гонялись за насекомыми, за ними самими гонялись рыбы чуть покрупнее. Иногда из воды поднимались и громко лопались воздушные пузыри – Квазимодо опасался, что там неосторожных пловцов подстерегает кто-то крупный. Фуа еще перед отплытием предупреждал товарища, что в реке обязательно водится кто-то любящий свежее мясо в больших количествах. Но пока крупные хищники ничем себя не выдавали. У границы тростника спокойно бродили цапли и еще какие-то забавные горбоносые птицы. Торопливо извивались по водной поверхности мелкие змеи, да стаи назойливых коричневых птичек устраивали в зарослях у воды оглушительный гвалт.

* * *

– Как гребешь, морда бестолковая?! – снова не выдержал Бубен. – Руки тебе пообрывать и в задницу вставить.

Квазимодо услышал звук удара, но не обернулся. Опять Бубен принялся «желтка» воспитывать. А что от носильщика требовать, если дохляк едва весло в руках удерживает? Устал сам Бубен – орет, потому как получается, что он на левом борту в одиночку гребет. Лодку все время в ту сторону увидит.

– Не ори на него, – неожиданно сказал фуа. – Или нож в него сунь, или за борт выкинь. А орать и бить зачем?

– Ты еще мне посоветуй, жаба недоделанная, – возмутился Бубен. – Каждый хер медузий командовать начинает. Сейчас самого возьму за ноги и в воду суну.

– Не сунешь, – огрызнулся ныряльщик. – «Желток» не сегодня-завтра околеет, а ты его еще колотишь. Жописид ты тупой, трахнутый, нас бы пожалел – втроем грести придется.

– Это я-то трахнутый?! – взъярился Бубен. – Вот жабенок гнойный, едва со своих островов загаженных нос высунуть успел, а уже указывает. Да я тебя сейчас на весло по самые уши натяну...

– Слышь, Бубен, ты потише, – посоветовал Квазимодо. – Ныряльщика мне велено охранять. Сломаешь ему чего – нас с тобой Глири точно повесит.

Бубен засопел еще громче:

– Дойдем, я тебя, жаба, поймею.

– А отсосать не хочешь? – поинтересовался фуа.

Лодка заколебалась – Бубен ухватил маленького ныряльщика за рубашку.

– Сейчас кто-то по тупой башке карро²² получит, – пригрозил Квазимодо.

– Чего разорались? – поддержал одноглазого парня Уэн. – Лучше гребите. Опять налево заваливаемся...

Вечером, расстилая плащ, Квазимодо сказал:

– Ты поосторожнее. Вояки тяжелее тебя раза в три. И злые. Бубен двинет разок, и будет у тебя рожа как мое личико.

– Не будет он меня бить, – упрямо сказал ныряльщик. – Пока я нужен – и пальцем не тронут.

– А потом? – с интересом спросил вор. – Когда достанешь то, что им нужно?

– Потом уйду. Я здесь, на реке, и так проживу. На Флот возвращаться мне незачем.

– Ну-ну. Ты лучше про такие планы помалкивай. И не ругайся. Парни могут и забыть на мгновение, что ты нужен.

– Все ругаются.

– Все – не ты. Они всегда ругались, а ты раньше молчал. За словами обидными часто сталь в ход идет. Я урод, и ростом с тебя, но Бубен меня задевать постесняется. Знает, что может и нож под лопатку заполучить. А ты готов кровь не только из рыб пускать?

– Я не трус, – прошептал фуа.

– Да я знаю. Но знают ли остальные? Вдруг доказывать придется?

– Я справлюсь.

– Ну как знаешь. Давай спать.

Утром вышла задержка. Одна из лодок потекла. Пока чинили, Квазимодо с ныряльщиком забрались в заросли тростника и неплохо позавтракали тремя тут же выловленными рыбами.

– Здорово ты ловить умеешь, – сказал вор, осторожно разжевывая мелко порезанную рыбу. – Они что, к тебе сами идут?

– Нет. Это я знаю, куда они плыть собрались.

– Здорово. Я вроде рядом с морем вырос, но таких ловких рыбаков не видел.

– Люди рыбу не ловят, – с презрением сказал фуа. – Они ждут, когда самая тупая рыба в сети зайдет или на крючок сядет. Время теряют. Бессмыслица.

– Ну не скажи. Многим просто нравится с удочкой сидеть. Вроде как пиво пить. Отдых такой. Вот я знал одну леди, она очень даже любила про рыбалку поболтать.

– Да слышал я уже про твою леди Катрин. – Ныряльщик обсосал рыбий хвост и принялся солить следующую тушку. – Любишь ты про эту бабу говорить. Наверное, хорошо с ней спал?

– Не баба она! Настоящая леди. И не спал я с ней, хотя и не отказался бы.

– Чем в постели леди от не леди отличается? – поинтересовался фуа, обкладывая рыбье филе длинными листочками.

²² Карро – толстая стрела с четырехгранным наконечником. Одна из разновидностей стрел для метательных машин.

– Хрен его знает. Я же с настоящей не пробовал. – Квазимодо разозлился. – Вот увидишь настоящую леди, сам поймешь. Одичали вы там на своих островах, ни во что не верите. Дикари офигительные.

– Не ругайся. Раз ты в леди веришь, я тоже поверю. Я леди Катрин не знаю и ее оскорбить не хотел. Извини. – Ныряльщик сунул в руку товарищу пучок листьев.

– Ладно. – Квазимодо почесал нос. – Пока леди не увидишь, как в нее верить? Но когда-нибудь помянешь мои слова.

– Вряд ли. На дне если леди и встречаются, то их от других утопленниц не слишком отличишь. И вообще, может быть, твоя леди единственная была?

– Нет, я еще одну знал. – Вор замолчал и вложил в рот маленький кусочек рыбы, завернутый в листочек. – У-у, какое кисленькое. Ты и в травах разбираешься?

– Только в тех, что у воды растут.

– Угу. – Квазимодо глубокомысленно пожевал. – А к примеру, чтобы желудок прочистить, здесь ничего не растет?

Фуа посмотрел с удивлением:

– Это у тебя от рыбы трудности? Или просто соскучился по развлечению в кишках?

– Так, на всякий случай. Вдруг чего.

– Если захочешь вспомнить болото загаженное, копай вот тот тростник. У него корни жирные, белые. Сок пососешь – мало не покажется.

– Много – не мало, – заметил Квазимодо, оглядывая бесконечные заросли тростника. – Дай я отрежу еще кусочек рыбки...

Началось с того, что мелкие, вьющиеся над лодкой мушки совершенно озверели и полезли в нос и уши. Солдаты дружно отплевывались и ругались. Квазимодо пришлось особенно нелегко – искалеченный рот почти не закрывался, и сволочные мошки этим пользовались.

– Дождь будет, – тихо сказал фуа.

Бубен посмотрел на спящее солнце и засмеялся:

– Ага, лягушки заквакали. И дождь будет, и шторм со шквалом.

В полдень на солнце легла серая дымка, сгустилась, и хлынул ливень. Квазимодо суетливо накинул на эвфитон плащ. Сквозь густую завесу струй глухо орал Глири, приказывая поворачивать к берегу. Стало невозможно ничего рассмотреть дальше протянутой руки. Лодки врезались в стену тростника, гребцы с проклятиями прыгали в воду, вытаскивали отяжелевшие суденышки на берег. Когда «скрадуха», в которой плыл вор, оказалась на песке, она была чуть ли не наполовину полна воды. Квазимодо прыгал вокруг, снимая оружие, остальные вытаскивали груз. Когда лодку начали переворачивать вверх дном, ее деревянные ребра жалобно захрустели, а кожаное брюхо опасно раздулось от непомерной тяжести воды. Ругались все, включая молчаливого фуа. Отряд сгрудился на узкой полосе берега под боком пологого, заросшего кустарником холма.

Ливень кончился так же внезапно, как и начался. Казалось, без всякого перерыва выглянуло солнце. Немедленно заорал сотник. Квазимодо только сплюнул. Лодку спустили на воду. Вор, едва не надрывая жилы живота, потащил на место эвфитон, остальные носили через изломанный тростник мешки и оружие. Солдат подгоняла непрекращающаяся ругань сотника.

Квазимодо крепил «ноги» орудия и не понял, когда именно с холма полетели стрелы. Завопил раненый «желток», живее забегали солдаты, разразился новыми проклятиями Глири. Длинные стрелы падали сверху и особой точностью не обладали. Щитов в отряде оставалось мало, но все-таки сотник выстроил короткую цепочку, прикрывшую грузившиеся лодки. Из-за спин товарищей начали отвечать арбалетки, но куда именно стрелять, оставалось

непонятно. В густом кустарнике неведомого противника разглядеть было невозможно. Лодки начали отходить от берега. Квазимодо пробежался по песку, украдкой подхватил несколько длинных стрел. На парня заорал командующий прикрытием десятник. Вор захлопал по воде, поспешно забрался в лодку. Гребцы уже работали веслами. Квазимодо сунул завернутые в плащ стрелы под эвфитон и обернулся к берегу, стараясь рассмотреть неизвестных врагов. Но мокрая зелень оставалась непроницаема.

Когда лодки отошли на середину реки и двинулись вверх по течению, с холма раздался торжествующий вой. К нему присоединились еще несколько голосов. Волчьи боевые кличи провожали отряд до излучины реки.

– Что это они так радуются? – подозрительно поинтересовался Квазимодо.

– Думают, что нас прогнали, – предположил Уэн.

– Кому они нужны? – презрительно скривился Бубен. – Дикари, даже стрелять не умеют.

Действительно, из всего отряда раненым оказался один носильщик. Но происшествие все равно произвело на Квазимодо неприятное впечатление. Он не любил, когда его начинали убивать, даже не объясняя, за что именно.

На кратком обеденном привале вор успел тайком рассмотреть стрелы. Ничего особенного – не слишком ровные древки, маленькие, из плохого железа, наконечники. Одна из стрел вообще оказалась оснащена древним каменным острием. Глядя на кривовато примотанный жилами и закрепленный смолой наконечник, вор пожал плечами. Действительно – дикари.

– Зачем тебе стрелы? – прошептал фуа.

– Нужно же рассмотреть, чем тебе в задницу метят.

– А прячешь зачем?

– Чтобы наших героев не напугать...

К лодке плелся «желток» с мешком за плечами, за ним шли, как всегда разочарованные обедом, Уэн с Бубном. Квазимодо спрятал стрелы под свои вещи.

Солнце отражалось от воды и слепило глаза. Квазимодо привалился плечом к станине эвфитона и раздумывал о том, что было бы неплохо придумать какое-нибудь стеклышко, защищающее глаза от солнца. На Флоте болтали о том, что такие приспособления давно придуманы, но являются пока тайной. В такие сказки Квазимодо не верил – в штабе не существовало секрета, который нельзя было бы купить в личное пользование. Ну, сейчас ничего толкового все равно не купишь. Ныл торчащий из сапога палец – вор поцарапал его во время поспешной высадки. Где бы приличные сапоги раздобыть?

За спиной Уэн негромко рассказывал о походе «Гордости Глора». Во время перехода от Птичьего архипелага «Гордость» с тремя драккарами шла западнее, в отдалении от эскадры. Их тогда даже Большой шторм почти не затронул.

Река расширилась и стала глубже. Лодки двигались между небольшими, заросшими высокими деревьями островами. Кричали в ветвях птицы. Из воды торчали коряги и полузатопленные древесные стволы. Грести приходилось осторожней – пропороть кожаный борт «скрадухи» ничего не стоило. Квазимодо высматривал препятствия в воде и командовал. Смотреть по сторонам было некогда, но вор заметил странное движение фуа. Нырлящик перегнулся за борт к самой воде. Нюхает, что ли? Здесь, конечно, рыбы должно быть полно. Оголодал лягушка, что ли? Квазимодо вопросительно глянул на товарища. Фуа ответил странным взглядом. Маленького ныряльщика явно мучили какие-то сомнения.

Лодка Квазимодо двигалась ближе к авангарду небольшой флотилии. Вел отряд проводник, сидящий в одной лодке с Глири. По-видимому, сотник не слишком доверял проводнику, по крайней мере далеко от себя не отпускал.

Основная масса островов осталась уже позади. Первая лодка уже выбралась на простор чистой воды. Скоро можно будет грести как обычно.

Сзади раздался крик. Квазимодо оглянулся и успел увидеть скользкий по поверхности воды блик. В следующее мгновение корма одной из лодок высоко подпрыгнула. Люди, ухватившись за борта, чудом удержались внутри. Лодка плюхнулась на речную гладь, закачалась, как потревоженный поплавоч. Вокруг плавали весла, медленно тонул выпавший за борт мешок. Квазимодо ничего не понял.

Один из гребцов пострадавшей лодки протянул руку за плавающим веслом. Вода беззвучно вспучилась, выпустив огромную удлинённую морду с распахнутой зубастой пастью. Пасть неуловимо и мягко схватила гребца, почти втянула его в себя. Крикнуть человек не успел. Над водой раздался негромкий хруст. На мгновение над водой виднелась нога в сапоге, из которого торчали кости перекушенной голени. Потом исчезла и нога. Желто-зеленая поверхность воды оставалась совершенно спокойной.

«Хорошие сапоги пропали», – ошеломленно подумал Квазимодо.

В тишине пели птицы. Потом на соседней лодке кто-то закричал:

– Аванк! Аванк!

Завопили люди. Заорал сотник. В этом шуме снова вспучилась вода у несчастливой лодки. На этот раз ящер просто навалился на лодку мордой и передними лапами. Корма мгновенно ушла под воду. Сидящий на носу десятник успел ударить копьем. Наконечник отскочил от бугристой серой шкуры. Аванк раздраженно двинулся вперед. Под тяжестью лодка ушла под воду. Пасть ухватила десятника. Солдат открыл рот, чтобы закричать. Не успел – исчез под водой. Река забурилась, на миг мелькнул хвост ящера. Теперь стало понятно, насколько велика тварь – едва ли не вдвое длиннее погибшей лодки.

– К берегу, засранцы, к берегу! – орал Глири.

Лодки повернули к ближайшему берегу.

– Нет! – взвизгнул фуа. – К другому! Он всегда заходит слева. – Нырлящик принялся разворачивать лодку в другую сторону.

Бубен и Уэн заколебались. «Желток» с тупым ужасом смотрел в воду.

– Слушайте лягушку! – рывкнул Квазимодо. Под его руками всю шелкал, взводя механизм, барабан эвфитона.

Лодка рывками двигалась к берегу. Остальные суденышки, огибая островок, торопились к другому берегу. Плыли к острову трое уцелевших людей с погибшей лодки. Оглушительно гомоня, взвились над деревьями встревоженные птицы.

Не повезло лодке, идущей от островка чуть дальше остальных суденышек. От удара снизу лодка мгновенно перевернулась. До берега оставалось всего шагов шестьдесят. Не доплыл никто. Аванк поднимался из воды, поворачивался чуть набок, на миг показывал бледное желтоватое брюхо – и человек исчезал. Пять быстрых появлений уродливой гадины – пять человек. По чудовищу стреляли – вонзались в воду арбалетные болты, пронеслась над водой тяжелая стрела эвфитона. Если арбалетки и попали в аванка, тварь на это никак не среагировала.

Квазимодо не стрелял. Их лодка благополучно достигла пустынного плоского, с редкими полужансенными илом и песком древесными стволами берега. Отсюда происходящее на той стороне реки видно было плохо – обзор закрывал край острова. Но зато крики и проклятия слышны были прекрасно.

Вор видел выбравшихся на маленький островок людей, спасшихся с первой лодки. Они прятались среди деревьев и смотрели на ту сторону, где пиратствовал ящер.

– Лодку разверните, – приказал Квазимодо.

– Он слышит. И берег ему не преграда, – пробормотал фуа.

– Мы здесь одни, – сказал Уэн. – Чего мы сделаем? Лучше держаться подальше от воды, пока гад не нажрется.

– Лодку разверните, козлы тупые, дридливые. Не то лично вас «раком» перед Глири поставлю.

Солдаты, стараясь не хлопать, вошли в воду, развернули лодку носом к реке. Квазимодо скорчился у орудия.

Крики на той стороне стихли. Слышны были только неразборчивые яростные команды сотника.

– Ушел, кажись? – прошептал Бубен.

– Заткнись, – прошипел Квазимодо. – Сглазишь...

В тот же момент на том берегу снова закричали. Вор ничего не мог разглядеть, видел только, как заматались три фигуры на острове. Неожиданно среди зарослей возникла приземистая, но чудовищно длинная тень. Аванк и на суше двигался поразительно быстро. Мотая длинным хвостом, ящер тяжеломерно и уверенно пробежал между деревьев. Хрустели кусты. На острове было три человека: двое носильщиков и коренастый моряк. Один из «желтков», слишком слабый, чтобы бежать, попытался спрятаться за ствол дерева. Аванк, не задерживаясь, двинул хвостом. От плотного удара дерево содрогнулось, посыпались ветки и листья. Человек с переломанными костями остался лежать на земле. Двое его товарищей по несчастью поняли, что на крошечном острове укрыться шансов не остается, и бросились к воде. Моряк на миг остановился, выдернул из-за пояса топорик и метнул в ящера. Остановить огромного монстра он не надеялся, тем не менее целился на совесть – топор угодил в вытянутое рыло. Аванк словно и не почувствовал удара. Моряк резво плюхнулся в воду, поплыл. «Желток» уже барахтался в мутной речной воде, стараясь оказаться подальше от острова и чудовища.

Как только ящер показался из-за кустов, Квазимодо нажал рычаг. Стрела мощно просвистела над водой, едва не задела спину твари и исчезла в зарослях. Аванк на миг приостановился и повел головой, но тут же сполз в воду и исчез. Еще миг была видна волна, поднятая длинным гребенчатым хвостом.

Квазимодо услышал, как верещит за спиной фуа:

– В улыбку стреляй, в улыбку!

Понимать это странное требование было некогда. Вор торопливо крутил ручку, взводя механизм эвфитона.

Двое пловцов торопливо плыли к берегу. Обессиленный «желток» явно отставал.

– К нам плывут, – озабоченно пробормотал Уэн.

– Валите дальше от берега, – скомандовал Квазимодо, не отрываясь от орудия.

За спиной зашуршали шаги удирающих бойцов. Правильно – здесь они ничем не помогут. Этой речной ящерице копыта по фигу будут. А те двое, в воде, плыли почти к лодке.

Как ни напрягался вор, все равно не уследил. Голова носильщика просто исчезла с поверхности, только потом вспух водяной пузырь. Квазимодо все равно выстрелил – в середине пузыря вроде бы мелькнуло что-то темное. Возможно, это был несчастный «желток», но за беднягу уже можно было не переживать. Стрела вонзилась в речную воду и исчезла.

Взгляд вора метался по речной глади, руки торопливо заряжали эвфитон. Краем глаза Квазимодо видел, как приближается к берегу пловец. Мелькали выпученные в ужасе глаза, жадно хватающий воздух рот. Квазимодо ждал, когда голова уйдет под воду. Ждал почти с нетерпением.

Моряк нащупал ногами дно. Дергаясь и загребая воду руками, рванул к берегу. Добравшись до отмели, споткнулся и плюхнулся на колени. Квазимодо чуть не подпрыгнул, когда за спиной раздался плеск. На мгновение показалось, что аванк выполз на берег и незаметно подобрался сзади. Нет, это фуа побежал на помощь моряку.

Квазимодо дрожащей рукой вытер слюну, тянущуюся из угла рта. Водная поверхность оставалась спокойна.

Проклятый аванк так и не показался. Солдаты оттащили лодку подальше от воды и долго следили за рекой. Фуа несколько раз ползал вдоль самой кромки воды, принюхивался. Квазимодо это казалось смешным, но круглоглазая рожица ныряльщика оставалась совершенно серьезной. Может, действительно что-то чует?

На той стороне реки поднялись дымы костров, и только тогда солдаты решились спустить лодку на воду. Перегруженная лодка двигалась медленно, хотя спасенный моряк споро работал веслом. Плыть, зная, что нажравшийся ящер таится где-то рядом, оказалось почти невыносимо. Квазимодо чувствовал, как по спине текут струйки холодного пота, остальным было не лучше.

В лагере царило уныние. Две потерянные лодки, погибшие товарищи – само собой. Но никто не знал, что делать дальше. От мысли разобрать лодки и отойти подальше берегом пришлось отказаться: разведка доложила, что вдоль берега тянется непролазный кустарник, к тому же изрезанный узкими протоками – пройти с грузом там невозможно.

Вечером у костра фуа рассказывал об аванке. Говорил ныряльщик не очень охотно, но послушать его собрались человек двадцать. Квазимодо сидел и старался не морщиться – ну какой смысл болтать, если сделать все равно ничего нельзя? Да и знал фуа немного. У них на островах ящеры не водились, так что все опять же сводилось к пересказу слухов и преданий. Что шкура у аванка толстая и ее вряд ли пробьешь стрелой и копьем, и так понятно. И что хитер гад и быстр, тоже понятно. Рассказывал ныряльщик и о энудре – небольшом, похожем на собаку зверьке, который, обмазавшись грязью, сам прыгает в пасть чудовищу, пробирается во чрево и выдает аванку печень. Полезное, конечно, животное, симпатичное, да только где его взять?

Пришел Глири и разогнал слушателей. Сказочнику достался крепкий пинок, Квазимодо был благодетельствован аж двумя – видимо, за молчание.

Ложась спать, вор поинтересовался:

– Слушай, а что ты там такое вопил насчет улыбки? Или мне с перепугу послышалось?

– Не послышалось. Я говорил, что нужно в «место улыбки» целить. – Фуа потрогал себя где-то в районе челюсти. – Здесь у аванка жилы сходятся. Если попадешь – он сразу ослабеет.

– Ну да, понятно. Только я в твоего аванка вообще попасть не могу. И что ты в себя пальцем тычешь? Вы с этим гадом, конечно, родственники – у обоих перепонки на лапах имеются, – но если насчет морд говорить, то они уж очень разные. Где у него «улыбка» эта? Не разглядишь. Небось, если ему стрелу в дырку в заднице засадить, тоже ослабеет? Нет уж – пока я выцеливать буду, эта тварь на месте сидеть не станет. Надо как-то по-другому с ним справляться.

– Никак с ним справиться нельзя. Нужно ждать, когда уйдет, – прошептал фуа.

– Вряд ли Глири согласится сидеть и ждать. Наверняка что-то другое порешит.

Сотник решил все очень просто. После завтрака отряд был построен, Глири прошелся перед строем:

– Хватит отдыхать. Отправляемся на лодках. Приказ командора никто не отменял. По кустам прятаться да на бережке валяться времени нет. И трусить нечего – тварь нажралась, когда еще проголодается. Все, грузитесь.

Строй не шелохнулся. Ни слова не сказали и оставшиеся чуть в стороне проводник, техник и «серый».

Глири стоял перед неровной шеренгой, заложив руки за спину, и улыбался. Кажется, ситуация доставляла ему удовольствие.

– Что, маменькины сынки, страшно? А бунтовать не страшно?

С шелестом вылетели из ножен клинки. Квазимодо едва уловил движение. Сотник мгновенно оказался у строя. Ударил рукоятями мечей в живот двум ближайшим солдатам. Те с хрипом рухнули на колени. Глири отступил, качнул в воздухе клинками:

– Это – предупреждение. Дальше буду рубить без уговоров.

«Вот смелый, ублюдок, – подумал Квазимодо, наблюдая, как покачивается в левой руке сотника бессовестно присвоенный кукри. – Один перед полусотней озлобленных бойцов и только улыбается».

– Ты, – сотник указал мечом на моряка перед собой, – пшел к лодке.

Моряк нерешительно вышел из строя, оглядываясь, пошел в сторону лежащих подальше от воды лодок.

– Ты, – Глири нацелил клинок на следующего солдата, – идешь грузить или тебя рубить?

* * *

Цепь лодок двигалась, стараясь держаться как можно ближе к берегу. Путь сложный – то и дело приходилось обходить коряги, отмели. Весла путались в цепкой растительности на дне. Лодка Квазимодо двигалась последней – сотник приказал эвфитону прикрывать хвост отряда.

Отпихиваясь древком копья от черной коряги, вор размышлял: хорошо это или плохо – то, что они идут замыкающими? В прошлый раз аванк напал на отставшую лодку. Но перед этим погибла лодка из середины флотилии. К тому же, если верить фуа, ящер предпочитает атаковать слева – значит большая опасность грозит лодкам, идущими сейчас первыми?

Лодка двигалась в тишине. Никто не разговаривал, вопли птиц заглушали тихие всплески весел. Шелестел тростник, иногда плескалась или била хвостом рыба. Река жила своей обычной жизнью. Иногда фуа склонялся к воде, нюхал.

«Вынюхивай-вынюхивай, – думал Квазимодо. – Толку никакого, а все ж спокойнее. На других лодках нам завидуют: как же, с нами сам Жаб, великий охотник на аванков. И то – Лягушка такой мелкий, что им и этот гад подводный криволапый побрезгует».

От мокрого древка копья пахло тиной и свежей рыбой. Вор осторожно, стараясь не задеть заряженный эвфитон, положил копье вдоль борта. Эвфитон вещь чуткая: чуть заденешь – швырнет стрелу. И уж тогда точно угодишь в какую-нибудь из впереди идущих лодок. Вот Глири-то порадуетса поводу лишить тебя башки. Конечно, держать оружие заряженным – это против всех правил. Квазимодо еще и ослабил чеку на станине – теперь ложе эвфитона можно легко перекинуть на любой борт или корму. Стрелять без станины, конечно, дело дохлое – и в замковые ворота не попадешь, не то что в быстрого ящера. Но лучше плохо выстрелить, чем не успеть выстрелить вообще.

Толстые стрелы, лежащие под коленом, мешали сидеть удобно. От копья по-прежнему несло рыбой. Завтрак был никакой, и перед взором вора настойчиво вставляли тонкие ломтики рыбы, приправленные лимонной травой и крепко посоленные. Приучил же фуа рыбу в сыром виде жрать – скоро и у тебя самого перепонки вырастут.

Квазимодо смотрел на лодку, идущую впереди, – «желток», сидящий там, уже не греб, лишь слабо и редко совал весло в воду. Вот дохлятина – от такого никакой пользы. Разве сделать что-то вроде крючка, насадить, как наживку, да сунуть в воду. Интересно, клюнет ли аванк на такую снасть? Можно было бы подтянуть к берегу, да и расстрелять не торопясь. Хотя фуа говорил, что ящеры только на свежее мясо падки. К тому же если тянуть за веревку, то аванк быстрее весь отряд на дно утянет.

Что-то пихнуло Квазимодо в лопатку. Вор оглянулся. Фуа молча ткнул пальцем в воду. Глаза у ныряльщика отчаянно округлились. Остальные члены экипажа тоже перепуганно смотрели на вора.

«А я что вам сделаю? – с ненавистью подумал Квазимодо. – Перну в воду, и ОН всплывет кверху брюхом?»

Вор ухмыльнулся, погладил ложе эвфитона и потыкал растопыренными пальцами в сторону речной глади – мол, смотрите внимательнее, а уж мы с машиной не подкачаем. Уэн с Бубном яростно закивали – будут смотреть во все глаза.

Весла опускались в воду так осторожно, как будто та была стеклянная. Ничего не происходило. Может, аванк где-то здесь, но сыт и ему лень шевелиться? Квазимодо больше посматривал не в воду, а в сторону берега. Если что, нужно успеть выбраться. Место здесь не очень удобное – лодки отошли дальше от берега, огибая отмели, поросшие тростником.

Из тростника с шумом взлетела цапля. Квазимодо почувствовал, как сердце подпрыгнуло к горлу. Обернулся к гребцам – те перепугались не меньше. Все в порядке, герои Глора.

Увидеть Квазимодо ничего не успел. Закричали впереди, донесся короткий треск. Место мгновенной трагедии заслоняли тростниковые островки.

– К берегу! – оглушительно ревел сотник. Криков прибавилось. Кто-то истошно завопил в смертном ужасе. Над водой с вибрирующим звуком пронеслась стрела эвфитона.

«Как бы нас не задели», – озабоченно подумал вор. Его лодка уже разворачивалась. Подгонять никого не было нужды. На лицах всех гребцов застыло одинаковое выражение напряжения и облегчения – все-таки не нас жрут.

Впереди крики умолкли. Слышалось лишь шлепки торопливо гребущих к берегу весел. Сквозь колышущийся ветерком тростник вор видел, что первая лодка уже не далее чем в двадцати гребках от берега. Теперь лодок оставалось шесть. Две удирали к берегу по ту сторону заросших отмелей, еще одна двигалась параллельно суденышку Квазимодо. Сейчас придется хватать лодки на руки, тащить дальше от воды. И снова придется отсиживаться, дожидаясь неизвестно чего.

Не пришлось. Следующей добычей речного гиганта стала их лодка.

Квазимодо подлетел в воздух, машинально ухватился за оружие, едва не сорвав ложе со станины. Корма лодки встала почти вертикально – сидящие там «желток» и Уэн, не успев крикнуть, полетели в воду. Кажется, усеянная коническими зубами пасть сглотнула солдата еще в воздухе.

Лодка пролетела над водой, шумно плюхнулась, и Квазимодо едва не оказался за бортом сам. Теперь злосчастное суденышко было гораздо ближе к берегу, но добраться до суши людям было уже не суждено. Носильщик барахтался в воде. Вор видел, как огромная тень в мутной воде скользнула к нему. Носильщик исчез с легким плеском. Бубен, встав в лодке и мощно выдохнув, метнул копьё в едва угадывающуюся тень. Копьё, наполовину уйдя в воду, словно ударилось о камень, выскочило обратно и бессильно закачалось на слегка взволнованной поверхности. Почти в тот же миг вода вспухла у самого борта лодки. Квазимодо в первый раз увидел глаза чудовища – широко расставленные на низком своде черепа, они смотрели на людей с легким и даже доброжелательным интересом. Вор знал этот взгляд – сам так заглядывал в миску со жратвой, поданную в трактире.

Лодка не двигалась, замерев в нелепом, чуть приподнятом положении, – аванк удерживал ее днище на своей длинной морде. Бубен потянулся за копьём своего погибшего товарища. Квазимодо знал – уже не успеть. Ничего не успеть. В этот длинный миг фуа глянул на одноглазого парня. Квазимодо даже не успел изумиться тому, что собирается сделать ныряльщик, – фуа прыгнул в воду. Это был даже не прыжок – скачок, фантастически высокий и длинный. Человек-лягушка беззвучно вошел в воду. Лодку сильно потряхнуло – аванк развернулся вслед за движением фуа. Бубен с проклятием растянулся на дне лодки. Квазимодо выдернул чеку из станины, подхватил ложе с «плечами» на руки. Живот чуть не рвался от напряжения – вор с трудом удерживал на весу тяжелое оружие. Четырехгранный наконечник карро смотрел за

борт. Вынырнет – всадить стрелу. Лучше в пасть. Если нет – прямо между глаз. Не пробьет – может, хоть оглушит.

Аванк не показывался. Там в воде что-то происходило – летел ил и песок со дна, словно в котле, бурлила белая вода, далеко разлетались брызги. Мелькнул огромный, весь в костяных пластинах, хвост. Волна чуть не перевернула лодку. Квазимодо не успел удивиться, увидев внезапно выскочившую над поверхностью голову ныряльщика. Фуа с поразительной скоростью плыл между лодкой и тростниковыми зарослями. Следом устремился аванк. От его морды расходились две длинные волны. Раскрылась пасть. В последний миг чудовище повернулось чуть набок, чтобы ловчее схватить верткую добычу. Мелькнула над водой перепончатая, шире любого щита, лапа, бледно-желтое брюхо.

Все это происходило настолько быстро, что Квазимодо дернул рычаг спуска совершенно бессознательно. Щелчок мощного механизма свалил вора с ног. Падая за борт лодки, Квазимодо успел понять, что не промахнулся.

Стрела вонзилась в брюхо, чуть ниже передней кривой сильной лапы аванка.

Вода рвалась отовсюду. Квазимодо крутило, бросало, что-то мощно ударило по пятке. Вор пытался куда-то плыть. В легкие стремилась мутная вода. Квазимодо понял, что почему-то плывет вдоль зарослей. Под ногами было дно. Вор ухватился за тростник, поспешно полез в гущу зарослей. Там позади качалась отброшенная к другому островку лодка. Вода успокаивалась, лишь рыжее пятно поднятой со дна мути и водорослей расплывалось во всю ширь пространства между островками.

Квазимодо откинул с глаза мокрые волосы и пощупал живот. Там болело – точно надо рвал себе жилу. Нужно на берег выбираться.

Там посреди пятна мути плавали вещи. Квазимодо разглядел мешок с фасолью, весла, ком плаща. Эх, все пропало. Еще что-то качалось на воде – бледная кисть руки, рядом светлое пятно затылка.

Квазимодо заколебался. Аванк где-то рядом. С другой стороны – надо бы останки парня похоронить. Жаб сделал все, что мог – тварь как на блюдечке подставил. Нехорошо его рыбам оставлять. Раз аванк его решил не доедать – значит стрела в брюхо на чудовище подействовала. Нужно Лягушку на берег вытащить, заодно и из вещей что-то можно прихватить. Глири меньше гневаться будет.

Квазимодо погрузился в воду и осторожно поплыл. От страха сводило и так болевший живот. В грязной воде не было видно абсолютно ничего. Вор отпихнул от лица плавающее весло. Ухватил за безвольную кисть фуа. Казалось, потянешь и вытянешь из воды одну отгрызенную руку. Нет, к руке все еще что-то крепилось. Квазимодо ухватил другой рукой плащ и потянул все это к берегу. И то, и другое волочить оказалось тяжело и страшно неудобно. Вор наглотался воды, пока наконец не ощутил под ногами твердь. Теперь тащить стало гораздо удобнее.

Люди столпились шагах в тридцати от воды.

– Я говорю – мы его подстрелили! – вопил Бубен. – В самое брюхо стрелу засадили. Теперь пусть порывает, тварь прожорливая. Уэна ведь сожрал прямо на моих глазах. Да помогите же Кривому! Говорю – подстрелили аванка.

Несмотря на вопли, ни сам Бубен, ни другие солдаты к границе воды подходить не торопились. Только когда изнемогший Квазимодо уже хлупал по колену в воде, к нему подскочили несколько человек, подхватили безвольное тело ныряльщика.

«Не жилец», – подумал Квазимодо, стаскивая с себя мокрые штаны. Фуа неподвижно лежал на траве. Сначала вору показалось, что у ныряльщика нет левой ноги. Нога все-таки была, но только до колена, дальше торчали белые тонкие кости, по сравнению с которыми уцелевшая перепончатая ступня казалась непомерно широкой. Висели лохмотья мускулов. Кровь

идти уже перестала – ногу выше колена перетянули ремнем. Над раненым возился «серый» и один из десятников, вроде бы понимающий во врачевании. «Серый» начал прилаживать лохмотья мяса на место, прикрывая оголившиеся кости. Разодрали на бинты рубашку.

Дальше Квазимодо смотреть не стал – как был голый, полез в реку. Аванк, видать, убрался пузо зализывать, а об имуществе побеспокоиться нужно.

Швы на лодке разошлись, и она едва виднелась над водой. Жалко – вор к «своей» лодке уже привык и даже вынашивал планы, когда минет необходимость в водном средстве передвижения, обменять суденышко на что-нибудь полезное в хозяйстве. Дайте только выбраться в населенные места, а там пусть Глири со своими приказами убираться подальше.

Квазимодо удалось выловить свой плащ и мешок и мешок Уэна. Заодно вор вытащил из воды копье и мешок фасоли.

У воды Квазимодо ждал сотник. Покачал головой:

– Смелый ты, Полуморда, только полный дурак. Раз тебя аванк не сожрал, так, думаешь, и дальше так будет?

– Так мы, господин сотник, подстрелили тварь. Может, больше не приплывет?

Глири засмеялся:

– Да ты, криворожий, прямо герой. Напугал аванка. Да ему твоя карро что соломинка в заднице. Ладно, почему эвфитон не снял?

– «Плечо» тварь сломала, – не моргнув глазом соврал и не думавший искать канувшее в воду оружие Квазимодо, – как даст тварь хвостом – я в воду, дуга вдребезги. Я уж нырял, да где там, вода – одна муть.

Сотник смачно сплюнул:

– Уж знаю, как ты искал. Все равно некогда нам. Пока твой проклятый аванк не прочухался, нужно убраться подальше.

Ныряльщик лежал в стороне. Люди к нему близко не подходили – и так все понятно. Квазимодо постоял, раздраженно трогая ноющий живот. Как-то все это неправильно. Глаза фуа, кажется, были открыты. Вор вздохнул и подошел. Ныряльщик действительно был в сознании. Смотрел белыми от боли глазами. Квазимодо присел на корточки.

– Воды мне оставишь? – прошептал фуа.

– Оставляю. И в тень передвину. Подожди пока...

Люди вокруг собирались в путь, невесело обсуждая подробности произошедшего. Квазимодо деловито прошелся между вещей к лодкам и обратно, спер по пути большую миску. Воды пришлось набрать прямо из реки, но тут уж ничего не поделаешь. Вор торопливо срубил две ветки, используя их как колья, натянул у куста плащ. Разостлал второй. Нести ныряльщика было сложно – живот болел, да и как возьмешь на руки человека, когда у него только что половину ноги оторвали? Солдаты косились со стороны, но помочь никто не пришел. Фуа обеспамятел, но быстро пришел в себя на плаще. Квазимодо спрятал под ветки миску с водой, свой прекрасный котелок, тоже полный воды.

– Из жратвы у меня только фасоль есть. Может, размочишь.

– Спасибо, – прошептал ныряльщик. Нос его заострился, кожа казалась меловой.

– Не за что, – пробормотал вор. – Я тебе должен.

– Уже нет. Ква, у тебя орехи остались? Оставь мне.

– Легкой дороги хочешь, – со злостью прошептал вор. – Фиг тебе, а не орехи. Вы, лягушки, живучие. И ты выкарабкаешься. Я тебе лучше нож оставлю. Свой-то ты утопил.

Квазимодо сунул под бок раненому мокрые ножны с орочьим ножом, почесал голову и сказал:

– Тут у меня лекарство горное есть. Сунь в воду, когда будешь пить, вдруг поможет.

Влажный рог легко разломился. Вор оставил товарищу часть поменьше. Все равно не подействует. Фуа было не до разговоров – у бедняги глаза закатывались от боли.

– Полумордый! Что расселся? – от лодок орал Глири.

Бойцы отряда уже выводили лодки на воду.

Квазимодо поморщился:

– Ладно, может, еще увидимся.

Фуа не ответил. Кажется, опять вырубился.

Квазимодо побежал к берегу. Сотник ждал, помахивая плетью:

– Что, целовались на прощание?

– Как можно, господин сотник. Я про аванка расспрашивал, вдруг еще появится.

– Добросердечный ты малый, как я посмотрю. Может, ты с ним останешься? Поддержишь товарища в беде?

– Как можно?! Куда ж я без вас? – изумился вор. – В одиночестве пропаду.

– А то смотри. Я могу тебя и оставить.

«Ага, интересно, ты мне руку или ногу рубанешь, когда оставлять будешь», – подумал Квазимодо, а вслух спросил:

– Господин сотник, а мне за попадание в аванка премия полагается?

Получив плетью между лопаток, Квазимодо охнул и кинулся садиться в лодку.

Глава 5

И почему запах чужого пота бывает настолько противным? Лодка с трудом двигалась вперед. Разговор давно увял, гребцы натужно работали веслами. Вор устал. Не выпускать так долго весло из рук оказалось занятием ужасно скучным. Предыдущие дни Квазимодо восседал на носу, по-командирски смотрел вперед. Сейчас тот период путешествия казался едва ли не полным благоденствием. Впереди еще половина дня, а руки уже ныли.

Маленькая флотилия из пяти лодок упорно продвигалась вперед. Правый берег стал выше, со скал свисали лианы и бесчисленные гроздья снежно-белых цветов. Иногда на скалах появлялись стаи мелких визгливых обезьян. Мерзопакостные животные насмешливо выли, скалились и пытались докинуть до лодок палки и мелкие камни.

– Говорят, эти хвостатые уродцы вкусные, – сказал Бубен. Он сидел перед Квазимодо и закрывал своей широкой спиной полмира.

– Кто говорит? – мрачно поинтересовался длинный солдат с «Морского ястреба». – Я в Скара пробовал обезьяну. Не мясо – одни жилы. И пресное. Дрянь.

– Тебе вместо обезьяны «желтка» подсунули, – предположил Квазимодо.

– У меня, Полумордый, в отличие от тебя два глаза. Вижу, что мне подают.

– Извини, – покладисто сказал вор. – Я не понял, как именно ты ее «пробовал».

– Это твоя мама с обезьяном пробовала, – обозлился солдат. – Сейчас садану веслом по морде – тебя с такой физиономией и назад в стаю не примут.

– Заткните пасти и гребите нормально, – рыкнул сидящий на корме десятник. Его мучила какая-то болезненная сыпь на руках, и мелкий начальник все время пребывал не в духе.

– Виноват, господин десятник, – сказал Квазимодо, – глупею. Это все от голода. Целый ведь день гребем. Разве на каше такой труд осилишь? Остановились бы хоть на денек, этих бы мартышек крикливых в котел настреляли. А после мяса можно уж и грести день и ночь.

– Ты язык-то попридержи, – мрачно посоветовал десятник. – Глири услышит – последнего зуба лишишься. Ты, Полумордый, эвфитон утопил? Теперь и сам-то кому ты нужен?

– Разве ж я утопил? – жалобно сказал Квазимодо. – Разбил проклятый аванк мое оружие в неравной схватке. Совсем осиротел я – эвфитона нет, штаны прорвались, плывем в глушь обезьянью.

– И то правда, – вздохнул Бубен. – Оборвались все. Неужто здесь никакой деревни или фермы не имеется? Я б рубашку себе новую добыл. Не думайте чего – заплатил бы все честь честью. Я приказ командора помню.

– Вы эти речи бунтовщицкие бросьте, – привычно рыкнул десятник. – Приказано – значит плывем. А про деревню или еще чего – я и сам не знаю. Нам Глири не докладывает. Так что гребите и языки свои засуньте поглубже в...

«Ага, удобно засовывать в пустое-то место», – подумал Квазимодо. Попытка прояснить цель похода опять не удалась. Впрочем, вор другого и не ожидал. Только сам Глири да, возможно, проводник знали истинную задачу отряда.

Течение реки усилилось, и двигаться против него стало труднее. Руки болели все сильнее. Прошлую ночь Квазимодо провел плохо. Как-то не спалось. Привык, видать, к Лягушке. Вот не повезло ныряльщику. Нога – это ведь тебе даже не глаз. Не выживет, наверно, фуа. Да и что за жизнь на одной-то ноге?

В последнее время Квазимодо все чаще вспоминал первые дни своего уродства. Боль, бред, ужас в моменты просветления. Сколько раз тогда жалел, что не сдох сразу.

Зудели москиты. Лагерь уже спал, костры почти погасли. Квазимодо тоже не торопился подсовывать ветки в свой костер. Опять Глири поставил зоркого одноглазого парня в первую ночную стражу. Доверие-то какое. Ну, сегодня вор был даже рад попасть в часовые. Хватит, натерпелся. Пора и за себя сыграть. А то доконают тебя эта гребля бесконечная да бескормица.

Вор, опираясь о копьё, поднялся. Вот скат дохлый в рот Глири, и ноги, и руки ныли от усталости. Нет, точно, хватит вкалывать непонятно за что.

Квазимодо осторожно прошелся по спящему лагерю. Второй часовой клевал носом у своего костра, рядом неподвижно ссутулился «серый». Вор вернулся ближе к берегу. Огляделся – все спят. Лопата была заранее припрятана у крайней лодки. Со стороны реки доносились привычные всплески и уханье – в темноте охотился кто-то большой, к счастью, непосредственно людьми не интересующийся.

Стоя на коленях, Квазимодо сдержанно сопел и ковырял землю. Грунт здесь влажный, копать легко, но корни тростника уходили глубоко. Вор часто оглядывался – если кто подойдет, достоверно соврать, чем здесь занимается часовой, будет трудновато. Квазимодо выковырял несколько корней, но для надежности нужно накопать побольше. Корни походили на обычные луковицы – крупные, светло-желтые. Обрезанные стебли тростника приходилось «пересаживать» подальше в заросли – утром, при дневном свете, на следы может кто-то наткнуться. Подобных случайностей вор очень не любил.

Очередной раз, оглянувшись и проверив, как там, в лагере, Квазимодо вернулся к сбору аппетитных корешков и чуть ли не нос к носу наткнулся на незваного гостя. Из тростника осторожно выглядывал полосатый зверек размером с кошку. От неожиданности вор чуть не стукнул прищельца лопатой. Зверек отпрянул, но тут же потянулся к вскопанной земле. Нос его алчно шевелился.

– Что, чучело полосатое, тоже жрать хочешь? – сочувственно прошептал парень. – Давай-давай, пока я не заровнял.

Зверек, словно поняв, ухватил передними лапами червяка, принялся запихивать в рот. Квазимодо копал, поглядывая на забавного соседа. Полосатое существо осмелело, совалось чуть ли не под лопату, выхватывая червяков пожирнее. По расцветке зверек походил на енота, виданного Квазимодо еще за океаном, но движениями и повадками больше напоминал чересчур длинную кошку.

Мелко шинкуя прямо на лопате сочные луковицы, вор продолжал посматривать на кошкоенота. Зверек поспешно и блаженно запихивал в рот червяков.

«Видать, вкусные, – грустно подумал Квазимодо. – Может, и мне на червячков перейти? Если их, допустим, с кашей сварить?»

Теперь предстоял самый рискованный момент ночного плана. Увидят – придется удирать немедленно и налегке. Такие случаи в жизни Квазимодо бывали, и он по опыту знал, что ничего хорошего в вынужденных импровизациях обычно не имеется.

Вор осторожно прошел между спящих людей. Котел с замоченной на ночь фасолью стоял у костра. Моряк, выполняющий обязанности погибшего повара, похрапывал рядом. Квазимодо присел на корточки и, затаив дыхание, выжал узелок с мякотью корневищ в воду. Сока было много. Осмелев, вор вымыл в котле нож и руки. Все прошло гладко.

Вернувшись к зарослям, вор с чувством выполненного долга закопал узелок с выжатой мякотью, утрамбовал землю. Кошкоенот сидел в зарослях, облизывался.

– Иди, иди, а то обожрешься, – прошептал Квазимодо. – Жди, может, еще кто заедет, подкормит. А здесь копать не вздумай – хвост оторву...

Утро выдалось пасмурным. Сгустились тяжелые грозовые облака.

– Живее, улитки трахнутые! – орал Глири. – Жрать и на весла.

Квазимодо пристроился в хвост очереди за жратвой. Теперь, когда численность отряда сократилась на две трети, пищу раздавали прямо из главного котла. Вор получил свою порцию одним из последних. Вокруг уже вовсю стучали ложками.

Следовало провести еще одну проверку. Вор кинул в миску заранее приготовленную крупинку рога. Едва коснувшись разваренной фасоли, крупинка заметно посветлела. Квазимодо стало не по себе – отравлять до смерти он никого не рассчитывал. Но сделанного не воротишь. Рядом, как назло, сидел Бубен.

– Ничего, сегодня порция нормальная.

– Когда один останешься – будешь вообще жрать от пуза, – заметил Квазимодо. Ему приходилось энергично совать почти пустую ложку в рот. Вкус густого варева казался отвратительным.

– Должно же кому-то повезти? – прочавкал Бубен. – Пусть это я и буду.

Квазимодо уныло работал ложкой. Как ни притворяйся, все равно в рот слишком много попадает. И оставить жратву нельзя – в отряде такого безрассудства ни за кем не водилось.

Заорал, подгоняя бойцов, Глири. Доевший свою порцию Бубен залпом проглотил кружку отвара и поспешно пошел к лодкам.

Квазимодо с облегчением опустошил свою миску под куст, затер подошвой сапога, и поспешил к вещам. Погрузка началась.

Успели спустить две лодки. Потом начала действовать волшебная смесь. Солдаты один за другим поспешно двинулись в кусты. Одним из первых был сам Квазимодо. Вор со спущенными штанами устроился на небольшом пригорочке, отсюда сквозь листву открывалась панорама разворачивающейся драмы. Десяток солдат уже сидели, кряхтя и постанывая. И численность пострадавших быстро увеличивалась. Мимо Квазимодо с искаженным лицом проломился десятник. Из-за куста вор услышал стон болезненного облегчения. Все это доставило вору некоторое развлечение, но он ждал ключевого момента.

Глири ворвался в кусты со столь яростным лицом, что мог бы напугать и аванка. Естественно, сотник не мог терять свой авторитет, усаживаясь и издавая жалобные звуки среди подчиненных. Держась за штаны, командир промчался в глубь зарослей.

Квазимодо скользнул в кусты, стараясь держаться подальше от страдающих товарищей по оружию. Впрочем, бедняги были совершенно не в состоянии следить за чем-либо, происходящим вне их кишечника.

Пришлось сделать приличный крюк. Квазимодо уж подумал, что не найдет отца-командира, но сотника выдало кряхтение, перемежающееся хриплыми проклятиями. Вор подкрался со спины. Оружие – короткая дубинка – было заготовлено еще ночью.

Квазимодо от души врезал любимому командиру по затылку. Глири клацнул зубами и сунулся лицом в траву. В такой позе и при таком беспорядке в одежде сотник выглядел не так уж грозно. Квазимодо полюбовался и принялся за дело. Ремень с оружием и кошель, цепь с шеи, браслет – кроме этой добычи, вор стащил с сотника штаны. Командирская плеть была благородно оставлена.

Нырнув в кусты, Квазимодо не утерпел и оглянулся – из травы торчала только бледная волосатая задница. Прощай, «отец солдатам», сволочь ты поганая.

Поспешно пробежавшись по зарослям, вор закинул трофейные штаны на дерево. Одежда, конечно, добротная, но сам Квазимодо мог поместиться в эти портки раза два. Да и спрятать их некуда, с оружием хлопот полно.

Ближе к берегу заросли постанывали на разные голоса. Против отвара из коварных корешков не устоял никто. Вор стянул с себя штаны. Ремень с оружием повесил на шею, под рубашку. Рукояти меча и кукри здорово выпирали наружу. Квазимодо, прикрывая оружие, прижал к груди собственные штаны и, обессиленно пошатываясь, вышел к лодкам.

В лагере царил хаос – везде валялись разбросанные вещи и оружие, полусобранные мешки. Несколько солдат приступ застиг так внезапно, что они не успели добраться до кустов и теперь восседали на корточках посреди лагеря.

– Смотрите, Полуморда себе штаны обделал, – пробормотал один из страдальцев.

– Тебя бы так прихватило, – слабо огрызнулся Квазимодо.

– Меня... тоже. Ох... – Солдат застонал.

– Ничего, сейчас простирну, и порядок, – пробормотал вор, проходя мимо.

– Смотри аванка не подмани, – прохрипел страдающий десятник.

– Я с лодки прополошу, – умирающим голосом пролепетал Квазимодо.

Остальные в беседу не вступали, слишком занятые собственными болезненными ощущениями.

Вор ступил в воду, оглянулся. На него никто не смотрел. Квазимодо развязал веревку, привязывающую уже спущенную лодку к лодкам на берегу. Забрался внутрь. Мешок и плащ вора уже лежали здесь – для такой «случайности» даже особой ловкости рук не требовалось. Квазимодо забрался в лодку, принялся полоскать штаны. Украдкой оглянулся – на берегу по-прежнему заседали сломленные фасоловой похлебкой воины, на реку никто не смотрел. Вор вытащил из плаща дикарские стрелы. Изловчась, метнул одну к берегу. Стрела красиво воткнулась у самого среза воды – даже чересчур удачно.

Больше ждать было нечего. Квазимодо зажал под мышкой еще одну стрелу – так, чтобы оперение торчало поестественнее. Истошно завопил и не очень быстро плюхнулся за борт в теплую воду.

После мгновения тишины на берегу кто-то завопил:

– Дикари! Вдоль берега подошли!

Квазимодо, падая, стукнулся подбородком о рукоять меча, выпирающего из-под рубашки. Проклятый сотник и здесь доставлял неприятности. Но сейчас было не до зубов – прижимаясь к борту, вор медленно потянул лодку на глубину, к течению.

На берегу раздавались невнятные команды. Квазимодо с удовлетворением услышал, как кто-то прокричал, что Полумордого подстрелили. Прекрасно, двигаются они там сейчас с трудом, главный погоняла в кустах помалкивает. Пока разберутся, пока то да се...

Дна под ногами уже не чувствовалось. Лодка потихоньку дрейфовала под защиту тростника, и ее подхватывало течением. На берегу уже заметили отвязавшуюся лодку. Кто-то кричал, но Квазимодо сильно сомневался, что солдаты полезут в воду немедленно. Понадеются поймать лодку позже. Сейчас на берегу слишком весело. Кажется, щелкнул арбалет...

Лодка легко шла по течению. Квазимодо отложил весло, лег и попытался отдышаться. Над рекой повисли черные низкие облака. Сейчас полет. Если начнется настоящая гроза – запросто можно утонуть.

Зато никто не будет пинать тебя в зад до последнего вздоха. Квазимодо чувствовал облегчение. Как же давно ты не был один. Теперь и живешь сам, и умираешь сам. Родного дома у тебя нет, ни Флоту, ни командору, да и никому из королей ты не присягал. Воровская свобода во всей красе.

В небе громыхнуло, засверкали молнии, и чувство облегчения мгновенно исчезло.

Вертикальные струи дождя казались сплошным водопадом. Приставать к почти невидимому берегу Квазимодо не рискнул. Течение волокло отяжелевшую лодку. Вор сделал на носу подобие тента из плащей, а сам безостановочно вычерпывал воду. Ослепительно сверкали молнии, все вокруг становилось пронзительно белым...

Последние капли еще падали в рыжую речную воду, но уже всю сверкало солнце. Квазимодо сидел в воде, на две трети наполненной лодку, и утомленно смотрел на котелок, покачивающийся на поверхности и тычущийся в колени новому хозяину. Котелок был хорош, с плотной крышкой, которую можно использовать как сковородку. Раньше принадлежал одному из десятников – кажется, владельца сожрал аванк еще в свой первый обед. Квазимодо вздохнул и принялся вычерпывать воду. От быстро сохнувших плащей поднимался пар. Снова развопились птицы в прибрежных зарослях.

Все-таки двигаться по течению и против течения – большая разница. Проплывали мимо берега. Квазимодо подправлял лодку веслом, иногда греб подольше. Хотелось есть. И болел рот. Вор сплевывал розовую слюну. Так всегда бывало – стоит чуть повредить искаленную пасть, и потом будет заживать неделями.

Квазимодо сплюнул еще разочек, вынул из потайного кармашка драных штанов сомнительный кусочек. Жилка единорожья. Рог мифического животного вроде работает. Вон даже слабительное определяет. У самого вора до сих пор нехорошо булькало в желудке, а съел-то всего капельку фасоли. Квазимодо подозрительно осмотрел эластичный серый комочек и сунул за здоровую щеку. Вкус оказался неплохим – освежающий, слабый, отдаленно похожий на мяту. Квазимодо принялся грести, через какое-то время сплюнул – кровь вроде бы идти перестала.

Солнце уже клонилось к закату, когда вор пережил крайне неприятное мгновение. Аванк затаился у тростника, притворяясь безжизненным бревном. Квазимодо мгновенно забыл об усталости и изо всех сил погнал лодку к другому берегу. Чудовище не обратило на гостя никакого внимания. Постепенно вор начал работать веслом не так лихорадочно – во-первых, устал, во-вторых, аванк выглядел слишком неподвижным. И широкая лапа торчала из воды как-то неестественно.

Подплыть Квазимодо решил не скоро. Вообще приближаться к чудовищу было делом заведомо глупым. Вор оправдывал себя тем, что опасно оставлять позади себя непонятно кого, но на самом деле парня мучило любопытство.

Квазимодо осторожно подогнал лодку поближе, поднял арбалет. Глухо щелкнула тетива – болт тяжелого флотского арбалета клюнул чудовище в хвост, со стуком, словно угодив в камень, отскочил от костистых щитков и исчез в тростнике.

«Если он настолько умен, чтобы так притворяться, – хрен с ним, пусть меня жрет», – подумал вор, заряжая арбалет.

Аванк был мертв. Квазимодо по-хозяйски потыкал его веслом, поразглядывал толстенную, словно сложенную из кожаных щитов шкуру. Потом вор не отказал себе в удовольствии: влез на тушу и прошелся по широкой спине. Здесь было где прогуляться. Квазимодо ощутил прилив законной гордости. Впрочем, тут же пришла в голову трезвая мысль – возможно, это совсем другая тварь? Со времени битвы прошло почти двое суток, а ящер выглядел свеженьким, точно только что покинул сей бранный мир. Вдруг их тут много, и этот сдох от старости или от какого-нибудь другого расстройства? Обеспокоенный вор спрыгнул в воду, обошел чудовище со стороны тростника и ухмыльнулся. Тот самый – из воды торчало древко карро. Отличной машиной был утонувший эвфитон, не зря волокли через болота и горы. Квазимодо потрогал толстую стрелу – глубоко сидит. Вор посмотрел в мутный полуприкрытый глаз ящера. Что, хреново тебе, живоглот? А когда нас жрал, весело было? Квазимодо уже собирался вылезать из воды, когда заметил сквозь воду тусклый блеск металла. Нож торчал под нижней челюстью аванка. Как же лягушка умудрился?! Там, в воде, и собственной руки не разглядеть было. Квазимодо с трудом, упираясь в шершавый бок чудовища, высвободил плотно засевший нож.

В лодке был топор, и вор вырубил кусок мяса из лапы аванка. Мясо свежее – видать, тварь околела действительно совсем недавно. Вот и хорошо, а то мог бы напоследок и отомстить – долго ли ему, даже подышающему, лодку разнести?

Быстро темнело. Квазимодо едва не проскочил памятное место. Лодка ткнулась в берег, и вор с копьем в руках выбрался на песок.

Темнел растянутый на ветвях провисший плащ.

– Только не вздумай швыряться в меня ножом, – предупредил Квазимодо. Смутная фигура, лежащая под маленьким тентом, не отвечала.

* * *

Вор сидел на корточках, придерживал под белобрысый затылок фуа и поил из фляги. Ныряльщик лежал совершенно обессиленный, но пил жадно. Когда баклага опустела, фуа прошептал:

– Зачем вернулся?

– Лодкой займусь, костер разведу, пожарать сготовлю – потом буду всякую ерунду объяснять, – пробурчал вор.

Огонь Квазимодо развел подальше от берега, за стеной тростника, чтобы со стороны реки было не слишком заметно. Туда же вор перетащил фуа. За прошедшие дни ныряльщик еще больше отоцал – казалось, осталась одна одежда. Квазимодо уложил товарища на охапку нарубленного тростника. На прежнем месте раненый валялся в натекающей после дождя луже. Вор укрыл несчастного сухим плащом. В котелке, висящем над огнем, уже булькало.

Потерявший сознание во время транспортировки на новую постель ныряльщик пришел в себя. Стонать он не стонал, но шепот стал еще прерывистей:

– Зачем ты вернулся?

– Нож свой забрать. И отдать тебе твой, – пробормотал Квазимодо, не оборачиваясь.

– Зачем мне нож? – едва слышно прошептал фуа. – Я уже почти умер.

– Вряд ли. У тебя даже жара нет. Сдается мне, ты просто решил побездельничать.

Ныряльщик не ответил – опять лишился чувств.

Квазимодо не торопясь поел. Бульон из аванка получился неплохой, вот только мясо жестковато. Вор полежал, чувствуя приятную тяжесть в животе, потом взял котелок и подсел к больному.

– Я не хочу, – прошептал фуа. – Дай лучше воды.

Квазимодо не спорил, дал напиться. Когда вор сюда вернулся, у ныряльщика не оставалось ни капли воды. Видно, жажда его мучила страшно, Квазимодо видел следы на песке – фуа пытался набрать речной воды, только непонятно, удалось это раненому или нет. А вот дождевую воду он явно выпил всю до капли. На дне котелка по-прежнему болтался кусочек волшебного рога. Может быть, именно эта костяшка, вернее, настоящая на ней вода и не давала развиваться жару? Квазимодо отлично знал по опыту – такие ранения всегда приносят воспаление, потом начинается лихорадка, плоть гниет – и человек в жарком бреду уходит к предкам. Обычно и лекари не помогают.

Насосавшись воды, фуа пытался закрыть глаза, но Квазимодо решительно сунул ему под нос ложку с бульоном.

– Я не хочу, – прошептал ныряльщик.

– Не ломайся, как столичная девка. Тебе нужна пища. Так что давай жри, а то воды больше не дам.

Фуа съел не больше десяти ложек – и снова вырубился.

Квазимодо прошелся вокруг лагеря. Река издавала привычные звуки, еще дальше, за прибрежными зарослями, угрожающе взрыкивал какой-то зверь. Там лежал необъятный степной простор. Ветер доносил запах, но самой степи вор, по сути, так и не видел.

Гамак натянуть было негде, и Квазимодо улегся на охапку тростника. Не так уж и плохо. Спать придется вполглаза и вполуха. Еще никогда одноглазому парню не приходилось ночевать так далеко от города практически в одиночестве. Ну, когда-то надо ведь начинать? Особенно вор не боялся, но вот проснуться от пинка Глири будет очень неприятно.

Утро началось еще в полной серости неба с оголтелого птичьего щебета. Вор сел, яростно почесал голову и сплюнул. Крови в слюне не было – уже хорошо.

Фуа не спал. Вор посмотрел на осунувшееся лицо товарища:

– Выспался? Небось жрать хочешь?

– Кажется, да, – нерешительно прошептал ныряльщик.

– Одумался, значит. Хорошо. Сейчас позавтракаем, а потом я тебя пытаться буду.

Фуа не выдерживал, орал, терял сознание – полностью отмочить присохшую повязку так и не удалось. Квазимодо яростно сопел, лил теплую воду, тянул заскорузлую ткань.

Нога выглядела страшно. Красная плоть, остатки мускулов натянулись, обхватывали кость узкими лоскутами – нога казалась непомерно тонкой, как у обглоданного скелета.

Белое лицо фуа было покрыто каплями пота. Ныряльщик с ужасом смотрел на то, что еще недавно было его ногой.

– Лучше бы он мне голову откусил.

Квазимодо насмешливо хмыкнул:

– Ты выглядишь куда лучше, чем все прочие, кому пришлось близко познакомиться с нашей ящеркой.

– Они уже умерли, а мне еще предстоит.

– А ты хотел жить вечно? Перестань ныть. У тебя даже никакого жара нет, сидишь, как баба, языком болтаешь. Ты еще слезупусти. Конечно, кочерга твоя выглядит мерзко – так и времени совсем ничего прошло. Похоже, нога заживет и даже к твоей заднице прицепленной останется.

– Ты не понимаешь – я не смогу плавать. Я даже ходить, наверное, не смогу. Разве можно так жить?

– Да где уж тебе жить. Подними рожу от палки своей обглоданной, на меня взгляни.

Фуа посмотрел на обезображенное лицо товарища, на впадину на месте вытекшего глаза.

– Извини.

– Пошел в жопу, – благожелательно ответил вор. – Он здесь ныть будет и разлеживаться, а у меня дел полно. Давай бинтоваться, но я тебя сначала зельем присыплю.

Квазимодо бережно скоблил рог единорога, стряхивая пыль на обрывок ткани. Потом присыпал рану и начал заматывать искалеченную ногу в относительно чистые полосы ткани. Во время процедуры фуа то и дело лишался чувств, но вор на такие мелочи внимание обращать уже перестал.

– Как ты его нашел? – спросил ныряльщик, слабыми пальцами пытаюсь вложить в ножны вернувшийся из реки нож.

– Ну, найти его было несложно. Вот забирая его, я чуть не обделался. Аванк, даже дохлый, жуткое зрелище.

– Так мы его убили?

– И убили, и частично съели. Эй, что это ты бледнеешь? Не вздумай блевать. Не каждому удается отобрать кусок собственного мяса и вернуть на место, хотя бы и через желудок. Такими подвигами гордиться надо. Лично я – горжусь.

– Да, про такого огромного аванка я и в сказках не слыхал, – пробормотал фуа.

– Вот-вот. А мы его прибили, как ужа недокормленного. Как говорила леди Катрин, «о таких вещах стоит рассказывать внукам и правнукам, сидя у камина». Ладно, хлебай водичку единорожью, а я сплаваю, делами займусь.

Жизнь была напряженной, но в общем-то неплохой. Квазимодо в поте лица добывал мясо и рыбу, стараясь разнообразить меню из каши и фасоли с чечевицей. Иногда удавалось подстрелить птицу или мордатую жирную крысу – их в тростниках водилась уйма. С рыбной ловлей у вора дела шли хуже. На грубоватую снасть, предусмотрительно позаимствованную у одного из моряков, рыба шла неохотно. Квазимодо менял наживки, насаживал даже кусочки подвяленного мяса аванка – в лучшем случае удавалось выловить двух-трех, вертких, похожих на коротких угрей рыбешек. Вор не слишком расстраивался – ему приходилось переживать куда более голодные времена. Конечно, было бы не плохо навялить рыбы про запас, но это куда проще будет сделать, когда фуа встанет на ноги. Если он, конечно, встанет. Пока ныряльщик лежал и наблюдал за бурной деятельностью товарища. Квазимодо не любил сидеть без дела. Его единственный глаз без усталости искал, что бы еще такое прибрать к рукам полезное, а если нельзя ничего прибрать, то что можно улучшить. Маленький лагерь приобрел обжитой вид. Вор соорудил навес из связок тростника, окопал убежище ровиком, отводящим воду во время коротких, но сокрушительных ливней. Кострище теперь было обложено камнями, готовить пищу и поддерживать огонь стало куда удобнее. Все эти хозяйственные мелочи доставляли Квазимодо истинное удовольствие.

Когда начинался ливень, вор забирался под крышу. Можно было побездельничать и поговорить. В основном товарищи обсуждали дальнейшие планы. Фуа уже мог сгибать ногу. Голень покрылась тонкой ранимой кожей, спрятавшей узловатые остатки мышц. Сухожилия и связки постепенно восстанавливались. Стирая бинты, Квазимодо частенько гадал об истинной стоимости рога единорога. Сколько же можно выторговать за подобное чудодейственное средство, если предложить понимающим людям?

* * *

Дождь лил сплошной стеной. Ближайшие кусты смутно виднелись в этом водопаде.

– Назад поворачивать нет никакого смысла, – сказал фуа. – Через болото нам вдвоем не пройти.

– О болоте и думать нечего, – категорично замотал головой Квазимодо. – Меня в ту грязь и десяток сотников не загонит. Но мы могли бы пристать к оркам. Они парни не такие уж и плохие. И мы могли бы быть полезны друг другу. Пережить сезон дождей в какой-нибудь сухой пещере куда приятнее, чем опухнуть в этих зарослях.

– А дальше что? Мы не можем всю жизнь пользоваться гостеприимством твоих клыкастых знакомых. К тому же я не смогу прыгать и лазить по скалам.

– Нужно будет – еще как запрыгаешь, – заявил вор. – Не хочешь же ты вечно валяться на постели, как какая-нибудь смазливая рабыня?

– Не хочу, – с вздохом согласился фуа. – Но все равно – что мы будем делать в горах? Коз пасти ни ты, ни я не умеем.

– Это – да. Я не скотовод. Не повезло. С детства люди испортили мою ранимую душу. Теперь меня к невинным животным подпускать нельзя. В общем, неплохо было бы вернуться к людям. Хочется пива, новые сапоги и повалять какую-нибудь глупую бабу. И еще хочется

облапошить кого-нибудь умного и великого – вроде нашего Глири. – Вор ухмыльнулся. – А что ты сам думаешь?

– Мне все равно, куда идти, – тихо сказал фуа. – Я тебе должен. Не знаю, будет ли толк с такого одноногого существа, как я, но...

– Ты мне еще в вечной верности поклянись, лягушка объединенная. – Квазимодо сплюнул в шуршащие струи дождя. – Что я тебе, лорд пузатый? То я тебе должен, то ты... Хватит. Не слишком я верю в человеческую благодарность. Пока не мешаем друг другу – идем вместе. А дальше как получится. Ты же не дурак – понимаешь, что со мной дружить опасно. Укоротят меня когда-нибудь и на руки, и на голову.

– Воровать плохо. И опасно, – нерешительно сказал фуа.

– Кто бы спорил, только не я. – Квазимодо вытянулся на спине, заложил руки за голову. – Я последнее время с бумажками немного повозился. Лихое дело, между прочим, пером карябать. Куда прибыльнее, чем кошельки срезать или по вечерам пьяным морякам затылки проламывать.

– Тоже опасно. Поймают – повесят или голову отрубят. – Фуа подставил руку под ручеек, бегущий с крыши, вытер лицо.

– Опасно, – проворчал Квазимодо. – А скажи, ты, лягушка честная, бескорыстная, – нырять на глубину, туда, где темно, как в заднице, не опасно?

– Опасно. Рано или поздно не вынырнешь. Но это честная работа. За нее не вешают. Слушай, Ква, ты не можешь не называть меня лягушкой? Во-первых, я уже никогда не смогу нырять, а во-вторых, лягушками у нас называют людей, которые охотятся за речным жемчугом.

– Ай-ай-ай – речной жемчуг? Позор-то какой! А как мне тебя называть? Имя ты так и не назвал.

– Кончилось мое имя, – мрачно сказал фуа. – Теперь уж, вместе с ногой, точно кончилось. Так что называй, как хочешь. Только не лягушкой.

Квазимодо фыркнул:

– Ранимый ты какой. Девкой бы тебе родиться. И мне было бы веселее. Ну, ладно. Ногу тебе все-таки не откусили – так, обгрызли немного. Красивое имя я тебе ни в жизнь не придумаю – учености не хватит. Значит, был ты ныряльщик, а раз тебя аванк укоротил – будешь Ныр. Не смущает?

– Нет. Правильное имя, мне теперь только в одну сторону – ныр. А наверх уже вряд ли.

Квазимодо рассердился:

– Что ты за порода такая?! Задницу еще свою от лежанки оторвать не пробовал, а уже – «прыгать я не буду, нырять я не буду, на бабу я не залезу». Можно подумать, когда у меня полморды отлетело, мне легче было. Ничего, жив, сыт и даже развлекаюсь. Вот скажи, что, по-твоему, Глири подумал, когда без штанов очнулся? Эх, я не видел. Ну, разве ради таких моментов не стоит жить?

Фуа засмеялся:

– Ты прав. Я бы тоже хотел посмотреть. Но, боюсь, сотник подозревает, что это твоих рук дело. Может быть, ты его зря не убил?

– Возможно. Но Флот велик и могуч. Если кто-то из нашего отряда вернется и начнет болтать, то я не хочу занять славу дезертира и бунтовщика. Лорд Найти к таким вещам строг, а меня не опознает только слепой. Вдруг когда-нибудь мне придется столкнуться с героями Глора?

– Боюсь, у них все равно возникнут вопросы. Думаю, петли тебе будет не миновать.

Квазимодо кивнул:

– Это точно. Но если есть вопросы, всегда остается шанс выпутаться. Не очень большой шанс, конечно, но все равно лучше, чем никакого. Впрочем, надеюсь, что я никогда не увижу выпела лорда Найти. В Глоре меня никто не ждет, так что пошли они все в задницу...

Ночью вор подпрыгнул от шороха в кустах. Ныр тоже проснулся.

– Что это? – прошептал Квазимодо, хватая арбалет.

– Не знаю. Что-то большое.

– Хорошо, что не маленькое, – нервно прошептал Квазимодо. – В маленькое в такой темени попасть сложно. Что ты сидишь с ножом, как проститутка портовая? Возьми арбалет. Я уж как-нибудь копьем и мечом обойдусь.

– Я не умею с арбалетом. У нас их нету.

– Мозгов у вас нету, а не арбалетов, – яростно прошептал вор. – Раньше сказать не мог?

Квазимодо поспешно сунул в почти угасший костер ветки. Тяжелый хруст в зарослях приблизился. Пламя костра билось на ветру, кидая быстрые тени на кусты и тростник. Вору показалось, что он перенесся из тысячу раз исхоженного лагеря в какое-то совершенно неведомое место. Из темноты кто-то или что-то смотрело. Квазимодо держал на коленях заряженный арбалет. Так и подмывало выстрелить.

– Мы выглядим глупо, – прошептал фуа.

– Правда? – Вор на мгновение оторвал вспотевшую руку от грубовато выточенного ложа арбалета, вытер слюни. – А что ты предлагаешь? Спеть что-нибудь или встать и пойти знакомиться?

– Лучше встать и пойти, чем так ждать. Мы не знаем, что там.

– Ну и хрен с ним. Я вполне могу обойтись и без разгадывания этой тайны. Только пусть ОНО там и останется стоять.

– Глупо ждать. ОНО может атаковать неожиданно, – хрипло шептал ныряльщик.

– Предлагаешь очень ожидающе атаковать его? Это в тебе страх пополам со смелостью говорит. Сидя здесь, я могу успеть выстрелить и даже за копье могу успеть взяться. А если попрусь туда... Короче, когда отрастишь себе ногу, сможешь разгуливать по кустам и интересоваться, что там такое прячется... А пока я лучше у костра посижу... – Вор удобнее упер локти в колени. Держать тяжелый арбалет было нелегко.

Существо в кустах хрустнуло ветвями и начало удаляться.

– Вот, – сказал Квазимодо, сглатывая слюну, – ОНО решило, что если мы так уверенно сидим, то имеем на это право.

– Или ОНО разглядело, как мы выглядим, и побрезговало нас жрать, – выдвинул свою версию ныряльщик.

– Так даже лучше. Я люблю быть неинтересным, – пробормотал вор.

Проснулся Квазимодо от того, что небо начало раскачиваться и норовить рухнуть на голову.

– Ты, Ныр, дурак или как? – со вздохом сказал вор. – Я этот замок строил, строил...

Фуа, опираясь о жердь, поддерживающую тростниковую крышу, пытался подняться на ноги.

– Давай-давай, – прокомментировал эти жалкие усилия Квазимодо. – Развали нашу хижину, свались сам. Может, повезет – долбанешься головой своей тупой. Нет взять нормальный костыль и попробовать встать с помощью крепкой товарищеской руки и умного совета.

– Я должен стоять на ногах сам, – пропыхтел ныряльщик. Выпрямиться ему явно не хватало сил.

– Ясное дело, – согласился вор. – И стоять, и мочиться, и рыбу ловить. Еще было бы тебе неплохо научиться из арбалета стрелять. Можешь заняться всеми делами сразу. Ты парень вон какой резвый. Заодно, раз уж решил размяться, воды принеси, а то дождевая почти кончилась.

Фуа с ненавистью посмотрел на друга.

– Что? – удивился вор. – Проблемы какие-то? Тогда сядь спокойно и жди. Я сейчас завтрак приготовлю. Потом посмотрю, кто там ночью ходил, и попробую подбить что-нибудь мясное на обед. Потом закончу вырезать тебе костыль. А ты можешь пока задирать свою обгрызенную лапу, махать ею и думать, как она должна правильно работать. Один мой знакомый...

– Ты уже рассказывал про своего Энгуса. Только у него лишь сустав был поврежден, а у меня с ноги все мясо содрали.

– Зато у тебя суставы целы. И вообще ты задницу себе наел, капризным стал, как королева. Встать не можешь – разрабатывай ногу лежа. Умные люди советовали, не островитяне какие-нибудь...

Следы в зарослях поставили Квазимодо в тупик. Видно, что кто-то большой прошел, но кто – не понять. На земле остались неясные бесформенные вмятины. Висели обломанные ветки. Вор прошел довольно далеко, нашел подсохшее кровавое пятно. Вокруг валялись мелкие осколки костей и обрывки шкуры. И опять Квазимодо даже отдаленно не мог представить, кто именно стал добычей ночного посетителя.

На обратном пути вор сшиб с ветки зазевавшегося напыщенного попугая, но потерял стрелу. Ночь была неудачная, день продолжался немногим лучше.

Попугай варился долго, но все равно оказался жестким. Квазимодо жевал мелко нарезанное мясо, запивал супом и попутно работал ножом. Толстый костыль уже принял нужные очертания. Вор неоднократно заставлял товарища примерять «третью ногу», пока еще лежал. Фуа маялся – на ноги встать ему очень хотелось, но он боялся.

Все оказалось не так страшно. Вор помог товарищу подняться и опереться на костыль. Дальше фуа уже самостоятельно проковылял несколько шагов. На раненую ногу он еще опираться не мог, но с костылем ковылял довольно уверенно.

– Хватит, – сказал Квазимодо. – Распрыгался тут. Ложись, бездельничай, а то с морды уже пот капает.

– Я до реки дойду.

– Ага. Не терпится? Исккупаться решил? Учти – твоя палка увязнет, ты шлепнешься в воду и будешь так беспомощен, что тебя любая пиявка на дно утащит. Что ты за существо такое нетерпеливое? Ложись, говорю. Успеешь напрыгаться. Другие дела есть.

* * *

От занятий с арбалетом особого толку не получилось. Ныряльщик был сообразителен, но по-настоящему удержать тяжелое оружие в руках и прицелиться ему не хватало сил. Квазимодо ругался:

– Да тебе к арбалету тренога нужна, как к эвфитону. Совсем ты захирел, здесь валяясь.

Целясь с опоры, фуа все-таки засадил болт в дерево, стоящее шагах в тридцати. Вор долго ругался, выковыривая плотно застрявший наконечник.

Сходяв за водой, Квазимодо вдруг принялся устраиваться спать. Зная характер деятельного друга, Ныр с опаской поинтересовался:

– Думаешь, ОНО придет ночью?

– Думаю, нет. Раз мы ему были неинтересны вчера, чего ЕМУ к нам сегодня переться? Но раз мы не знаем, что ОНО такое, так как можно предвидеть, что придет ему в башку? Если у него башка-то есть. Короче – лучше нам ночью не засыпать слишком крепко.

– Ква, может, нам лучше сесть в лодку и уплыть, пока не поздно?

– Может, и лучше, – неохотно сказал вор. – Да только тебе еще сил поднабраться нужно. И лучше это делать на обжитом месте. Так что разглядывай арбалет, а мне дай, ради всех богов, поспать.

Ужинали уже в темноте. Топлива для костра Квазимодо запас предостаточно и теперь чавкал разваренной фасолью, прислушиваясь к просыпающейся ночной жизни.

– Плыть нам нужно было, – тихо сказал фуа. – Я бы в лодке нормально себя чувствовал. А здесь, можешь надо мной смеяться, как-то страшно стало.

– Сейчас оборжусь. Я, Ныр, над глупыми смеюсь, а не над осторожными. Самому что-то жутковато. Вот тварь ночная – и не показалась, а дрожи какой нагнала. Завтра поплывем. Испортила зверина место. А я только собирался навес переложить получше...

* * *

Истошный визг взлетел над чащей и тут же оборвался. Ночь и до этого была полна звуков охоты – кто-то спасался в ветвях, кого-то ели. Но сейчас в зубы хищника попался кто-то покрупнее крысы или сонной птицы.

Друзья сидели у огня. Ни о каком сне не могло идти и речи.

– Кажется, к нам идет, – мрачно казал Квазимодо и взял арбалет. Вставил нос рваного сапога в «стремя», заныла натягиваемая тетива.

Фуа неуверенно принял заряженное оружие.

– Ты, главное, не сомневайся, – пробормотал Квазимодо. – Оно не тоньше дерева. Попадешь.

Огонь костра горел ровно. Вор сидел, прикрыв глаз, напряженно прислушивался. Неясный шорох и похрустывание веток приближались. Показалось – существо пройдет мимо в глущине зарослей. Квазимодо уже был готов вздохнуть спокойнее, но шорох приблизился.

Вор кашлянул и сплюнул. Фуа вздрогнул от громкого звука.

– Чего скромничать? – пояснил Квазимодо. – Костер светит, да и чует Оно нас. Раньше начнем, раньше кончим. Может, до утра поспать успеем.

– Я что-то спать совсем расхотел, – пробормотал ныряльщик.

– Так, может, никогда и не придется, – успокоил Квазимодо.

Привстав на колено, он ощупал оружие на поясе, придвинул ближе копье и топор и сунул в костер заранее приготовленную пару факелов.

Хруст раздавался уже в выходящих на поляну кустах.

– Главное – спокойнее, – напомнил вор. – Нам особенно торопиться некуда.

Ветви шевельнулись, и на маленькую поляну выплыла тень. Квазимодо онемел. Он ждал чего угодно: животное с двумя головами-змеями, о котором столько болтали в отряде, или великана-огра, или гривастую кошку, шкуры которой иногда продавали в Скара. Но из кустов выплыла просто тень – сгусток ночной тьмы без рук, ног и тела. Вор смотрел, открыв рот, слюна предательски лезла на подбородок, но сейчас Квазимодо ничего не чувствовал. Тень слегка колыхалась, ее очертаний в ночи невозможно было разглядеть. Казалось, нижняя часть неведомого существа просто висит над землей.

Э нет, так быть не может. Квазимодо сам видел днем следы. Пусть и неясные, но совершенно реальные. Значит – морок.

Вор выпрямился с факелом в руке:

– Что нужно? Мы здесь временно. Если границы нарушили – то не нарочно. Флот Глора может возместить ущерб от пребывания своих людей на дружественных землях.

Больше Квазимодо ничего умного придумать не мог и замолчал. Вообще глупо пытаться завести переговоры с черным сгустком. Чем оно ответить может, если не то что язык, голова отсутствует?

ОНО ответило. Колыхнувшись, поплыло вперед. В движении мелькнула такая неприкрытая алчность, что вор мгновенно перестал колебаться – швырнул во врага факел и взвизгнул:

– Стреляй, Ныр!

Щелкнул арбалет. Квазимодо показалось, что стрела, идущая в верхнюю часть сгустка, необъяснимым образом отвернула в сторону и ушла в кусты. Если на арбалетный болт тьма никак не среагировала, то летящий факел заставил неведомое создание качнуться в сторону. На мгновение во тьме мелькнуло что-то телесное – плотное, неуклюжее, со складками жира и валами тяжелых мускулов. Рассмотреть точнее вор не пытался.

– Валим отсюда! Быстро!

Квазимодо ухватил друга за шиворот, вздернул на ноги. Фуа, вскрикнув, едва успел ухватить свой костыль.

– Арбалет брось, дурак! – рявкнул вор. Ныряльщик послушно выпустил оружие. На трех ногах и костыле друзья спешно запрыгали к берегу. Квазимодо, держащий в свободной руке факел, оглянулся. Сгусток, огибая костер, двигался следом. Звякнул, опрокидываясь, котелок.

Лодка, спущенная на воду еще засветло, покачивалась на черной глади. Церемониться было некогда – вор толкнул товарища в лодку. Фуа завопил от боли. Квазимодо обернулся к чересчур быстро накатывающей тени, швырнул в нее факел. Тьма отшатнулась. Вор рубанул лезвием кукри веревку, привязывающую лодку к вбитому в песок колу. Спихивая лодку на глубину, перевалился внутрь. Ныр снова завопил – Квазимодо придавил ему уже обе ноги.

– Не ори! – зарычал вор. – Еще и аванков разбудишь.

* * *

Квазимодо энергично работал веслом. Факел на берегу еще горел, но черной тени заметно не было. На душе полегчало – неведомая тварь в воду все-таки не сунулась. Фуа, стоя, с трудом сел и взялся за второе весло.

Вскоре Квазимодо пробормотал:

– Что ты разогнался? Рыбное место вспомнил?

– Хрен тебе по всей косой роже, а не рыба! – проскрежетал зубами ныряльщик. – Ты что, не мог подождать, пока я в лодку сяду? Дермояд хитрозадый, трезубец тебе в рот по самые пятки.

Квазимодо засмеялся:

– Да ты совсем выздоровел. Ишь как загибаешь. Только не греби как сумасшедший.

– Не могу. Мне больно до дрожи. А весло меня успокаивает.

– Тогда по кругу греби. Нам далеко уходить незачем. Утром вернемся.

– Сдурел?!

– Это ты сдурел от боли. У нас все хозяйство там осталось. И жратва, и котелки. Об оружии я уже не говорю.

– А если ОНО засветло не уйдет?

– Чего это не уйдет? Всегда уходило. Что, ему твою жеваную ногу сидеть дожидаться?

Где-то рядом плеснула рыба. В воде отражались звезды. Боль в поврежденной ноге слабеет. Посапывая от последних приступов боли, фуа отложил весло.

– Ты извини, – непонятно зачем сказал Квазимодо. – Я не хотел, чтобы больно было, только сильно торопился. Этот, расплывчатый, уже чуть за задницу нас не взял.

– Да я понимаю, – глухо сказал фуа. – Я же ругался так, чтобы полегчало.

– Это правильно. Мне, как услышу «дермояд», сразу легче становится. А то ты все молчишь, скромный, как девка изнасилованная.

– Сам ты девка. Криворукая. Следующий раз предупреждай, когда со мной как с мешком обращаться будешь.

– Обязательно. Только ты у нас по воде главный. Так что в следующий раз, когда сматываться будем, ты должен уже в лодке сидеть и мне свою лапу лягушачью протягивать.

Фуа хмыкнул:

– Я постараюсь. Слушай, Ква, а я в это чудище почему не попал? Я ведь целился правильно. Да и рядом было.

– Ты попал. Только этот морок, похоже, только огня боится.

– А кто это такой был?

– Я почему знаю? Это вас, дарков, спрашивать нужно. Тварь-то из ваших.

– Это я-то дарк? – возмутился ныряльщик. – Да у нас на островах, кроме моргенов,²³ ногглов²⁴ и селков²⁵ никто из ночных и не водится. Это вы, люди всегда с дарками в игры играете. Ты вот зачем с ним разговаривал? У него ни переды, ни зады нет. Чем он, по-твоему, с тобой разговаривать должен?

– Да мне все равно чем. Леди Катрин всегда сначала договориться старалась, а уж потом рубиться.

– Ну и как, получалось? – полюбопытствовал фуа.

– Иногда. Нынче разве кого нормального найдешь? Любят все железом помахать, клыками поклацать, прямо спасу никакого нет. Культуры и искренности народу не хватает, – печально известил вор, – все как сговорились, вонючки недоношенные...

Все вещи оказались лежащими на месте. Только котелок оказался сплюснут едва ли не в лепешку. Квазимодо посмотрел на свет – вроде не прохудился.

Вор таскал вещи в лодку. Ныряльщик их укладывал. Сидя в лодке, фуа, как ни странно, почувствовал себя гораздо лучше.

– Ну что, поплыли?

Квазимодо, стоя по колено в воде, осматривал поляну, где они прожили почти пятнадцать дней. Не так уж и плохо было. Сами себе хозяева, да и пожрать всегда было чего.

– Любуешься? – пробурчал фуа. – А я, между прочим, в здешних местах чуть три раза не погиб.

– «Чуть» не считается. Куда бы мы ни поплыли, найдется место, где умрем по-настоящему.

– Предлагаешь не искать неизвестности и дожидаться этого смутного ночного?

– Нет уж, – сказал Квазимодо, забираясь в лодку, – этого ночного уже знаем. Еще раз – неинтересно.

Лодка поднималась по течению. Гребли друзья не торопясь, никто не подгонял, но все равно свободная лодка двигалась быстро. На ходу фуа умудрялся ловить рыбу. Грубая снасть, с которой так мучился Квазимодо, ныряльщику ничуть не мешала. Готовили добычу на коротких стоянках. Жаренная на вертеле или запеченная в листьях рыба получалась великолепной – в приготовлении таких блюд Ныр не знал себе равных. Правда, для достойного гастрономического эффекта Квазимодо приходилось лазить по прибрежным кустам, отыскивая нуж-

²³ Моргены – морские феири.

²⁴ Ноггл – в фольклоре жителей Шетландских островов водяная лошадка.

²⁵ Селки – феири, «тюлений народ».

ные листья и корни. Фуа, невзирая на искаленную ногу, перестал быть запуганной человеко-лягушкой, и теперь вполне мог покомандовать товарищем. Квазимодо не спорил, в делах, связанных с рыбной ловлей, ныряльщик разбирался куда лучше. В решении всех остальных проблем непререкаемым авторитетом оставался сам вор.

– Да, интересная мы компания, – сказал Квазимодо, без спешки отделяя поджаренную кожицу от белой мякоти. – Я одноглазый, ты пока одноногий. Кто встретит – оборжется. Нам еще безрукого слепого колдуна не хватает и девки-жонглерки. Могли бы представления давать.

– Я уже могу ступать на ногу, – возразил фуа, насаживая на деревянный вертел новую рыбу.

– Жаль. Тогда тебя придется девкой-жонглеркой переодеть. Иначе денег не заработаешь.

– Отличная мысль. Может, мне начать тренироваться? Например, регулярно метать ножи в сильно умных и красивых жуликов?

– Ладно-ладно. Ты пока ногу свою перепончатую тренируй. Гордый да заносчивый ты, Ныр, стал, прямо страх. Ты, случаем, не принцем там, на своих островах, был?

– Сам ты принц.

– Понятно. Ну, если мы не лорды благородные, то неплохо бы помнить, что лучше себя не выпячивать. Людям ни тебя, ни меня любить не за что. Они и не будут.

– Я знаю. – Фуа пристроил вертел над углями. – Может, мне не стоит людям показываться? Попадется жилье, ты зайдешь в деревню, разведаешь, что там, а я подожду у реки, лодку посторожу.

– Нет, так не пойдет. Если ты не собираешься к себе на острова возвращаться, то нужно приспособливаться к людям. Так, одному, прожить трудно.

– Толку с твоих людей. Чем они помогут? Только по ребрам надают да жабой обзовут.

– Что да, то да, – согласился Квазимодо. – Не стоит ждать милости от людей. Взять эту самую их милость – вот наша задача. Люди – это не только пинки да блевотина трактирная. Это еще и денежки, и одежда новая, и оружие подходящее. Бабы, в конце концов. Ты ведь, Ныр, когда-то и жениться надумаешь.

– Я?! На человеческой бабе?! Меня с них воротит. Я тебе уже говорил.

– Ну, красоток с перепонками для тебя найти трудновато. Хочешь, не хочешь – придется с женщинами попробовать. Вдруг когда-нибудь наследников захочешь. Или вы там у себя икру мечете?

Квазимодо увернулся от шлепка потрошенной рыбой по затылку, сочувственно вздохнул:

– Я и говорю, как такому горячему парню без бабенки обходиться?

– Заткнулся бы ты насчет баб, – раздраженно пробормотал фуа. – Самому тебе жениться нужно.

– Вот найду одноглазую обезьяну – тогда сразу посватаюсь.

– Что ты со своей рожей и глазом так носишься? Не такой уж ты и страшный, если приглядеться.

– Ну да – если с этой стороны смотреть. – Вор шлепнул себя по здоровой стороне лица. – Довольно трудно трахать бабу, держась исключительно слева от нее. Я еще не научился. Впрочем, какая спешка? Я еще юный.

– А сколько тебе лет? – с любопытством спросил фуа.

– Шестнадцать вроде.

Ныряльщик сел прямо. На его лице отразилось явное изумление.

– Я думал, ты куда старше.

Квазимодо улыбнулся:

– Нет, мне еще шестнадцать лет, у меня еще имеется один глаз и уйма планов на будущее.

Правда, все они почему-то пока нечеткие.

Фуа поерзал, удобнее вытягивая больную ногу, и грустно пробормотал:

– А у меня вообще нет никаких планов.

– Ничего, доберемся до людей, и станет все понятно. Главное – разузнать обстановку. А там решим, что делать. Тебя не удивляет, что мы за столько дней не встретили ни одного человека?

Ныряльщик пожал плечами:

– Меня удивляет, почему мы не встретили ни одной лодки или плота. Река удобна для судоходства.

– Думаешь, людей не пугают аванки?

– Мы только одного встретили. На море тоже плавать небезопасно. Разве купцов это останавливает?

– Да, жадность куда только не заведет, – согласился Квазимодо. – Доедаем рыбу, пока на запах никто не пожаловал, и спать.

Во второй половине дня лодка подошла к порогам. Сотни маленьких каменных островков торчали из-под воды. Течение стало почти непреодолимым. Лодка с трудом продвигалась вперед. Квазимодо несколько раз предлагал повернуть к берегу, но фуа упрямо гнал маленькое суденышко вперед. Бурлила и звенела пенная вода. Ныряльщик каким-то чудом находил путь. Лодка вертелась среди каменных мокрых спин, но медленно продвигалась вперед. Квазимодо уже давно перестал что-либо предлагать, только, повинуясь командам, яростно работал веслом. Спина трещала от напряжения.

Когда вор почувствовал, что больше не может и сейчас выпустит весло, лодка выбралась на чистую, относительно спокойную воду. Подчиняясь голосу товарища, Квазимодо из последних сил греб к берегу. Они вошли в небольшую тихую заводь. Днище лодки заскрипело по покрытому мелкой галькой дну. Вор выбрался на берег, машинально закрепил лодку и плюхнулся на теплый валун. Фуа ковылял по мелководью, вынимая из лодки оружие.

– Никогда не загоняй меня в такое место, – пробормотал Квазимодо. – Я чуть не сдох среди этих перекатов. Как мы не перевернулись?

– Да, было здорово, – согласился ныряльщик.

Квазимодо сплюнул:

– Управляешь лодкой ты, конечно, замечательно. Но, ради всех богов, зачем мы полезли в эти камни? Так рисковать стоит, только если спасаешь собственную шкуру.

– А я и спасал. Ты видел, какие берега? Если бы мне пришлось лезть по таким кручам с костью, я бы точно свернул себе шею.

Квазимодо покачал головой и вытянулся на камне. Берега у перекатов вор толком рассмотреть не успел. Да и спорить теперь бессмысленно. Мускулы ныли, даже руку поднять не оставалось сил.

Впереди лежала гладь просторного озера. Вода изменила цвет – стала светлой, мягко-зеленоватой. Берега широко расходились. Левый – высокий, скалистый. Правый, поросший лесом, выбрасывал в озеро узкие щупальца-мысы. Над озером плыли медлительные легкие облака.

– Я хочу нырнуть. Мне нужно попробовать, – сказал фуа.

– Пробуй, – согласился Квазимодо. – Мы такие мокрые и затраханые, что твоей ноге хуже не станет.

Обессиленно ваяясь на камнях, вор смотрел, как ныряльщик хромает к воде. На фуа не осталось ничего, кроме ремня с ножом. Он был худым и хрупким, как скелет ребенка. Обтянутая свежей розовой кожей голень выглядела жутковато. «Хорошо, что нога не морда – можно штаны натянуть», – подумал Квазимодо.

Фуа с трудом забрался в воду и исчез. Квазимодо повалился еще, потом стянул с себя рубашку, вошел в воду и умылся. Вода казалась гораздо прохладнее, чем рыжая глинистая смесь в реке ниже по течению.

Морщась от боли в спине, вор принялся обустривать лагерь. Плыть сегодня дальше не оставалось никаких сил.

Квазимодо уже набрал груды выброшенных водой сучьев, а ныряльщика все не было. «Большим свинством будет с его стороны утопнуть, когда у меня все так болит», – подумал вор, кряхтя, нагибаясь и зачерпывая воды. В десяти шагах от берега появилась голова фуа. Квазимодо едва не схватился за кукри – искаженное лицо фуа было неузнаваемо. Ныряльщик двигался с трудом. В правой его руке дергался и бил хвостом большой пятнистый окунь. Квазимодо протянул руку, чтобы помочь. Фуа яростно отпихнул предложенную руку, шатаясь, выбрался на берег и повалился на камень. Квазимодо молча подобрал прыгающего по гальке окуня и пошел разжигать костер.

– Я никогда не смогу плавать, – пробормотал фуа. Его когтистые пальцы вздрагивали, с трудом удерживая кусок подсоленной рыбы.

– По-моему, ты только что и плавал, и нырял, – сказал Квазимодо, очищая нож.

– Ты не понимаешь. Я ныряю хуже драной медузы.

– Но уж, во всяком случае, лучше меня. И видишь ты лучше меня, и морда у тебя нормальная. И вообще перестань хныкать. Сам виноват – какого хрена полез в воду, когда нога не зажила окончательно? Рыбу выловил – будь доволен. А нога у тебя еще не скоро в норму придет. Давай жри.

Фуа впился в кусок своими мелкими острыми зубами. Хрустя сочной рыбьей мякотью, едва слышно пробормотал:

– Это никогда не пройдет. Нога как железо. Меня начинает крутить на глубине. Я никогда не стану прежним.

– Ну и прекрасно, – пробурчал Квазимодо. – Меньше будешь бултыхаться. Что там, на глубине, интересного, кроме рыбы? На суше куда веселее. И вообще мне без тебя скучно будет...

Утро выдалось лучезарным. Сияло солнце, блестела вода, расходились широкие круги от играющей рыбы. Квазимодо казалось, что он попал в какой-то совсем другой мир. Кругом все дышало безмятежностью и покоем. Вор попробовал себя уговорить, что все это лишь опасная иллюзия. В озере наверняка водились коварные навьы, а возможно, в глубинах таились и чудовища поопаснее и нав, и аванков. Все равно не верилось – утро оставалось чудесным.

Друзья наскоро перекусили остатками рыбы и спустили лодку на воду. Без особых обсуждений решили двигаться вдоль правого берега. Левый – голый и скалистый – выглядел непривлекательно.

Неторопливо работая веслом, Квазимодо оглядывался в поисках хозяек озера. Нет, наверняка в таком красивом месте живут навьы. Речных дев парню видеть еще не довелось. Морские бабы – другое дело. Хоть и издали, но вдоволь пришлось наглядеться на их щекастые морды и отвислые груди. Вор никогда не мог понять, как такие уродливые глупые создания умудряются соблазнять моряков. Про речных и озерных нав ходили совсем другие слухи. Например, леди Катрин уверяла, что речные девы очень хороши собою и не так уж и кровожадны. Насчет оценки женской красоты леди Катрин вполне можно было доверять – в этом вопросе леди хорошо разбиралась.

Мысли Квазимодо ушли далеко, и он не сразу заметил, что фуа с опаской принюхивается к воде.

– Что, аванк?!

– Нет. – Фуа с некоторым смущением посмотрел на приятеля. – Опасаюсь, что здесь могут быть навы.

– Ты что, баб с хвостами боишься? – с веселым изумлением спросил вор.

– Разное про них рассказывают. Лукавые они.

– Да, видать, вы, лягушки, не только на человеческих баб западаете.

– Сам ты западаешь, – с предсказуемым возмущением отвечал ныряльщик. – Вот начнут манить...

– Не бойся, я тебя спасу. Я к бабам устойчивый. – Квазимодо ухмылялся во весь свой кривой рот.

– А они к тебе как? – не без злорадства поинтересовался фуа.

– Ну, липнут не то чтобы часто. Но бывают такие случаи – о-го-го. Рассказать кому – не поверят.

– Да, ты брехун известный, – согласился ныряльщик. – Не вздумай мне заливать. Лучше скажи, у тебя зубы случайно расти не начали? Как-то у тебя рот изменился.

– Не начали, – вздохнул вор. Он ежедневно ощупывал торчащие осколки пальцем и уже свыкся с разочарованием. Правда, зубы перестали болеть и десны не кровоточили. Квазимодо почти постоянно держал во рту кусочек магической жилки. Приятный вкус стал привычен. Едва поев, вор бережно клал за щеку драгоценный комочек. Впервые за много лет искалеченный рот чувствовал настоящее облегчение. Правда, новые зубы расти все-таки не начали. Может быть, нужна жила поновее и побольше? Спросить бы у сведущего человека.

* * *

Солнце палило вовсю. Сквозь дымку на горизонте угадывались далекие горы. Мир казался удивительно бесконечным. Мимо лодки медленно скользил зеленый берег.

– Что это? – прошептал фуа.

Квазимодо и сам чувствовал знакомый тошнотворный запах. Мертвечина.

– Может, это твои навы так пахнут? – прошептал вор.

Из-за деревьев показалась небольшая поляна, и шутить сразу расхотелось. Грести друзья перестали, и лодка медленно скользила по инерции вдоль берега.

Тела повешенных замерли в жарком неподвижном воздухе. Почти каждое дерево на опушке несло страшный груз. Даже издали было слышно, как жужжат насекомые.

– Нужно посмотреть, – прошептал фуа. – Может, лучше нам сразу повернуть подальше от здешних мест?

Квазимодо колебался. С одной стороны, ныряльщик прав – поляна выглядит спокойно, кроме мух и птиц, ничего живого не видно. Если рассмотреть вздернутых – многое поймешь о здешней жизни. С другой стороны – высаживаться на берег мучительно не хотелось. В животе ворочалось предостережение. Этому чувству Квазимодо привык доверять – и никогда не занимался «делами», когда живот был против. Два случая, когда не послушал умное брюхо, кончились плачевно. Правда, один из них вылился в знакомство с леди Катрин. Но сейчас живот бунтовал явно не по делу – красть Квазимодо ничего не собирался. Наверное, это вид висельников так действует – вор себя слишком много раз представлял в этой роли.

– Идем? – нетерпеливо прошептал фуа.

Квазимодо неохотно кивнул.

Вор первым выбрался на берег. Присел с арбалетом наперевес. Смерд и жужжание насекомых стали невыносимы. Ветерок не шевелил даже листья. За спиной возился, привязывая лодку, ныряльщик. В многоголосом жужжании Квазимодо едва расслышал его шепот:

– Смотри, Ква...

У самого берега покачивался обломок лопасти весла. Не узнать его было невозможно – обычное весло лодки-скрадухи.

* * *

– Допрыгался наш сотник, – глухо сказал Квазимодо.

– Да, зря он так торопился, – гнусаво выдавил фуа – он прикрывал рот и нос перепончатой ладонью.

Глири можно было узнать только по длинным редким волосам и потрепанному дублету, который сотник не снимал и в самую жару. Распухшее и объеденное птицами лицо ничем не отличалось от багрово-черных масок мертвецов висящих на соседних деревьях.

– Их сначала убили, а потом повесили, – сказал фуа.

– Да, – согласился Квазимодо, – был бой...

Трава вокруг еще сохраняла многочисленные следы. Валялись обрывки тряпья и рассыпанная чечевица, вокруг бурых высохших пятен копошились мелкие муравьи. Темнели угли нескольких кострищ. Видимо, Глири здесь приказал остановиться на ночлег. Последний ночлег отряда. Ничего ценного на поляне не осталось – все утащили победители. Квазимодо даже видел тропу, уводящую в глубину леса.

– Здесь не все, – сказал ныряльщик.

Квазимодо только кивнул – среди повешенных не хватало техника и проводника. Не было и еще нескольких человек, но распухшие трупы слишком изменились, чтобы определить, кто именно отсутствует. Должно быть, попали в плен.

Пружина в животе болезненно закрутилась. Нужно отсюда побыстрее убираться.

– Эй, вы! Не шевелитесь и не дергайтесь.

Квазимодо метнул взгляд назад. На тропе стояли человек восемь. Как минимум пятеро из них натянули луки. Широкие наконечники стрел смотрели в грудь незадачливым пришельцам.

У вора заныли зубы. Будь оно все проклято, только что смотрел – не было там ни единой живой души.

Фуа медленно потянулся к ножу на поясе.

– Не трожь, поздно, – прошипел Квазимодо.

– Не шевелитесь – живы останетесь, – прикрикнул кто-то за спинами лучников.

Квазимодо с ненавистью разглядывал незнакомцев. Все воины – в кожаных шлемах, в легких джеках.²⁶ Мечи, луки, арбиры.²⁷ Нет, не справиться. Можно конечно, рискнуть – стрелнуть из арбалета – и за дерево. Там в заросли... Нет, шансы почти нулевые. А у колченогого Ныра их и вообще нет. Видать, придется из петли на мир взглянуть. Или ошейник надеть. Хотя кому полумордые рабы нужны?

От группы отделились двое воинов. Квазимодо надеялся, что, может, заслонят от луков, дадут мгновение скакнуть в кусты – нет, двинулись по сторонам, позволяя лучникам держать пришельцев на прицеле.

Высокий воин вынул из рук вора арбалет, засмеялся:

– Что, уродец, от страха слюни пустил? Ну-ка, руки за спину.

Квазимодо с изумлением почувствовал, как на запястьях защелкнулось что-то жесткое, металлическое.

– А этот – лягушка! – радостно закричал воин, занявшийся фуа.

²⁶ Джек – дублет или куртка, усиленная маленькими металлическими пластинками или просто простеганная.

²⁷ Арбир – упрощенная модификация алебарды.

– Да ну?! – Из-за лучников выступил человек без шлема, зато с дощечкой для записей в руках. – Вот это повезло. Где же они прятались? Да волоките их сюда, невозможно в этой вони стоять.

Подталкиваемые древками арбир Квазимодо и Ныр шли по тропе. Воины обсуждали неожиданное происшествие, хвалили какого-то Эри за бдительность. Как быстро сообразил вор, поимка фуа сулила доблестным солдатам неплохую награду. За одноглазых уродцев, похоже, ничего не причиталось, и Квазимодо окончательно пал духом.

Неожиданно тропа кончилась, и отряд очутился на выжженной солнцем пустоши. Здесь стояли повозки, запряженные крупными лошадьми. Несколько человек, по виду рабочие, заканчивали укладывать на повозку разобранные части лодок-скрадух. Квазимодо чуть не плюнул с досады – стоило приплыть чуть позже, и разминутись бы с этой командой трофейщиков.

Командир отряда, сильно смахивающий на писца из столь любимого вором отдела снабжения, похлопал ныряльщика по плечу, взял за отросшие завитки светлых волос на затылке:

– Красавец! Осторожнее с ним, ребята. Они хлипкие, эти фуа. Одного подбили, живым не довели. Этого обязательно нужно доставить. Сами понимаете...

– А с одноглазым что делать?

Писарь оценивающе оглядел пленника:

– Мелковат, но рожа редкой мерзости. Такой урод может пригодиться. Давайте и его тоже...

Один из солдат поднес фуа небольшую баклагу:

– Давай, лягушка. Один глоток, не больше. Не бойся, не отравим.

Фуа кинул вопросительный жалобный взгляд на друга. Квазимодо пожал плечами – чего уж теперь кочевряжиться.

Ныряльщик глотнул, ноги его мгновенно обмякли, и он рухнул бы на землю, если бы его не подхватили двое солдат.

Яд все-таки. Квазимодо совершенно не понимал смысла. Какой резон травить пленников, когда можно повесить или просто мечом ткнуть?

Безвольное тело фуа уже закинули на повозку.

Ко рту вора приблизилась баклага:

– Один глоток. Да не вздумай выплевывать.

Пить со скованными за спиной руками было неудобно. Квазимодо неловко глотнул, стараясь взять в рот как можно меньше. Пахнувшая чем-то пряным и незнакомым жидкость частично вытекла через короткую губу. Солдат выругался, но вор почти не услышал – за щеку, туда, где покоилась привычная жилка единорога, словно уголек сунули. Вор чуть не взвыл от боли, ноги подогнулись. Яд! Яд! Остатком разума Квазимодо удержал рвущийся вопль. Навалилась непонятная слабость, глаза закрылись. Вор чувствовал, как его поднимают за ноги и за плечи, кладут в повозку. Во рту пылала жгучая боль, но пошевелиться, закричать не было сил.

Что происходило до вечера, вор почти не помнил. Все пропадало в серой мгле. Временами Квазимодо чувствовал боль во рту, слышал поскрипывание колес и голоса солдат. Потом снова наваливалось серое равнодушие.

Ночевать солдаты остановились в какой-то деревне. К этому времени Квазимодо несколько пришел в себя. Боль за щекой осталась, но теперь вор понимал, что только это жгучее ощущение и не дает провалиться в жуткую серость. Распряженная повозка стояла во дворе, окруженном частоколом. Фуа по-прежнему не шевелился. Квазимодо с трудом различал его легкое дыхание. О пленниках никто не позаботился. Лишь пару раз в повозку заглядывал прогуливающийся по двору часовой.

Квазимодо провел чудную ночь. Хотелось есть и пить, но даже шевелиться следовало очень осторожно. Мучительно затекло тело, особенно скованные за спиной руки. Несколько раз вор был готов не выдержать, сползти с повозки и попробовать выбраться со двора. Но что толку? Со скованными за спиной руками даже через забор не переберешься. Квазимодо уже давно понял, что эти samozашелкивающиеся железки так просто не раскроешь. Под утро вор не выдержал и намочил штаны. К счастью, часовой позора не заметил. Квазимодо с завистью думал о бесчувственном товарище.

На заре отряд продолжил путь. Квазимодо мучался неподвижностью, хотя повозка покачивалась на неровной дороге и можно было украдкой менять положение тела. Фуа по-прежнему не приходил в себя. Квазимодо развлекался, слушая разговоры воинов и разглядывая устройство, удерживающее руки ныряльщика. В общем-то занятия небесполезные. Металлические браслеты-наручники оказались механизмом не таким уж сложным, а в разговорах доблестных стражей тоже можно было выловить много любопытного.

Уже ближе к вечеру отряд въехал в город. Квазимодо внимательно прослушал разговор со стражей на городских воротах, потом старательно подглядывал в щель повозки. Видно было плохо, но, к своему изумлению, вор понял, что город едва ли уступает размерами самому Глору. Колеса стучали по мощеной мостовой. За телегами бежали мальчишки, вопили торговцы, кто-то ругался, выла избитая баба – Квазимодо почувствовал себя почти дома.

Потом повозки разделились – лодки повезли в одну сторону, пленников в другую. Колеса гулко простучали по доскам высокого моста, Квазимодо разглядел далеко внизу бурное течение реки. Потом повозка потянулась по долгому подъему, и вор увидел огромный замок. Высокие стены и шпили, массивные башни произвели на Квазимодо неизгладимое впечатление. Замок выглядел куда покруче старой глорской цитадели.

Несколько раз повозка останавливалась перед очередными воротами. Нехорошо – уж очень много здесь стражи. Наконец повозка оказалась во внутреннем дворе. Вокруг высились мощные стены. Квазимодо зажмурился, расслабился – их с фуа сгрузили и куда-то понесли. Вор старался висеть в сильных руках беспомощным мешком. Тела брякнули на жесткий топчан. Наручники оказались сняты. Квазимодо сдержал вздох облегчения. Его взяли за подбородок, обругали кривомордым и принялись вливать в рот какую-то жидкость. Вор закашлялся, выплевывая непонятное пойло. Ему без церемоний сунули кулаком в живот. Квазимодо задохнулся. Во рту потеплел комочек спасительной жилки. Рядом судорожно раскашлялся фуа. Мучитель повернулся к нему. Квазимодо приоткрыл глаз и оценил обстановку. Небольшая комната, трое непонятных толстых мужчин в одинаковых темных балахонах. Надо думать, пора пленникам приходить в себя. Вор застонал и приподнял голову. Ему сунули кружку, приказали выпить и снимать свои лохмотья. Квазимодо сделал вид, что пьет, вылил большую часть содержимого себе на грудь и принялся стягивать с себя одежду. Местным начальникам было не до него. Фуа бился в конвульсиях и никак не желал приходить в себя. Пользуясь возможностью, Квазимодо разгрузил уцелевший на штанах потайной карман. Напихать ценных вещей пришлось полный рот. Вор боялся что-нибудь проглотить и надеялся, что в ближайшее время ему не придется произносить речей. Людям в балахонах удалось усадить фуа, но тот все равно вел себя как смертельно пьяный. Квазимодо начал копировать подобное состояние в более легкой форме. Сидеть голым и раскачиваться было не так уж сложно, но вор быстро схлопотал удар по почкам. Очевидно, вести себя распушенно разрешалось только ценным «лягушкам». Квазимодо проявил покладистость и был награжден набедренной повязкой в виде куса довольно тонкой красной ткани. Вообще-то вор всю жизнь привык носить штаны, но сейчас выбирать не приходилось. В дополнение к набедренной повязке на шее зашелкнулся узкий ошейник с большим металлическим кольцом.

Полуголых пленников повели куда-то вниз. Шлепая босыми ногами по каменным ступенькам, вор думал о том, что он наконец оказался за тюремной решеткой.

Глава 6

Крепкие брусья пересекались в высокую, до потолка, решетку. Квазимодо погладил темное плотное дерево – при должном терпении можно справиться. Даже зубами. Даже остатками зубов. Правда, вор надеялся, что грызть брусья не придется – должен найтись другой способ.

Персональная темница, в которой оказался одноглазый парень, оказалась невелика, но на удивление комфортабельна. На полу чистый тростник, в углу матрац, набитый мягким сеном. Постель покрывало не новое, но хорошее одеяло. В почти полной темноте разглядеть было трудно, но пальцы нащупывали вышивку на шелке. И уж в полное изумление Квазимодо привела подушка – мягкая, пуховая и тоже в шелковой наволочке. Что ж это делается? Прямо гостиница шикарная.

Вот только номер маловат – три шага в длину, три в ширину. В одном углу камеры стояло ведро понятного назначения, в другом – большая миска с водой. Водичка – того, неправильная. Опаивают здесь постояльцев. Квазимодо хорошо чувствовал уже знакомый аромат. Что это – магия или странный яд, задумываться было не время. Вор очень хотел найти выход. Подслушанные по дороге в замок местные новости не давали покоя. Просто счастье, что сам остался в трезвой памяти. Если будут внуки, нужно соплякам завещать, чтобы орков всю жизнь благодарили. И единорогов разводили – вот же полезные существа.

Квазимодо потрогал языком спрятавшийся за щекой спасительный комочек. Щеку жгло теплом – вор все-таки не выдержал, сделал глоток воды. Хоть и знал, что яд, а жажда доконала. Теперь комок-жилка яростно сигнализировал о том, что гадость из миски глотать никак нельзя.

Вор вздохнул, опустил на колени и снова занялся изучением замка клетки. Отдохнувшая было рука тут же заныла – кисть едва протискивалась в ячейку решетки, а потом ее еще и приходилось выворачивать до отказа. Квазимодо всунул в скважину замка отмычку и принялся ковыряться. Проволочка-отмычка оказалась слишком мягка и коротка. Да и понятно – вор заимел эту полезное приспособление для ненавязчивого осмотра сундучков и канцелярских шкафов. Там запоры стояли мелкие, плевые – не глядя откроешь. Сейчас дело приходилось иметь с большим тяжелым замком. Квазимодо никогда не считал себя специалистом по взлому. Ну, сейчас придется им стать. Иначе сгинеешь в этом теплом подвале.

Вокруг стояла тишина. Задняя стена «стойла», в котором сидел вор, была основательной, каменной. Боковые стены сбиты из крепких досок. В коридоре мерцал слабый отсвет огонька светильника, висящего где-то далеко в стороне. Квазимодо мог рассмотреть только ряд решеток, идущих по противоположной стороне коридора. Есть там кто-то или большинство камер пусто, оставалось загадкой. В подвале явно имелись еще обитатели – вор слышал шорохи, покашливания, иногда звенела струя мочи – узники наполняли ведра. За все время вор не слышал ни слова, ни крика, ни даже стона. Можно подумать, все заключенные как на подбор оказались немые. Появлявшиеся два раза тюремщики тоже хранили полное молчание. Безликие типы в накинутах на голову капюшонах как привидения скользили между клеток – меняли скверные ведра, оставляли еду и доливали воду. Кормили здесь щедро: густая каша, здоровенные куски мяса со специями – пить после такой жратвы хотелось невыносимо.

С замком ничего не получалось. Вор осторожно вынул проволочку. Разогнулся и принялся шагать по камере, разминая затекшую кисть. Трудно работать на ощупь. Единственная надежда – то, что замок по конструкции похож на те хитроумные наручники-самозащелки. Поразмыслив, Квазимодо круче подогнул кончик проволочки и снова опустил на колени у решетки.

Просто счастье, что здесь нет постоянной охраны. Да и что охранять, когда в клетках куклы полуживые? Вот проклятое снадобье – из людей брюкву делает. Квазимодо хотел пить и

есть. Кашу он решился попробовать, мясо раздирал на мелкие кусочки и выбрасывал – частью в ведро, частью зарывал в тростник. Скормить бы крысам – да не водятся в этом подвале крысы.

Рука опять онемела. Вор лег на матрац, немного передохнул, глядя в невидимый потолок. Интересно, сколько нужно просидеть во тьме, чтобы окончательно ослепнуть? Нет, до конца не ослепнешь – стражи приходят со светильниками. Прямо праздник солнца. Квазимодо не слишком понимал, как должен вести себя, человек опьяненный снадобьем, поэтому, когда приносили еду, ложился под одеяло и делал вид, что спит. Даже почти не подглядывал – а жаль. Нужно рассмотреть, что это за типы в балахонах да какое у них оружие. Хотя с четырьмя сразу все равно не справишься. На шум еще набегут. Глупая идея. Но времени у тебя не так много. Кашу уже два раза приносили – надо думать, утро и день прошли.

Задумываться о том, что будет, когда придут хозяева, вор боялся, поэтому закончил с отдыхом и пополз к двери.

Замок все-таки поддался. В тишине громко шелкнуло, от неожиданности Квазимодо даже не успел подхватить замок. Металл звякнул о камень. В соседней камере кто-то явственно заворочался. С перепугу вор уронил отмычку.

Посидев в томительной тишине, Квазимодо рискнул открыть дверь. Решетка легко поддалась. Смазанные петли даже не скрипнули. Все они здесь в порядке содержат, и это очень хорошо. Вор не любил работать в неупорядоченных домах – вечно то на тебя кто-то сдуру натолкнется, то сам на что-нибудь налетишь.

Первым делом – отмычка. Квазимодо поспешно шарил по каменной плите. Тонкая проволочка наконец попала под пальцы. Вор запомнил, под каким углом загнут кончик, и обмотал отмычку вокруг пальца на манер кольца. Хреново без карманов, а эта набедренная повязка вообще вещь дурацкая, бесполезная.

Слегка успокоившись, Квазимодо поднял замок. Вот лопух ты, а не вор – что здесь трудного, нужно было только представить механизм в перевернутом виде. Ну да ладно, теперь будет открываться как миленький.

Пора предпринять разведку. До ужина время вроде есть. Рискнем.

Квазимодо крался по коридору. Босые ноги бесшумно ступали по камню. Выяснилось, что камера вора находится в самой середине длинного коридора. Клеток-ячеек здесь было штук шестнадцать. Над каждой смутно белел намалеванный номер. В обоих концах коридора на стенах висели масляные светильники. Пробираясь мимо камер, Квазимодо чувствовал, что в некоторых есть живые существа. Иногда их присутствие выдавал запах, иногда дыхание. Вор почувствовал между лопаток холодок страха. Что-то не слишком хотелось знакомиться со здешними узниками.

Пригибаясь, вор поднялся по ступенькам и оказался под самым светильником. Направо виднелась дверь, рядом стоял стол, два грубых табурета. Над столом горел светильник поменьше. Чернильница, перья, толстая книга, прочее канцелярское барахло – ага, учитывают здесь пленников, значит. Порядок в учете – это первое дело.

Пока Квазимодо больше интересовала дверь. Вор прислушался – вроде тихо, но, кажется, поблизости кто-то есть. Он без особой надежды осторожно толкнул дверь – наверняка с той стороны засов на замке. Дверь неожиданно поддалась. Квазимодо даже перепугался – неожиданности пугают куда сильнее предусмотренных сложностей.

С бьющимся сердцем вор высунул голову за дверь. Мгновенно оценить обстановку, когда у тебя односторонний взгляд, конечно, сложно, но у парня был опыт.

Небольшое помещение, из него в разные стороны идут двери. Одна распахнута – слышны голоса, – караульное помещение. Солдатские шутки везде одинаковы. Дверь слева тоже рас-

пахнута, оттуда идет неясный гул. Две лестницы ведут вверх. Еще две двери видны рядом с правой лестницей.

Квазимодо погладил выбоины на искалеченной щеке и понял, что нужно рискнуть.

Начал с караулки – воины сидели в глубине. Рассмотреть трудно. Из низкого окна падал дневной свет. Длинный стол, пирамида с алебардами. Уже знакомые бело-голубые гербы на щитах. Кто-то из воинов рассказывал что-то про поход к дешевым девкам. Подобных историй Квазимодо наслышался предостаточно.

Неслышно, почти на четвереньках, вор подобрался к другой открытой двери. Уходили вниз ступеньки, несло трюмом большого корабля. Широкий проход, по обе стороны решетки, очень похожие на те, за которыми сидел сам Квазимодо. Только здесь камер было куда больше, и они были тесно заполнены людьми. Слышался шорох многоголосого шепота, шуршание тростника и поскрипывание решеток. По проходу неторопливо прогуливалась пара вооруженных солдат.

«Сколько же там людей заперто? – с ужасом подумал вор. – Набиты как рыба в бочку. Человек сто, не меньше. А меня почему отдельно заперли?»

Обдумать эту непонятную привилегию можно было и позже. Квазимодо передвинулся к лестницам. Одну и так помнил – по ней его самого волокли в камеру. Там за ней – первый этаж, сидят привратники, пост стражников. Налево кладовые, направо – видимо, кухня. Ишь, мясом жареным несет и еще чем-то подгоревшим. Не господская кухня, здесь для заключенных отдельно готовят. Щедро кормят – как на убой. Квазимодо содрогнулся.

Вторая лестница – узкая, несколько шагов, и путь преграждает дверь. Заперто. Дверь вся в бронзовых накладках и завитушках. Таковую не сразу и тараном вышибешь. А вот замок стандартный. Наловчились они здесь замки клепать и рады.

Квазимодо поспешно отступил, прижался к стене. Торчишь здесь на перепутье как лох последний, того и гляди застукают. Но все равно нужно до конца окрестности исследовать. Парень кончиками пальцев надавил на дверь рядом с лестницей, тут же прикрыл. Аж сердце остановилось – в каких-то двух шагах за дверью сидел за столом лысый мужик. Шевеля губами, читал длинный свиток. Капюшон балахона болтался за спиной. Другой надзиратель заправлял маслом светильник.

Квазимодо перевел дух и заглянул в последнюю комнату. Здесь едва теплился одинокий фитилек светильника. Пусто. Вор рискнул проскользнуть в небольшое помещение. Дыба, кресло с зажимами, топчан высокий – пыточная. Ничего особенного – такие специальные комнаты Квазимодо уже приходилось видеть. Очаг холодный. Видно, не часто здесь «работают». Вор взглянул на железные крючья и щипцы, разложенные на столе-верстаке. При случае можно использовать вместо оружия. Не погибаться же просто так, как поросенку откормленному? А помирать, видать, придется.

Квазимодо заглянул в ведро, стоящее под столом. Вода. Немного подтухла, но никаким снадобьем не пахнет. Вор жадно напился. В углу среди запыленной рухляди нашелся горшок с остатками воска. Квазимодо поспешно перелил в него воду.

Затаился у двери. Опасный момент – выскочишь и наткнешься на какого-нибудь хрена с алебардой.

Повезло. Квазимодо проскочил мимо караулки, запрыгнул в «тюрьму для лордов». Уф, теперь тихий коридор с двумя рядами клеток казался чуть ли не родным домом. Вор, прижимая к себе горшок с водой, присел на табурет, раскрыл книгу. Разобраться просто: имя – номер стойла. Много здесь народу посидело. Квазимодо, не теряя времени, пролистал страницы в конец. Так, Карла, Бекке, Лотофаг, Кургузий. Что за прозвища чудные?²⁸ Даже Орк у них есть.

²⁸ Карлы (карлики) – в фольклоре Западной Европы крохотные седобородые существа. Отличаются могучим телосложением и недюжинной физической силой. Бекке – в фольклоре германских народов полевой дух, склонный к оборотничеству.

Ага, вот: Фуа – 4, Кривой – 12. У всех прозвища, а ты и здесь кривой. Ладно, против правды не попрешь.

Квазимодо присел перед клеткой под номером «4». С трудом можно было рассмотреть лежащую под одеялом фигуру.

– Эй, Ныр, – шепотом позвал вор.

Фигура не шевелилась. Квазимодо взывал осипшим шепотом – все было тщетно. Зато на другой стороне коридора кто-то заворочался. Вор вынужденно притих. Чтоб он сдох, Лягушка треклятая. Эх, и кинуть нечем. Квазимодо метнулся в свое «стойло», нашел кусок недоеденного мяса.

Хрящик точно угодил в белобрысый затылок. Фуа вздрогнул и медленно сел на матрасе.

– Иди-ка сюда, иди, иди, – нежно шептал Квазимодо, просунув сквозь брусья руку и шевеля пальцами, как будто подманивая курицу. Ныряльщик неуверенно пополз к решетке. Лицо у него было бессмысленное, как у младенца.

Вор подождал пока фуа приблизится, схватил за тонкую шею и принялся бить. Было неудобно – мешала решетка, но Квазимодо старался. Больно лупил костяшками пальцев – так выходило тише – по макушке и носу.

– Что? Что ты делаешь? – прохрипел ныряльщик, слабо пытаясь вырваться.

– Пришел в себя? – спросил Квазимодо, в последний раз ударяя друга по лбу.

– Да, пришел. Уже ужин? – Фуа попробовал отпихнуть безжалостную руку.

– Я тебе дам ужин! – зашипел вор и ухватил товарища за нос.

– Хватит, хватит! – гундосо почти завопил ныряльщик. – Мы где?

– Где, где... – Квазимодо в последний раз тряхнул друга за шею и отпустил. – Если ты, скотина перепончатая, еще раз воды этой блевотной напьешься, я тебя сам удавлю.

* * *

Фуа протягивал сложенные ладони, вор бережно наливал в них воды из горшка. Ныряльщик ссасывал влагу, тщательно вылизывал ладони.

– Хватит, – пробурчал Квазимодо. – Без запаса останемся. В башке у тебя прояснилось, и хорошо.

– ...Значит, заправляет здесь всем лорд Дагда. Он вроде бы как опекун юного короля. Только этого самого короля давненько никто не видел в городе. Ну и хрен с ним, с королем, – хворает, и пусть себе хворает. Народу и лорд Дагда мил. Налоги приемлемые, в округе тишина и порядок. Сосед здесь в предгорьях был неуравновешенный, лорд Дагда сходил походом и заткнул хлебальник этому соседу нахальному. Короче, лорда-регента уважают и побаиваются. Жить он не мешает, но с преступниками крут. А мы как раз преступники.

– Какие же мы преступники? – прошептал фуа. – Мы же не сделали ничего.

– Лучше бы сделали. Тогда был бы шанс, что нас на площади казнят, по-людски.

– Я не хочу на площади по-людски, – запротестовал ныряльщик.

– Зря, – серьезно сказал Квазимодо. – Было бы быстро и понятно. Впрочем, от нас ничего не зависит. Мы, видать, на опыты пойдем. Лорд Дагда очень магией увлекается. Норовит из нескольких преступников одного сделать. Чтобы, значит, этот новый хрен, слепленный из кусков, был полезен стране. Границы там охранял или еще что. Солдаты говорят, что у мудрого лорда иногда получается.

– Не может такого быть! – поразился фуа. – Как это из нескольких – одного?

– Я почему знаю? Что я тебе, мясник-волшебник? Народ доволен – бродяг и преступников все меньше становится. Своих лорд Дагда трогает мало, отлавливает в основном чужаков подальше от города. Ты – добыча ценная. Фуа здесь редкость.

– Ква... – в ужасе пролепетал ныряльщик.

– Что Ква? – сварливо пробурчал вор. – Я здесь вообще по недоразумению. Я там, с людьми, сидеть должен.

– А ты меня выпустить не можешь? Может, проскользнем?

– Нет, у тебя замок другой, – без колебаний соврал Квазимодо. – Да и куда проскальзывать? Ладно – подвал пройдем, а дальше? Двор? Стены высокие, народу полно, охраны несчитано. Службу они здесь знают. Вон как нас повязали. Нужно случай ждать.

– Случай... А если нас сегодня... переделают?

– Не трясись. Тебя еще изучать будут. – Вор помолчал. – Знаешь, что еще поговаривают... У лорда Дагда супруга вроде того... вроде она ланон-ши...²⁹

– Пропали мы... – пролепетал фуа.

– Не трясись, говорю. Не знаю, как ланон-ши относятся к лягушкам, но если ты попадешь в ее объятия, то умрешь совершенно счастливым. – Вор помолчал. – А вот я... Вряд ли моя рожа заинтересует прекрасную убийцу.

– Можно подумать, ты мечтаешь умереть в объятиях кровососки, – горестно прошептал фуа.

– Может быть, – вздохнул вор. – Они потрясающе красивые бабы. Но и я не лох просто-сердечный.

– Перед ланон-ши невозможно устоять. Мужчина сам приходит в ее объятия. Это все знают.

Квазимодо пренебрежительно фыркнул:

– Я тоже кое-что знаю. Если бы дама позвала меня сама, я бы рискнул. А в клетку зачем запереть? Так я не согласен. Нужно что-то придумать.

– Что здесь придумаешь?

– Если бы было понятно, что именно придумывать, то стал бы я тебя, перепончатого, спрашивать? Сиди и думай. И не смей воду эту ядовитую пить.

Кашу Квазимодо после некоторых колебаний все-таки съел. Жилка за щекой начала зудеть, но не очень сильно. Снадобье, очевидно, в еду попало вместе с водой и действовало слабо. Тем не менее вору здорово хотелось лечь, укрыться шикарным одеялом и вздремнуть. Тело наполняла мягкая истома, скорее приятная, чем пугающая. Нет, помрем – вот потом выспимся. Квазимодо прошелся по камере, подпрыгнул и повис на решетке. Крепкие брусья даже не скрипнули. Надсмотрщики давно ушли, обитатели камер сожрали ужин и впали в привычное забытие. Покачиваясь на решетке, Квазимодо обдумывал – какова все-таки природа этого снадобья? Магия или просто какой-то напиток из неведомых трав и еще какой-нибудь дряни? Говорят, помет дипса³⁰ похоже действует, если его в спиртное подмешивать. Как там Ныр? Небось не выдержал, наглотался воды. Известное дело, лягушка – ему пива не надо, воды подавай.

Квазимодо услышал шум, шаги, поспешно прыгнул с решетки и кинулся на матрац. Застучали суетливые шаги, кто-то заполошенно командовал. Два надзирателя метались по коридору, зажигая светильники над клетками. «Ишь, бегают, даже балахоны раздуваются, –

²⁹ Ланон-ши (Ланон Ши) – в ирландском фольклоре «чудесная возлюбленная». Она жестока и своенравна и несет смерть тому, кто соблазнится ею. По некоторым источникам, родственна суккубам и вампирам.

³⁰ Дипсы – ядовитые змеевидные существа

подумал парень. – Кажется, начальство идет». В животе начала скручиваться пружина нехорошего предчувствия.

В коридоре стало так светло, что вору пришлось щуриться. Зашуршали в своих клетках потревоженные узники. Квазимодо нервно потер щеку. Хрен его знает, как нужно правильно себя вести при здешнем начальстве?

Звонко ударил гонг. По подземелью еще летал чистый звук, когда у входа послышались голоса. «Баба!» – перепуганно подумал вор, различив нежный женский смех.

В клетке напротив непонятное существо прижалось к решетке. Длинные паучьи пальцы обхватили брусья преграды, огромные блеклые глаза болезненно мигали на яркий свет светильников.

«О боги! Кто же это такой?!»

Клетка слева от «паука» пустовала, зато справа к решетке прильнуло чудовищное создание. Вор видел ровные культи рук и ног, узкие щели глаз, нос, какой-то магией превращенный в подобие свиного рыла. Голову уроды покрывала плотная черная щетина.

«Наверное, Кургузый, – ошеломленно подумал вор. – Как же с ним такое сделали?!»

Узники жадно смотрели в конец коридора. «Паук» пытался протиснуть голову между брусьями.

«Мне тоже нужно как они». Квазимодо подполз к решетке, ухватился руками. Пальцы дрожали. Ужас смешивался с предчувствием чего-то жуткого и одновременно прекрасного. Тело возбужденно напряглось. «Будь проклята эта каша! – с отчаянием подумал вор. – Лучше бы я с голоду сдох. Заколдовали».

Было больно. Квазимодо понял, что чуть не отрывает себе ухо, вжимаясь в решетку и пытаясь разглядеть тех, кто разговаривает в конце коридора. Нет! Не «тех» – только «ту». Ее! Ее одну! Нежный мягкий голос юной женщины манил к себе непреодолимо.

«Да что же я? Она даже не ланон-ши. Голос совсем не похож. Что я позорюсь?!» – воспоминания мгновенно помогли. Квазимодо помотал головой – и сразу начал понимать, о чем говорят. Вернее – понимать отдельные слова.

– ...Я не вижу жабр, – говорил мужчина – властный уверенный глуховатый голос. – И не вижу никаких аналогичных органов газообмена. Визуально – типичный гоминоид. Возможно, грудная клетка заужена. Кажется, слухи об этих фуа весьма гипертрофированы. Впрочем, как обычно. *Testimonium paupertatis*³¹ гласа народного.

– Согласна, впечатления не производит. Аутопсия³² покажет. – Женский голосок звучал колокольчиком. – Надеюсь, ты не слишком разочарован?

– Боюсь, ты будешь разочарованна не меньше. Хотя *col—lectio*³³ для тебя истинная страсть. – Мужчина усмехнулся. – Оставь материал для вскрытия. Едва ли в ближайшее время нам попадется подобный экземпляр.

– Непременно, дорогой. Мы могли бы совместить твои и мои развлечения.

– Не с этим экземпляром, Атра.³⁴ Развлекайся. Меня интересует исключительно строение его трахеи. Что у нас еще нового?

– В двенадцатом блоке. Пойман вместе с фуа.

³¹ *Testimonium paupertatis* (лат.) – букв. «свидетельство о бедности»; признание слабости, несостоятельности в чём-либо; свидетельство чьего-либо скудоумия.

³² Аутопсия – вскрытие трупа с диагностической или научной целью.

³³ *Collectio* (лат.) – собрание.

³⁴ Атра (Атропос – неотвратимая) – имя одной из мойр, богинь судьбы греческой мифологии. Атропос неумолимо приближает будущее.

Шаги приближались. Квазимодо на мгновение судорожно зажмурился. Нужно быть как все – зачарованным животным. Колдуны они, маги или просто свихнувшиеся лорды – все равно. Лучше не отличаться от соседей по камерам.

Она была прекрасна. Вор оглушенно смотрел. Единственный его глаз широко раскрылся. Из головы выскочили все мысли об опасности, о решетках и колдовском поиле. Чудо. Истинная ланон-ши.

Безупречный овал лица, окаймленный волнами буйных блестящих локонов. В этой черной густоте почти терялись отдельные темно-синие пряди, придававшие продуманно-естественной прическе совершенно неестественную прелесть. Невысокая, почти миниатюрная девушка благодаря этой дивной гриве и стройному сложению казалась гораздо выше ростом. Очень пухлые губки, по-детски гладкие щеки, оголенные плечики придавали юной леди Атре неприличное очарование вечно юного существа. Веки, блестящие, точь-в-точь как сияющая медь, потрясли вора. Таких глаз у живого существа просто не может быть.

Квазимодо вцепился в брусья решетки. Пусть возьмет! Пусть возьмет к себе!

Девушка, опершись руками в колени, склонилась к решетке, улыбнулась. В Глоре дочки состоятельных купцов с такой улыбкой выбирали себе мартышек, привезенных с Птичьего архипелага. Обезьянки прыгали, гримасничали и визжали в ящике, затянутом сеткой. Их хорошо покупали, правда, забавные твари обычно не переживали ветреной глорской зимы.

Квазимодо чувствовал, что и ему здешней зимы не дожидаться. Но это было совсем не важно. Вор пожирал юную богиню взглядом. Тело напряглось в возбужденном счастливом предвкушении. Пусть возьмет. Не может быть, чтобы не взяла. Ну, пожалуйста!!! Хотелось заскулить, заскрести ногами по тростнику. Вор молчал лишь потому, что язык отказывался подобрать слова, достойные ушей прекрасной леди.

– Ну и рожа, – сказал мужчина.

Квазимодо сморгнул.

«Что же это?! Совсем спятил – сам к этой суке хочешь? Что с тобой, Полумордый?!»

– Кажется, он неадекватен, – сказала девушка, продолжая в упор разглядывать пленника.

– Разве что абстинентный синдром. Возможно, он давний поклонник нутта. Взгляни – эктоморф.³⁵ Возраст определить сложно. Но индивид явно половозрел.

– Я вижу, – серебром засмеялась красавица.

Квазимодо сдержал стыдливый порыв свести бедра вместе, прикрыть вопиющую неприличность своей наготы. Когда свалилась набедренная повязка, парень не заметил. Сейчас оставалось молить богов, чтобы вместе с приступом опьянения не ушло плотское возбуждение. Квазимодо был почему-то уверен, что охлаждение пыла пленника совсем не порадует таинственную леди Атру. Впрочем, стоило посмотреть в декольте красавицы, и вор тут же успокоился за реакцию собственной плоти. Организм не собирался выдавать смятение и колебания слишком умной головы. А грудь у прекрасной колдуньи действительно была офи-ги-тель-ная.

Леди Атра продолжала рассматривать изуродованное лицо голого пленника с интересом маленькой девочки, получившей неведомый экзотический фрукт.

– Пойдем, Атра, – нетерпеливо сказал милорд. – Что ты в нем нашла? Тривиальный гомо сапиенс. Сексуально – просто смешон. По-моему, он совершенно не в твоём вкусе.

– Но какая эффектная травма, – нежно прошептала девушка, улыбаясь по-прежнему прижимающемуся к решетке пленнику. – Воспроизвести такое украшение будет нелегко. Что, если подправить объект окончательно?

– Множественная лицевая миэктомия³⁶ – вот и все, – с ноткой снисходительности заметил мужчина. – Операция тонкая и долгая, но отнюдь не уникальная. Придется повозиться с

³⁵ Эктоморф – тип человеческой конституции, отличающийся тонкокостным скелетом и медленным набором массы.

³⁶ Миэктомия – хирургическая операция, заключающаяся в удалении части мышцы.

полостью рта. Не думаю, что работа с тонким инструментарием вроде зубила и плотницкого молотка так уж увлекательна. Интересно, где данный индивид заработал свой нынешний экстерьер? На боевое повреждение не похоже. Впрочем, это не столь существенно. Могу спорить, за два часа я приведу это лицо к единому знаменателю. При условии, если ты сама поработаешь с мелкими мускулами. Но забавный эффект дает именно асимметрия. Двухстороннее изменение создаст иллюзию одной из стадий ускоренного разложения при неудачном зомбировании. Кстати, нам этот процесс и так достаточно часто приходится наблюдать, ты не находишь?

– Но он так интересно выглядит. Истинная комедия дель арте,³⁷ – прошептала Атра.

Квазимодо зажмурился, когда тонкий пальчик с длинным ноготком, похожим на отполированный наконечник стрелы, погладил его по лбу, скользнул к верхней развилке шрама.

Смех мужчины звучал отвратительно:

– Атра, ты бываешь истинным ребенком. Развлекайся на здоровье, но только не сейчас. Идем. А этот полуфабрикат не вздумай тащить в спальню. Меня этот одноглазый заморыш совершенно не привлекает...

Квазимодо до боли вжимался здоровой щекой в решетку. Шаги давно стихли. В загонах еще жалобно скулили и хрипели обитатели – божественная госпожа так никого и не забрала с собой.

Вор задыхался, как после долгого изнурительного бега.

Конечно, так бывало и раньше – большую часть своей сознательной жизни Квазимодо чувствовал себя изуродованным, но исключительно на рожу – все остальное работало очень даже исправно. В море, в болотах, да и вообще во времена, когда приходилось заботиться о собственной шкуре, сексуальный аппетит, понятное дело, притуплялся, но в спокойное время парень не отказывал себе в общении с доступными девицами. Как говаривала леди Катрин, против природы не попрешь. Но сейчас природа и организм прямо-таки перли против самого святого – инстинкта самосохранения. Квазимодо не без основания полагал, что именно крайне бережное отношение к собственной заднице только и спасало ее хозяина в последние годы. А сейчас...

Квазимодо отполз к задней стене и всерьез приложился лбом к камню. Помогло. От боли мозги слегка прояснились, возмнившая непонятно что плоть начала потихоньку слабеть. Вор нашел набедренную повязку и закрыл бессовестно размышлявший орган.

Хотелось пить. Квазимодо с ненавистью посмотрел на миску. Нет уж, лучше от жажды сдохнуть. Парень еще разок приложился лбом к прохладному камню – на этот раз осторожно, чтобы уменьшить наливающуюся от удара гулю. Вот до чего докатился – сам себе чуть черепушку не раздолбал.

В соседних стойлах шуршали и постанывали товарищи по заключению. Зверинец потихоньку успокаивался.

Квазимодо пытался думать.

Плохо дело. Подошла к концу твоя путаная воровская дорожка. Беднягу Ныра изведут на какие-то колдовские опыты, а тебя, Полумордый...

Квазимодо содрогнулся. В горячем возбуждении он почти ничего не понял из благородного разговора, но инстинкт подсказывал, что дела обстоят не просто плохо, а совсем ни в какие ворота не лезут. Простой виселицей жизнь не кончится. Развлекутся милостивые господа на радость. Ух, и сука-баба, до сих пор холод в позвоночнике сидит. Там холод, чуть пониже печка настоящая. До чего ж красивая. Не печка, понятно, а эта леди Атра, чтоб ее аванк затрахал. Что на ней за платье было? В Глоре небось даже в «Померанцевом лотосе» красотки постесняются на себя такое натянуть.

³⁷ Комедия дель арте (commedia dell'arte) – вид итальянского театра комедия масок.

Квазимодо пытался думать, на какую сумму в скупке Глора такой наряд в комплекте с побрякушками оценят, но мысли упрямо возвращались к сокровищам, символически прикрытым синим платьем. Разве ж это вырез? Пропасть, в которую с головой ухнешь. А грудь? Сосочки проглядывают ярче камней драгоценных.

Вор подскочил на ноги. Зелье проклятое. Следующий раз не головой нужно о стену долбануться, а совсем другим местом. Правда, шкандыбать враскоряку, как краб, потом будешь, зато все мысли о деле.

В горле совсем пересохло. Квазимодо прислушался и рискнул выбраться из клетки. Горшок с остатками воды был припрятан под старыми метлами в углу подвала. Вор жадно глотал пахнущую плесенью воду. Из крайней клетки посверкивали чьи-то глаза. Не спят узники – понятно, какой покой после таких гостей?

Квазимодо заглянул в горшок. Надо бы здоровой воды Ныру отнести. Нет, здесь и одному мало. Ныряльщику на матраце отлеживаться, а тебе придется бегать как псу последнему. Квазимодо не собирался провести за решеткой остаток жизни. Может, ее и осталось-то с поросычий хрен. Интересно, а с кабаном леди пробовала? Глазищи-то невинные, талия – обхватить двух ладоней много будет. Гнется, наверное, легко.

Опять мысли не туда съехали. Квазимодо допил воду, выплюнул попавшую в рот гадость и пошел проведать товарища.

Ныряльщик лежал на матраце, свернувшись во что-то очень маленькое, размером с речную крысу, и дрожал. Квазимодо пришлось вопить шепотом, чтобы привлечь внимание друга. Фуа с трудом подобрался к решетке. Глаза его лихорадочно блеснули.

– Ты видел?! Она приходила! Какая она! Как волны. Она... Ты видел? Она смотрела на меня. Как звезды ночью. Над волнами. Блестит. Как лунная акула. Она еще придет? Она смотрела на меня, и я...

– Понравилась? – мрачно поинтересовался Квазимодо.

– Она как... – Фуа захлебнулся, потому что вор дотянулся до него через решетку и врезал по лицу.

Ныряльщик опрокинулся на спину, сел и ошеломленно потрогал себя за челюсть.

– Сдурел, Ква?

– Точно. Мне она тоже понравилась. – Вор сплюнул. – Особенно сиськи. И платье. И побрякушки. Я бы ее поставил на четыре кости и вдул бы как из эвфитона...

– Квазимодо, как ты можешь?! – ужаснулся фуа. – Она госпожа, она прекрасна...

– Видали мы ледей и получше.

– Прекрасней ланон-ши никого не бывает, – прошептал ныряльщик. Глаза его снова нездорово засияли.

– Сейчас опять врежу, – предупредил Квазимодо. – А потом кастрирую. Смачная девка эта леди Атра. Только я, и вправду видывал настоящих леди. Не в сиськах счастье, дурак ты перепончатый. Да и не ланон-ши здешняя госпожа.

– Она прекрасна, – зачарованно пролепетал фуа.

– Красивая, – согласился вор. – Только если бы ты поменьше жрал всякого дерьма травленного, сам бы сообразил. Не ланон-ши она.

– Она как звезда. Она так пахнет. Если захочет – пусть пьет мою кровь до смерти. Я только счастлив буду. – Ныряльщик снова начал дрожать.

– Не знаю, как насчет крови, но вот на твою требуху ее лорд полюбоваться пожелал. Ты что, не понял, дубина морская? Люди они. Колдуны вроде тех, что мертвяков поднимают. – Квазимодо напрягся и вспомнил: – Некроманты они, вот!

– Мы же еще живые.

– Ну, это они поправят. Вон тут рядом один сидит – не поймешь кто, – руки и ноги как таракану пообрывали. Едва ползает.

– Не может она, – запротестовал фуа. – Она нежная, как дитя. Как волны в штиль над желтым песком. Она прекрасна. О, ланон-ши...

– Куда тебя опять понесло? – разозлился вор. – Не кровососка она, креветка ты зачуханная, островная. На руку свою посмотри. Сколько пальцев? А у нее пять, как у меня. Где это видано, чтобы у дарков людские руки были? А еще у нее должны быть глаза змеиные, голос едва слышный и когти. А у этой твари сисястой разве что когти имеются, да и то, по-моему, прилепленные. От мертвяка, должно быть, взяты – вон какие синие. Еще ланон-ши яркого света не любят. А здесь светильников запалили как на праздник. Видать, не видит твоя «прекрасная» в темноте ни хрена.

– Ты откуда знаешь? – жалобно прошептал фуа. – Может, это для лорда зажигают?

– Что для лорда, что для леди, мне один хрен. Человек ланон-ши нутром чует.

– Я тоже... нутром, – прошептал фуа.

Квазимодо хмыкнул:

– Я не только то «нутро» имел в виду. Увидишь истинную ланон-ши – поймешь. Ты скажи, пиявка приморская, ты воду пил?

– Я только два глотка. Не могу я без воды.

– Хлебальник бы тебе разбить, чтобы кровью умылся, – с тоской сказал вор. – Сиди, жди. Пить начнешь – утоплю в твоей же миске.

– Не ходи, поймают.

– Пусть лучше поймают. Может, убьют сразу. Что-то слова твоей красавицы меня сильно напугали...

Ни в эту, ни в следующую ночь Квазимодо не поймали. Вор шнырял по спящему крылу замка, чувствуя себя в длинных переходах и путанице лестниц почти как дома. Самым опасным по-прежнему оставался момент выхода из подвалов. Часовые несли свою службу бдительно. Напрямую во внутренний двор Квазимодо попасть так и не смог. Зато путь наверх был практически свободен. Многие комнаты оставались пустыми и заброшенными, некоторые даже не запирались. Впрочем, вор приноровился пользоваться отмычкой и почти не испытывал проблем с однотипными замками. Особой добычи ночные прогулки не принесли. Квазимодо обзавелся двумя старыми ножами и довольно длинным и ржавым кухонным тесаком. Спрятал в одной из пустых комнат поношенные просторные штаны и дырявый плащ. В таком наряде сойти за нищего было бы вполне возможно, но вор знал, что добыча вряд ли пригодится – выйти не только из замка, но даже из этого крыла по-прежнему представлялось задачей нереальной. Оба выхода, как и дверь тюремной кухни, постоянно охраняли тройные посты. Патрули были и во дворе – Квазимодо, выглядывая сквозь узкие зарешеченные окна-бойницы, почти всегда видел солдат.

Выбраться на крышу тоже не удалось. Галерея, ведущая на замковую стену, бдительно охранялась. Вор собрал несколько кусков веревок. Можно было бы рискнуть и попытаться проскочить на верхнюю галерею. Но что дальше? Попробовать спуститься во двор прямо в руки патрулю? Но если даже окажешься во дворе, то как добраться до внешней стены? А дальше? Если будет сказочно везти, доберешься до города. А там... Тебя, такого «неприметного», неужто никто не выдаст?

Впрочем, добраться даже до внешних стен замка нечего было и мечтать. Разве что сама фальшивая ланон-ши тебя проводит.

Подниматься в господские покои Квазимодо не решился. Отпер дверь, поднялся по лестнице до следующей двери. В замочную скважину был виден коридор с ковром на полу, сплошь увешенные гобеленами стены. Вор слушал далекий, едва различимый звук, от которого стыла

кровь. пытки Квазимодо наблюдал не раз. Что уж, жизнь есть жизнь – в Объединенном Флоте умели добиваться быстрой правды. Ну или нужной лжи.

Здесь кричали страшнее. Непрерывно, видать, вопросов никто не задавал. Здешние лорды умеют развлечься по ночам в своих покоях. Неспешно, с чувством. Из «человечьей» части подвала постоянно уводили по двое, по трое. Назад никто не возвращался. Теперь Квазимодо благодарил богов за то, что попал в другую часть подвала. Никто не беспокоит, матрацы мягкие. Пей водичку, жри от пуза, дождайся судьбы. Проклятие!

С водой Квазимодо разобрался. Под лестницей у кухни проходил водосток. Капало из щели между камнями не то чтобы щедро, но за день набиралось ведро. После раздачи еды Квазимодо менял в мисках воду. Ныр-водохлеб ныл, что от жажды помирает, но от водички с зельем все-таки воздерживался. В мозгах Лягушки помаленьку наступил относительный порядок, но вора это не слишком радовало. Выхода нет. Рано или поздно, но и за вами обоими пожалуют. И то счастье, что пока у лорда Дагда руки до изучения жабр и трахей не доходят.

Время уходило. Квазимодо сегодня чувствовал это особенно остро. Ощущение опять же из того подкожного набора, что позволяет одинокому вору выживать день за днем. Квазимодо ждал ужина, потом можно идти на очередную, скорее всего уже последнюю разведку. Дальше дожидаться нечего – лучше рискнуть. Брать с собой Ныра или нет? Под ногами ведь будет путаться, лягушка бестолковая. Не готов фуа к бегству по замку и городу. С другой стороны, у тебя и у самого шансов почти никаких, а вместе на жало арбир садиться веселее.

Так и не придя ни к какому выводу, Квазимодо принялся обдумывать другую проблему. Какой все-таки путь предпочесть? По крыше, рискуя свернуть шею, или положиться на удачу и проскользнуть к внешней стене по двору? Наглость – второе счастье. Тебя она частенько выручала.

Неоправданный риск одноглазый парень страшно не любил. Это только в байках фартовым вора на каждом шагу помогает удача. С бестолковыми людьми эта ветреная девка дружит один миг. И ее услуги за пару монет не купишь.

Вот дерьмо. И рисковать нельзя, и тянуть дольше невозможно. Стоило закрыть глаза, и появлялась улыбка леди Атры. Вот же змея сладкая – ротик маленький, пухлый, локоны что шелк своевольный, бедра сквозь разрезы платья так и лоснятся. Шлюха сиятельная. Пахнет лакомо, остро – мозги без всякой «водички» дуреют. Что у нее за духи? За стоимость десятка флаконов таких благовоний в Глоре можно торговый дом открыть.

А ресницы какие дивные. Каждый взмах как лезвием по душе.

Квазимодо замычал и подтянул колени к груди. Приступы возбуждения мучили хуже лихорадки. Где ж это видано – так по бабе гладкой изнывать? Мозги у тебя размягчили – только о попке, обернутой тряпкой дорогой, и думаешь. Выберешься – в жизни к шлюхам не подойдешь.

Да разве она шлюха? Она такими, как ты, в кости играет. По десятку за раз на кон ставит. Убийца она, убийца. Палачка синеглазая, стерва кровавая. Что ты о ней думаешь? Ведь убьет она тебя, убьет и смеяться будет. Что ты о лорде Дагда не поразмыслишь? Неужто не пугают науки его лекарские, живодерские?

Квазимодо ничего не мог с собой поделать. Горела щека там, где ее касались пальчики с синими ногтями. Жар пробегал по всему телу, и становилось сладко-гадостно.

Ох, хорошо, Ныр не видит тебя, такого хладнокровного.

Шум Квазимодо удивил. Для ужина вроде рановато. Возня, громкие голоса у входа. Потом кто-то истошно завизжал. Квазимодо на всякий случай свернулся на матраце, обхватил колени руками – в такой позе проводили время большинство обитателей камер. Даже бедняга Кургузый пытался свернуться в клубок, обхватывая короткими верхними обрубками нижние.

Отвернувшись к стене, Квазимодо наострил уши. В клетку вели новосела. Похоже, на этот раз дело обошлось без волшебного напитка, путающего мозги. Пленник яростно сопротивлялся. Обычно молчаливые надзиратели натужно пыхтели. Кто-то из них шепотом выругался. Возня шла у крайних решеток, там, где сидел Ныр. Квазимодо с интересом слушал звуки яростной молчаливой борьбы. Да, нелегкий день нынче выдался у тюремщиков. Что ж так? Снадобье не действует или кто-то такой догадливый нашелся, что пить отраву не желает? Видать, крутой тип – никак его в клетку не запихнут.

Там раздался крик боли, посыпались полновесные проклятия. Пленник умудрился укунить одного из конвоиров.

Нет, нужно посмотреть на этого молчаливого отчаянного парня. Квазимодо рискнул осторожно подобраться к решетке, выглянуть.

Шесть надзирателей, путаясь в балахонах, впихивали в загон пленника. Удивительно, но особым здоровьем упрямец внешне не казался. Сухощавая тонкая фигурка, скованные за спиной руки. Но вырывался хлипкий пленник на диво ловко. Ящерицей выскальзывал из рук, рвался прочь от распахнутой дверцы клетки. Рыжие длинные волосы мелькали темным огненным факелом. Парень падал на колени, ввинчивался между ног надзирателей. Два раза он почти вырывался. Но в коридоре было слишком тесно.

Вор наблюдал за сопротивлением незнакомца с искренним восхищением. Вот это ловкач. В свое время Квазимодо немало поработал на улицах и рынках прибрежных городов. Там было где проявить шустрость и изворотливость. Вор и проявлял, довольно успешно, раз остался жив и даже сохранил последний глаз. Но до этого рыжего ловкого незнакомца вору было далеко, и сам Квазимодо это прекрасно понимал.

Зло сопели тюремщики. Раскачивались, бросая судорожные тени, светильники, шаркали подошвы по плитам пола, трещала одежда. Упрямый пленник не получил «форменную» красную набедренную повязку, но теперь его собственная одежда из свободных светло-коричневых штанов и такой же рубахи уже превратилась в живописные лохмотья. Надзиратели старались не причинить вреда пленнику, но его одежду никто щадить не собирался.

Вор искренне болел за новоприбывшего, но понимал, что сопротивление бессмысленно. Раньше нужно было биться за свободу. А теперь попал ты, парень. Вшестером не справятся, еще десяток набегит. Здесь этих козлов в балахонах что сардели³⁸ в море.

Но пока рыжий парень держался. Превосходящему противнику никак не удавалось запихнуть его в узкий проем в решетке. Квазимодо никак не мог понять – вроде скрутили бедолаге руки, сжали ноги, а из клетки его словно что-то выталкивает. Видно было плохо, и вор не сразу понял, что и правда пленника выталкивает. Отчетливо мелькнули ноги в мягких башмаках из сыромятной кожи. Выходит, новоприбывших двое, и засунутый первым в клетку пленник чем может помогает оставшемуся в относительной свободе коридора товарищу. Что ж это делается? Не положено по двое в одно стойло пихать. И куда лорд Дагда смотрит? Никаких условий для нормальной тюремной жизни.

Квазимодо с сожалением покачал головой. Вроде геройски держится этот рыжий с товарищем. Бьются молча, яростно, а толку что? Поберегли бы силы для дела.

Прибежали еще трое надсмотрщиков. Перед свежими силами рыжий парень не устоял. Его наконец впихнули в клетку, клацнул замок. Представление было закончено. Квазимодо юркнул на свой матрац. Мимо, распространяя запах едкого пота, прошуршал рясой один из тюремщиков. Через мгновение в тишине зашаркала метла. Надзиратель торопливо подметал коридор. Порядок здесь все-таки уважали.

³⁸ Сардель – одно из названий мелких сардин.

Квазимодо принялся к куску выданного на ужин мяса, раздумывал, можно ли его есть или лучше подождать и стащить что-нибудь не столь питательное, но уж наверняка более безопасное ночью. Питалась челядь и охрана замка хорошо. Вообще жизнь в городе Калатер проистекала благополучно. В этой мысли сходились все, кого удалось подслушать вору. Действительно – везде порядок, все одеты, обуты, ярмарки каждую неделю. Ну а то, что господа с преступниками да с дарками приبلудными чудят, так на то они и господа. Где ж их умом понять?

Квазимодо поразмыслил, не стоит ли попробовать поговорить с рыжим парнем и его товарищем. Ребята они решительные, если их из клетки выпустить, пойдут до конца. Вор решил все-таки не рисковать – решительные они, конечно, решительные, только шибко горячие, хоть и молчат как рыбы. С боем из замка не вырваться, будь ты хоть самым Туата Де Дан.³⁹ И кусаться без толку здесь неуместно. Нет уж, лучше Ныра взять. Он хоть слушаться будет и зубами своими мелкими цапать, когда необходимость возникнет.

В тишине вор привычно нащупал отмычкой замочную скважину. Замок легко открылся. Вокруг уже стояла ночная сонная тишина. Вор на цыпочках выбрался в коридор. Тускло горел светильник. Ровно дышали обитатели клеток. Внутри вор предпочитал не заглядывать. Никакого толку – одни нервы. Особенно Квазимодо старался не смотреть на чудовищно укороченное, почти потерявшее человеческий облик существо. Впрочем, остальные узники также не вызывали у вора симпатии. В камере рядом сидел орк, зубастый, длиннорукий, шерстяная шапка волос совсем скрывала его глаза. Только, кроме зубастости и косматости, ничего свободного и независимого в бывшем горце не осталось. Такой же вялый овощ, как и остальные.

Рядом с клеткой новоприбывших валялась рассыпанная по плитам пола каша и куски мяса. Не жрать отраву – это, конечно, правильно, но выставлять напоказ свое упрямство зачем? Эх, где только таких гордых рыжих делают?

Квазимодо прокрался к клетке фуа.

– Валяешься, лягушка? Жир належиваешь?

– Ну, валяюсь, належиваю, иногда сижу, хожу в ведро и хочу бабу, – сердито прошептал ныряльщик, подползая к решетке. – Ты когда за водой пойдешь? Я сейчас издохну.

– Не издохнешь. – Вор ухмыльнулся. – Раз бабу хочешь, значит, до настоящей жажды далеко.

– Сволочь ты однобокая, – грустно прошептал фуа. – Я пить хочу.

– Ладно тебе, – пробормотал Квазимодо. – Принесу и воды, и пожрать чего-нибудь легенького. Завтра нам силы понадобятся. А то, что бабу хочешь, как раз и обнадеживает – настоящим бойцом становишься. А то как же – «меня от ваших баб воротит», «и взглянуть побрезгую».

– Лучше бы меня по-прежнему воротило. Ты не знаешь – она такое мучение.

– Ну, где мне понять. Это ты у нас такой любовник пылкий, неукротимый, – морщась, прошептал вор. – Ладно, ты мне своими влюбленностями похотливыми голову не забивай. Я на разведку и за водой.

– Эй, селянин, подойди сюда, – громко прошептали из соседней клетки.

Направившийся было к ступенькам, Квазимодо неохотно остановился.

– Подойди сюда, одноглазый, не пожалеешь, – настойчиво прошипели из стойла, где сидели новые пленники. – Не будь дураком, селянин, лови свое счастье.

³⁹ Туата Де Дан (племена Дану) – божественное племя.

– И где это вы такую кучу счастья надыбали, что раздаете так легко? – пробурчал вор, приседая перед решеткой.

Рыжий драчун прижался к брусьям. Яркие темно-карие глаза второго пленника сверкали в глубине клетки.

– Одноглазый, открой замок. Получишь сотню серебром. Тебе такое богатство и не снилось.

Квазимодо фыркнул:

– Выгодное предложение. Вы, наверное, монетки на теле держите? В самом темном месте?

– Выйдем – получишь. Слово даю. – Рыжий парень яростно стиснул брусья решетки. – Я не обману.

– Мне-то что? Я ваш замок все равно открыть не могу. На моей двери стоит старый, разболтанный, сам открывается. Так что не судьба, извините.

– Врешь! – Рыжий даже зарычал по-собачьи. – Попробуй, урод. Если получится, я тебя отблагодарю по-княжески. Только открой решетку, быдло тупое.

– Не могу, сказал же, – раздраженно прошипел Квазимодо. – Да что вам сдался этот замок? Дальше караулки ведь не уйдете.

– Уйдем! Я вырежу всех в этой смрадной дыре разврата. Кровь будет хлупать под ногами, они утонут в ней, я сдеру шкуру с их воинов и сделаю из них...

– Я бы, конечно, вас еще послушал, уважаемый. Красиво говорите, – прервал пылкого собеседника вор. – Да мне некогда. Мне за водой нужно. А вы сидите и не огорчайтесь сильно. Сдается мне, ежели выйдете вы, уважаемые, из клетки, то живо схлопочете еще по полсотни пинков да вернетесь за решетку. Вон с вас даже наручники не сняли...

– Что ты понимаешь, урод безмозглый?! – зарычал рыжий пленник. – Я свободным рожден, не чета тебе! – Он с удивительной гибкостью метнул скованные руки между брусьями, изогнулся и почти достал щиколотку одноглазого парня. Квазимодо едва успел отпрыгнуть. Разочарованный рыжий издал низкое вибрирующее рычание.

– Вы эти собачьи ухватки бросьте, – пробормотал слегка испуганный вор. – Тоже мне еще великий, трахнутый на голову милорд нашелся.

– Ошейник носишь, раб хозяйский. Я тебе горло вырву, – страстно пообещал рыжий пленник.

– Да на здоровье. После здешних хозяев или до них за дело приняться желаете? Если что, я могу местных живодеров попросить, чтобы мой кадык вам на обед прислали. Ваша милость довольна будет?

– Осел тупой! Вонючка уродливая, – в бессильной ярости зашипел рыжий парень.

Неожиданно из глубины клетки метнулась вторая тень. Хлестнула по решетке огненная грива волос. От удара скрипнули брусья. Оторопевшему Квазимодо на миг показалось, что гибкое тонкое тело протиснется сквозь узость ячейки, просочится между крепкими брусьями. Но темное дерево выдержало. Скованные кисти чуть-чуть не дотянулись до ноги вора. В клетке теперь придушенно рычали в два голоса. В полутьме неистово сверкали две пары карих глаз.

Квазимодо сплюнул. Бешеные какие. Разве с такими договоришься?

Квазимодо прокрался мимо стола с книгой учета, поднялся по ступенькам. Сначала стоит проверить левую часть верхнего этажа. До внешней стены там ближе всего. Может, рискнуть веревку перекинуть? Была бы «кошка» хорошая. Ладно, посмотрим на месте. Потом вода и жратва. Шутки шутками, а Ныр может и не выдержать.

Вор прижался к двери, хотел послушать, но тут же зайцем метнулся назад. Влетел в коридор между клетками. Сзади на лестнице уже слышались торопливые шаги. Квазимодо едва успел заскочить в свое стойло и закрыть дверь, как мимо камеры пробежал тюремщик. Загора-

лись светильники в коридоре. Вдоль камер, как упитанные летучие мыши, проносились взбуженные надсмотрщики. Квазимодо ни жив ни мертв лежал на матраце. Дверь прикрыта, на замок-то защелкнуть не успел. При беглом взгляде незаметно, но стоит кому-то подойти... Вот так рискуешь, рискуешь, и когда-то везение кончается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.